

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ВСЕВОЛОДА ВЛАДИМИРОВИЧА КРЕСТОВСКАГО

ТОМЪ VII

Оглавленіе седьмого тома.

	СТР.		СТР.
1) Въ гостяхъ у эмира Вухарскаго.....	1	10) Посѣтъ, Суйфунъ и Ольга (Очерки Южно-Уссурійскаго края)...	397
2) Вдоль Закавказской границы (Дорожныя замѣтки).....	163	11) Бѣловѣжская пуща (Путевныя замѣтки).....	448
3) Вдоль Австрійской границы (Путевныя замѣтки).	287	12) Очеркъ кампаніи 1829 года въ Европейской Турціи... ..	495
4) Русскій городъ подъ австрійской маркой.	309	13) Тамбовскіе дворянскіе выборы.....	500
5) Новый путь въ центральную Азію.....	349	14) Непокойный домъ. Разсказъ.	506
6) По поводу толковъ о путяхъ къ Восточу.....	356	15) Степное гнѣздо.....	522
7) Русская церковь на Японскомъ морѣ.....	363	16) Мезонинъ въ Ревякиной улицѣ (Фантастическій случай изъ дѣйствительной жизни). Разсказъ.....	539
8) Ловкій и сильный ударъ англичанъ по Россіи.....	365	17) Змѣиный дѣдъ. Разсказъ.....	548
9) Синто и Буккѣйо. (Изъ воспоминаній о „Странѣ восходящаго солнца“).	367	18) Внѣ закона. Романъ въ четырехъ частяхъ.....	555

Всеволодъ Владиміровичъ
КРЕСТОВСКІЙ.

Въ 1894 году.

БѢЛОВѢЖСКАЯ ПУЩА.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Поездъ подошелъ къ Бѣлостокской станціи—
и мы вышли.

День 27 июня 1872 года былъ убійственно
жарокъ, и подъ этимъ чисто тропическимъ
солнцемъ предстояло еще сорокаверстное пу-
тешествіе до города Бѣльска, по тяжело-песча-
вой и пыльной дорогѣ!

Извозчикъ-еврей повезъ насъ въ городъ
чрезъ деревянныя триумфальныя ворота, по-
строенныя нѣсколько лѣтъ назадъ для встрѣчи
государи императора, мимо католическаго клад-
бища, которое довольно живописно раскину-
лось на холмѣхъ подъ тѣнью кудрявой рощи.

Первое впечатлѣніе при въѣздѣ говорить
въ пользу города; мощеная широкая улица
обрамлена съ обѣихъ сторонъ густолиственной
аллеей старыхъ, вѣковыхъ липъ; дома камен-

ные, довольно приличной наружности, между которыми встрѣчаются и многоэтажные, и вамъ начинаетъ казаться, что вы вѣхали въ какой-нибудь очень приличный губернский городъ.

Русскіе люди, принадлежащіе даже къ образованной средѣ, вообще очень мало знаютъ у насъ наши собственные города и области, входящія въ составъ нашего отечества, то-есть, говоря откровенно, понятій у насъ о многихъ изъ городовъ и областей нѣтъ никакихъ, или же самыя смутныя, и хорошо еще если мы знаемъ ихъ по имени, что вотъ-можь есть у насъ въ такой-то губерніи и такой-то вотъ городъ. Нерѣдко случается встрѣтить цивилизованнаго россиянина, который знаетъ множество городовъ Западной Европы; случается иногда, что онъ знакомъ и съ промышленною, и съ научною, и съ художественною, и съ иными сторонами жизни нѣкоторыхъ изъ нихъ, можетъ отчетливо указать вамъ достопримѣчательности и даже дать кое-какія историческія свѣдѣнія о многихъ городахъ Германіи, Франціи, Швейцаріи и Италіи; но спросите его: знаетъ ли онъ Кострому или Вологду, то онъ, буде только не уроженецъ того или другого города, отвѣтитъ вамъ: «нѣтъ, вѣдь мы пензенскіе», а если чиновникъ, то можете ждать чего-нибудь въ родѣ Скалозубовскаго отвѣта: «не знакомъ! мы съ нею вмѣстѣ не служили», ибо чиновники наши по преимуществу, если даже не исключительно, знаютъ только тѣ грады и веси, въ какихъ состояли на службѣ.

Согласитесь, что мои слова имѣютъ за собою значительную долю основательности, едва ли оспоримой, а потому я надѣюсь, что не навлеку на себя особыхъ сѣтованій, если сообщу здѣсь очерки двухъ попутныхъ городовъ, чрезъ которые пролегаетъ путь въ Бѣловѣжскую Пушу, тѣмъ болѣе что одинъ изъ нихъ имѣетъ весьма немалое промышленное значеніе, другой же не лишенъ значенія историческаго.

Вскорѣ по завоеваніи Гедиминомъ (1320) страны, извѣстной подъ общимъ именемъ Подлясья, ¹⁾ было основано селеніе при рѣчкѣ Бѣлой, ²⁾ которое въ подляскихъ грамотахъ XV вѣка называется «Бѣльцаны-Стѣкомъ». Долгое время Бѣльцаный, а впоследствии Бѣлы-Стокъ (Białystok), былъ не болѣе какъ простою деревней. Принадлежалъ онъ въ XV вѣкѣ какому-то Мацею зъ Тыкоцны, которому былъ подаренъ Витолдомъ; потомъ владѣли имъ Веселовскіе, отъ которыхъ Бѣлостокъ отчисленъ къ короннымъ имуществамъ, а въ 1659 году король Янъ-Казиміръ отдалъ его въ пожизненное владѣніе гетману Степану Чернецкому, въ награду «за особыя заслуги», оказанныя имъ отечеству. У Чернецкаго была

дочь Александра-Екатерины, на которой женился графъ Яковъ-Климентій Браницкій, получившій по смерти Чернецкаго Бѣлостокское имѣніе, и такимъ образомъ Бѣлостокъ перешелъ въ родъ Браницкихъ. Сынъ графа Якова, Степанъ, построилъ въ Бѣлостокѣ деревянный «палацъ» и деревню преобразовалъ въ городъ (mi steczko), а сынъ Степана, Иванъ Браницкій, великій гетманъ Литовскій и Краковскій каштелянъ, выпросилъ у Августа II для своего мѣстечка Магдебургское право, на основаніи котораго Бѣлостокъ, принадлежа Браницкимъ, сдѣлался уже городомъ, и съ 1745 года сталъ управляться магистратомъ. Новый городъ быстро разрослся, населеніе его увеличивалось съ каждымъ годомъ, а Браницкій постоянно заботился о томъ, какъ бы все болѣе и болѣе украшать свою резиденцію. Онъ окружилъ городъ каменною стѣной, въ которой имѣлось на выѣздахъ четверо воротъ съ каменными башнями; на площади выросло каменное зданіе городской ратуши съ башней и съ курантами на ней; тутъ же появились и каменные лавки; каменный костелъ св. Троицы былъ построенъ еще въ 1584 году прежнимъ владѣльцемъ Бѣлостока, Петромъ Веселовскимъ. Деревянный «палацъ» графа Степана былъ сломанъ, а на мѣсто его графъ Иванъ соорудилъ великолѣпный «палацъ» каменный, взявъ за образецъ Версальскій дворецъ и окруживъ его флигелями и всевозможными затѣями магнатской роскоши: тутъ были, разумѣется, и прекрасные сады,—верхній и нижній, французскій и англійскій, и фруктовый, сохранившіеся до нашего времени, и пруды, и каналы, и оранжереи, и театръ, и исарни, и цѣлыхъ два звѣринца, до 14 верстъ въ окружности, изъ которыхъ въ одномъ содержались «даніэльскіе», то-есть дикіе козы, а въ другомъ олени. Ясневельможный панъ грабя Янъ Браницкій жилъ съ совершенно царскою роскошью. Онъ владѣлъ громадными имѣніями въ Украйнѣ, въ Галичинѣ, въ Литовской Руси и въ «Коронѣ», то-есть въ самой Польшѣ. Женатый на Елизаветѣ Понатовской, сестрѣ послѣдняго короля Польскаго, онъ въ честь ея задавалъ баснословныя празднества, о которыхъ въ Бѣлостокѣ и до сихъ поръ еще живы воспоминанія. Въ свое время эти празднества, пиры и охоты составляли даже предметъ особыхъ хроникъ, благодаря которымъ и потомство можетъ теперь имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, что такое была въ оны дни пресловутая магнатская роскошь. На эти пиры съѣзжались издалика и магнаты, и принцы крови, и иностранные посланники, не говоря уже о «дробной шляхтѣ», всегда охочей до лакомаго куска и ласковаго пинка своихъ ясневельможныхъ патроновъ. Тутъ были и аллегоріи, и декораціи, и иллюминаціи съ фейерверками; при тостахъ надворная гвардія стрѣ-

¹⁾ Нынѣ Бѣлостокскій и Бѣльскій уѣзды Гродненской губерніи.

²⁾ Бѣлая впадаетъ въ Супрасль, которая сливается съ Наревомъ.

ляла изъ пушекъ и ружей, гремѣла «собственная» музыка, «собственные» таланты представляли комедіи и трагедіи, «собственные» феи и сильфиды плясали цѣлыя балеты; впрочемъ, между актерами и танцовщицами были и не крѣпостные, а по преимуществу родовитые шляхтичи и шляхтянскія дѣвицы, составлявшія придворный штатъ и состоявшія подъ патронатомъ «пана грабега» и его супруги. Для обѣдовъ устраивали особыя галлерей. Въ обѣденномъ столѣ на двѣсти особъ, во всю длину его, посрединѣ вѣдывали каналъ, какъ говорятъ молва, серебряный, этотъ каналъ наполнялся дорогимъ токайскимъ виномъ, и плавали на поверхности его 24 кораблика, драгоценной отдѣлки, наполненные всевозможными лакомствами для дамъ; мужчины же лакомились изъ громаднаго прадѣдовскаго кубка Степана Чарнецкаго, изъ котораго, при громѣ музыки и пушекъ, пило съ за здоровье самой графини.

При послѣднемъ раздѣлѣ Польши Подляское воеводство досталось Пруссіи, и послѣ того, въ 1802 году, Бѣлостокъ былъ проданъ Прусскому королю за 270.970 талеровъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы вдова графа Ивана, графиня Елизавета, владѣла городомъ по смерти своей и чтобы прусское правительство выдавало каждый годъ по 5.578 золотыхъ на содержаніе мѣстнаго польскаго костела.

Нѣмцы тотчасъ же внесли съ собою въ Бѣлостокъ свою прочную закваску, которая слишкомъ явно сказывается въ городѣ вездѣ и во всемъ, даже и по настоящую минуту. Браничкій хоть и строилъ башни и палацы, однакоже могъ совершенно спокойно переносить, рядомъ со своимъ дворцомъ, всяческую грязь, вонь и нечистоту, искони присущія польско-жидовскимъ мѣстечкамъ, и эта смѣсь роскоши съ грязью, эта уживчивость съ нечистотой составляетъ одну изъ отличительныхъ, одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ польскаго панства.

Нѣмцы сейчасъ же все передѣлали по-своему. Дома приказали выбѣлить, улицы выровняли, вычистили, вымостили камнемъ, поставили гауптвахту и на все навѣсили ярлыки съ нумерами. «Все очень въ порядкѣ и очень систематично».

На улицахъ Варшавской и Боярской ветхія деревянныя лачужки были сломаны, снесены прочь, а на мѣстѣ ихъ въ скоромъ времени появились, какъ родные братья, похожие одинъ на другой, каменные двухъ-этажные дома, и прибавилась совсѣмъ новая часть города, которую называли «Клейндорфъ». Бѣлостокъ произведенъ въ санъ «гауптштадта» Бѣлостокскаго департамента, въ который тотчасъ же начался наплывъ нѣмецкаго колонизаторскаго элемента.

По Тильзитскому миру, Бѣлостокская область отошла къ Россіи, причемъ императоръ Александръ откупилъ у короля прусскаго Бѣлостокъ

за условленное вознагражденіе, сверхъ котораго долженъ былъ прибавить по счету 20.223 рубля серебромъ за оранжерейныя растенія и дворцовую мебель.

15-го сентября 1808 года Бѣлостокъ сдѣланъ областнымъ городомъ, и въ этомъ значеніи оставался до присоединенія области (въ 1843 году), подъ именемъ и на правахъ уѣзда, къ Гродненской губерніи.

Замѣчательно, что наибольшее промышленное развитіе и значеніе Бѣлостокъ получалъ еще въ то время, когда пути сообщенія у насъ были вообще довольно плохи, а о желѣзныхъ дорогахъ едва ли кто и думалъ.

Начало этого развитія относится къ 1835 году. До того времени въ городѣ имѣлись только двѣ фабрики: шляпная и суконная, и нѣсколько ремесленныхъ, цеховыхъ заведеній. По тому времени и этого было уже много, если вспомнить что Бѣлостокъ принадлежитъ къ городамъ Западнаго края, отличающимся полнѣйшимъ отсутствіемъ въ нихъ крупныхъ оптовыхъ дѣлъ и оборотовъ по части торговли и промышленности. Но не даромъ же въ немъ посидѣли нѣмцы годовъ съ десятокъ. Благодаря ихъ инициативѣ, жидовско-шляхетская резиденція пана Броницкаго становится уже подъ русскимъ правительствомъ однимъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктовъ Западнаго края. Прошло едва ли какихъ-нибудь двадцать лѣтъ съ 1835 года, какъ уже въ Бѣлостокѣ и окрестныхъ мѣстечкахъ появляется множество крупныхъ и мелкихъ фабрикъ, преимущественно суконныхъ. Имена Моэса, Захерта, Бетхера, Герца, Михаловскаго, Кемихау, Малки Блоховой, какъ главнѣйшихъ дѣятелей въ промышленной производительности, получаютъ громкую извѣстность не только въ мѣстномъ околоткѣ, но и далеко за предѣлами края: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Нижнемъ, въ Харьковѣ и Полтавѣ, въ Одессѣ, въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Варшавѣ, въ Ригѣ и даже за границей произведенія ихъ находятъ хорошей сбытъ и пользуются почтенною репутаціей. Около десятка близъ лежащихъ мѣстечекъ, которыя до того времени глохли и утопали въ грязи подъ гнетомъ паразитнаго еврейскаго населенія, вдругъ получаютъ видное мѣсто въ цѣлой губерніи, упрочиваютъ за собою репутацію фабричныхъ, промышленныхъ пунктовъ, привлекаютъ къ себѣ множество рабочихъ рукъ, поднимаютъ благосостояніе окрестныхъ жителей—и все это съ появленіемъ всѣхъ этихъ Моэсовъ, Захертовъ и пр. Супрасль, Хороща, Книшинъ, Васильковъ, Ясеновка, Михалово, Добржинево, Марковпизна, Сухони обзаводятся множествомъ мелкихъ суконныхъ фабрикъ, которыя растутъ какъ грибы около фабрикъ крупнаго размѣра, поощряемые съ одной стороны примѣромъ хорошаго производства, приносящаго добрые барыши, а съ другой,—оби-

лѣмъ рабочихъ, умѣлыхъ рукъ, пріобрѣтшихъ это умѣніе опять-таки благодаря крупнымъ фабричнымъ заведеніямъ, которыя для нихъ служили и служатъ такъ-сказать школами ремесла. Обработку карта шерстяного и бумажнаго началъ въ этомъ краѣ фабрикантъ Мовсъ, а его примѣру успѣшно послѣдовали Захертъ, Бетхеръ и Герцъ. Бѣлостокскія сукна, карты, холстинки и платки расходятся, какъ мы сказали уже, въ весьма почтенномъ количествѣ. Еще пятнадцать лѣтъ назадъ въ городѣ и уѣздѣ уже работали 918 станковъ, при 3.113 работникахъ, которые ежегодно производили 1.240.800 аршинъ, на сумму 2.485.180 руб. сер. ⁴⁾. И эти результаты даютъ одно только суконно-картовое производство.

Съ развитіемъ фабричной и заводской промышленности разрослся и самый городъ, и замѣтно прибавлялось населеніе: въ двадцать три года число домовъ увеличилось на 29%, а число жителей на 50% ⁵⁾. Эти процентныя цифры говорятъ сами за себя. Изъ самого городѣ, не говоря уже объ окрестностяхъ, можно насчитать до пятнадцати фабрикъ и заводовъ, между которыми есть суконныя, картовыя, кожевенныя, бумагопрядильныя, мыловарныя, маслобойни и пивоварни, а также девять мукомольныхъ мельницъ, годовой перемолотъ которыхъ простирается до 20.000 четвертей муки; двѣ пивоварни производятъ ежегодно до 1.000 бочекъ пива. Но рядомъ съ развитіемъ промышленности процвѣтаетъ въ Бѣлостокѣ и торговля контрабандными товарами, которыхъ не мало найдете вы въ лавкахъ гостинаго двора. Торговля эта сосредоточена исключительно въ еврейскихъ рукахъ, и благодаря ей, не одинъ бѣлостокскій сынъ Израиля создавалъ себѣ въ короткое время и большое богатство, и почетное значеніе въ средѣ своихъ единоплеменниковъ.

Бѣлостокъ дѣлаетъ на свѣжаго человѣка впечатлѣніе скорѣе нѣмецкаго, чѣмъ западно-русскаго или жидовско-польскаго города. Эти фабрики и заводы съ высокими горнами, эти чистенькія улицы (не всѣ, конечно, а только главныя), эти бѣлые дома и домики — почти всѣ до единого съ красивыми черепичными кровлями — все это какъ будто переноситъ васъ въ какой-нибудь захолустный мирный уголокъ Германіи. Здѣсь даже существуетъ нѣмецкое общество стрѣльбовъ изъ лука. Ежегодно собираются они на празднество Иванова дня (24-го іюня) въ звѣринецъ, гдѣ ставится высокій шестъ, увѣнчанный деревяннымъ орломъ, который служить цѣлью для стрѣлъ. Попавшій въ орлиное сердце провозглашается королемъ

праздника, въ каковомъ званіи и остается до слѣдующаго состязанія. При этомъ, конечно, выпивается множество кувелей пива. Тутъ же устроенъ и Kegelbahn, а подъ тѣнью высокаго сосенъ размѣщено много столиковъ, за которыми въ праздничные вечера вы найдете исключительно семейства нѣмецкихъ ремесленниковъ, сидящихъ за кружками пива.

Поживя десять лѣтъ въ Бѣлостокѣ и уступивъ его русскимъ, нѣмцы не сразу начали послѣ своей уступки новый наплывъ въ этотъ городъ; только съ 1835 года стали вновь появляться сюда германскіе колонисты въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ и, какъ мы уже сказали, съ этого же года начинается подыматься и процвѣтаетъ уровень мѣстной промышленности. Нѣмцы сосредоточиваютъ свои поселенія и промышленную дѣятельность почти исключительно около Бѣлостока. И Бѣлостокъ долженъ этимъ нѣмцамъ сказать большое спасибо, потому что не будь у него нѣмцевъ, онъ оставался бы съ однимъ только «палацомъ» Браницкихъ.

Кстати объ этомъ «палацѣ». Покойный государь императоръ Николай Павловичъ далъ ему лучшее примѣненіе, какого только можно было желать: съ 1841 года въ этомъ дворцѣ существуетъ женскій институтъ, въ которомъ получаютъ очень порядочное образованіе до ста дѣвицъ, и между ними тридцать штатныхъ, то-есть казеннокоштныхъ воспитанницъ. Вообще по учебно-образовательной части Бѣлостокъ, какъ уѣздный городъ, можетъ перещеголять весьма многіе и многіе изъ нашихъ городовъ, не только уѣздныхъ, но и губернскихъ: онъ, кромѣ института, имѣетъ еще мужскую гимназію, первоклассное еврейское училище и школу для еврейскихъ дѣвочекъ.

Къ числу особенностей Бѣлостока принадлежитъ замѣчательное въ этомъ краѣ отсутствіе нищихъ (мы говоримъ, конечно, относительно). Съ одной стороны, къ искорененію нищенства способствуютъ все тѣ же фабрики, заводы и промышленныя заведенія, привлекающія массу рабочихъ рукъ, а съ другой — существованіе въ этомъ городѣ особаго пріюта для бѣдныхъ, гдѣ находятъ кусокъ хлѣба, одежду и теплый уголъ до ста калѣкъ, сиротъ, стариковъ и дѣтей, лишенныхъ возможности самостоятельно обезпечить свое существованіе. При этомъ пріютъ, существующемъ съ 1855 года, есть и больница для бѣдныхъ, гдѣ пользуются и взрослые, и дѣти. Оба заведенія состоятъ подъ надзоромъ сестеръ милосердія и управляются комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ магазинахъ, кондитерскихъ, трактирахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ нѣмются кружки для добротной конейки въ пользу этого пріюта и больницы, и такимъ-то образомъ, да еще при по-

⁴⁾ П. Бобровскій. „Гродненская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи“, собранныя офицерами генеральнаго штаба. Томъ II, стр. 283.

⁵⁾ П. Бобровскій. Т. II, стр. 859.

мощи концертовъ, лотерей и пожертвованій, годовой приходъ пріюта доходить до тысячи, и даже до полуторы тысячи рублей.

Въ настоящее время подѣ Бѣлостокомъ пересѣкаются двѣ линіи желѣзныхъ дорогъ: Петербурго-Варшавская и Граево-Брестская, что въ недалекомъ будущемъ, безъ сомнѣнія, отразится самымъ счастливымъ образомъ на процвѣтаніи мѣстной промышленности и еще болѣе выдвинетъ Бѣлостокъ изъ ряда городовъ сѣверо-западной Россіи.

Послѣ довольно сноснаго обѣда въ трактирѣ, гдѣ прислуживаютъ мальчики въ великорусскихъ ситцевыхъ рубахахъ на выпускъ, я около шести часовъ вечера выѣхалъ изъ города по Бѣльскому почтовому тракту.

На седьмой верстѣ отъ Бѣлостока, при самой дорогѣ лежитъ небольшая нѣмецкая колонія, которая, со времени своего основанія, считала въ 1872 году только девятый годъ. Помѣщикъ, владѣвшій въ этомъ мѣстѣ, продалъ колонистамъ клочокъ земли, покрытой лѣсомъ и вообще мало удобной. Но нѣмцы не смутились: они повырубили лѣсъ, повыжигали пни, выкорчевали корни, удобрили землю, и такимъ образомъ превратили свой клочокъ въ прекрасное и плодородное поле. Печать благосостоянія видимо лежитъ на самой внѣшности, на наружномъ видѣ колоніальныхъ построекъ. Бѣленькіе домики, покрытые красной черепицей, огорожены исправными изгородями, распланированы достаточно широко и на взглядъ производятъ довольно пріятное, веселое впечатлѣніе. На моемъ пути это было первое поселеніе, въ которомъ я не замѣтилъ ни малѣйшихъ признаковъ жидовской корчмы съ жестяною блухой: «распивочно и на выносъ». Здѣсь ея такъ-таки и нѣтъ совсѣмъ, что составляетъ въ Западномъ краѣ явленіе весьма исключительное. Всѣ ховяева-колонисты занимаются суконнымъ производствомъ, и такимъ образомъ каждый домикъ этой колоніи представляетъ собою маленькую суконную фабрику. Вообще, окрестности Бѣлостока полны мануфактурно-промышленнаго характера и видимо говорятъ вамъ о благосостояніи этой мѣстности: эти красивенькіе фольварки съ черепичными кровлями, эти прочныя каменныя постройки фабрикъ и заводовъ съ высокими горками, эти веселыя рошцы и перелѣски, эти дороги, идущія аллеями по разнымъ направленіямъ,—все это почти невольно наводитъ васъ на мысль, что вы, силою какого-то чародѣйства, вдругъ перенеслись изъ грязнаго и бѣднаго Литовскаго края въ какой-нибудь благодатный уголокъ Германіи, — и вотъ, опитъ-таки, хочешь-не-хочешь, а отдаешь полную дань уваженія той прочной нѣмецкой закваскѣ, которая въ какія-нибудь десять лѣтъ кладетъ живыя сѣмена для германизации въ той самой мѣстности, гдѣ мы, среди коренного русскаго населенія, въ цѣлое столѣтіе ровно

ничего не сумѣли сдѣлать для обрусенія нѣсколькихъ сотъ семействъ ополяченной шляхты.

Отъ Бѣлостока до Бѣльска считается 40¹/₂ верстѣ, которыя вы дѣлаете въ два перегона (23 и 17¹/₂). Отъ деревни Воишки, гдѣ находится почтовая станція, по пути къ Бѣльску вы встрѣчаете болотистые и обширные сѣнокосные луга по долинѣ рѣки Нарвы, доставляющіе главный, если не единственный источникъ существованія для мѣстнаго крестьянства, которое не можетъ похвалиться своею почвой: тутъ все — либо топъ по низинамъ, либо песокъ на пригоркахъ и вообще по нѣсколько болѣе возвышеннымъ мѣстамъ, такъ что земледѣльческій трудъ вознаграждается крайне скудно. Вотъ уже именно гдѣ оказывается справедливою извѣстная поговорка, что «колосъ отъ колоса—не слышать бабьяго голоса». Цѣлыя поля, покрытыя скудною травкой да низенькими корывымъ можжевельникомъ, лежатъ невоздѣланныя: не стоитъ обрабатывать, и потому здѣсь крестьяне предпочитаютъ жить «кутниками», то-есть ограничиваютъ свое хозяйство однимъ огородомъ, на которомъ и воздѣлываютъ преимущественно картофель. Этимъ картофелемъ они кормятся круглый годъ сами, кормятъ свиней своихъ и продаютъ его евреямъ-арендаторамъ водочныхъ заводовъ, гдѣ изъ этого продукта выкуривается водка, очень плохая, но, къ несчастію, очень распространенная по цѣлому краю.

Дорога отъ Воишекъ, благодаря пескамъ, становится очень тяжелой и пыльною; по краямъ ея уже исчезаетъ та богатая и разнообразная растительность, которая такъ пріятна для глазъ и такъ тѣнисто группируется въ длинной аллеѣ около Бѣлостока; но все-таки и здѣсь скудныя ветлы, да кое-гдѣ березки тянутся рядами по краямъ дороги, гдѣ обвалы и обсыпи нѣкоторыхъ пригорковъ позволяютъ видѣть чистѣйшій бѣлый и мелкій песокъ, составляющій грунтъ всѣхъ этихъ возвышенностей. Въ вертикальной плоскости этихъ обсыпей чернѣетъ почти правильными рядами множество норокъ, служащихъ гнѣздами полевымъ птишкамъ.

Мѣстность голая, однообразная, пустынная и скучная. Но вотъ, не доѣзжая четырехъ верстѣ до Бѣльска, попадаетесь навстрѣчу большая деревня Проневичи, лежащая по обѣимъ сторонамъ проѣзжей дороги. Послѣ той печальной голи и скудости, мимо которой мы только-что проѣхали, эта деревня просто поразила меня своимъ благосостояніемъ: хаты все прочныя, покрытыя хорошими соломенными кровлями, и всѣ до одной имѣютъ дымовыя трубы, что такъ рѣдко встрѣчается въ уѣздахъ Гродненскомъ и Волковысскомъ, которые можно даже назвать краемъ курныхъ избъ и жидовскихъ корчемъ, ибо тамъ только эти послѣднія имѣютъ дымовыя трубы.

Всѣ хаты и хозяйственные постройки въ Проневичахъ осѣняются густою и кудривою зеленою высоихъ и очень древнихъ деревьевъ. У каждой хаты непременно вы найдете небольшой садикъ, изъ котораго весело выглядываютъ пестрыя головки цвѣтовъ: мальвъ, подсолнуховъ, настурцій и въ особенности разнообразныхъ маковъ. На дворахъ вездѣ чистота, предъ входомъ въ сѣни всегда подметено, и народъ въ будни ходитъ въ чистыхъ бѣлыхъ сорочкахъ, что въ этомъ краѣ составляетъ явленіе тоже довольно рѣдкое. Насколько проневичскіе крестьяне простираютъ разумную заботливость свою о мѣстной культурѣ, можетъ служить примѣромъ небольшая березовая рощица, лежащая въ нѣсколькихъ саженьяхъ направо отъ дороги, какъ выйдешь изъ деревни по направленію къ Бѣльску. Молодые деревья насажены весьма часто и уже въ раннемъ возрастѣ даютъ непролисаемую густую тѣнь. Содержится эта рощица съ такимъ раченіемъ, въ такой необыкновенной чистотѣ и порядкѣ, что другихъ подобныхъ я нигдѣ не встрѣчалъ въ Гродненской губерніи. Просто отрадно и весело глядѣть на такого рода людскую заботливость о предметѣ, который, пока еще не принося ровной никакой практически-хозяйственной выгоды, служитъ единственно для удовлетворенія такъ-сказать эстетическихъ потребностей жизни мѣстнаго крестьянства: мой ямщикъ сказывалъ, что проневичскіе обыватели ходятъ сюда въ праздничные дни «на погулянки».

Чуть лишь выйдешь за Проневичи, какъ характеръ почвы тотчасъ же измѣняется и притомъ такъ, что это сразу же рѣзко становится замѣтно глазу: песокъ исчезъ, болотъ не видать, направо и налево широко разстилаются обширныя поляны тщательно распаханной тучной земли.

— Грунтъ хорошъ, для того и мужики богатые, — пояснилъ мнѣ ямщикъ въ отвѣтъ на мое замѣчаніе о почвѣ.

На ровной открытой мѣстности лежитъ небольшой городокъ Бѣльскъ, издали похожій болѣе на какое-нибудь южно-русское село, чѣмъ на городъ. Надъ группами бѣлыхъ хатъ и сѣрыхъ домишекъ, разбросанныхъ по плоскости широкаго поля, возвышаются густыя рѣзные вязовъ, ясеней, кленовъ, раскидистыхъ липъ и высоко поднимаются къ небу силуэты пирамидальныхъ тополей. Двѣ бѣлыя баньки и куполь православнаго собора въ центрѣ этихъ группъ довершаютъ незатѣйливую, но довольно милостивую картинку города Бѣльска.

Неизвѣстно въ точности, кто именно былъ основателемъ этого города. Г. Бобровскій въ замѣчательномъ и въ высшей степени почтенномъ трудѣ своемъ (изъ котораго всякій пишущій что-либо о Гродненской губерніи, подобно намъ, будетъ почерпнуть много драго-

цѣнныхъ свѣдѣній) дѣлаетъ предположеніе, что Бѣльскъ основанъ вѣроятно всего великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, около 1038 года. Наши лѣтописи содержатъ въ себѣ свѣдѣнія, что въ началѣ XI вѣка этотъ государь, желая утвердиться въ южной части Подлясы, дабы обезпечить свои сосѣднія владѣнія на Руси, положилъ основаніе въ землѣ ятвяговъ многимъ укрѣпленнымъ городамъ, населяя ихъ русскими, ятвяговъ же переселялъ на Русь. Такимъ образомъ возникли всѣ древнѣйшіе города Подлясы, какъ на примѣръ Дрогичинъ, Мельникъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Брестъ и др. Послѣ истребленія ятвяговъ, Подлясье вытерпѣло много невзгодъ. До конца XIII вѣка его присвоивали себѣ то князья русскіе, то мазовецкіе, то литовскіе, и въ это же время городъ Бѣльскъ былъ неоднократно опустошаемъ ордами татаръ и рыцарями Тевтонскаго ордена. И тѣ и другіе рыскали по краю, представлявшему, вслѣдствіе этихъ безпрестанныхъ нашествій, печальную и безлюдную пустыню, по которой пустырями стояли разрушенные пожарами и войной города и села. И татары, и рыцари жгли и грабили край самымъ исправнымъ образомъ, оспаривая другъ у друга въ этихъ подвигахъ палому разбойничьяго первенства. Впрочемъ, Бѣльскъ иногда и «отсиживался». Такъ, на примѣръ, было въ 1377 году, когда гроемистеръ прусскій Виврихъ вторгся въ Подлясье и осадилъ Бѣльскій замокъ. Городъ не сдался; пруссаки постояли, постояли надъ нимъ и, видя что на сей разъ ничего не поддѣлаешь, сняли осаду и пошли къ Каменцу, вознаграждая себя за неудачу тѣмъ, что повыжигали и поразоряли все что ни подвергивалось подъ руку на пути ихъ шествія¹⁾.

Во второй половинѣ XIV вѣка власть Литвы была окончательно утверждена надъ Подлясьемъ, которое и оставалось въ безспорномъ владѣніи за литовскими князьями до соединенія Литвы съ Польшей, послѣ чего Подлясье было слито въ одно цѣлое съ «Короной».

Вслѣдствіе споровъ за владѣніе между князьями Руси, Литвы и Мазовіи, а еще болѣе того вслѣдствіе слишкомъ часто повторявшихся опустошительныхъ набѣговъ татаръ и нѣмецкихъ рыцарей, Бѣльскъ до конца XV вѣка не выходилъ изъ ряда бѣднѣйшихъ городовъ литовскихъ. Первые льготы даны были ему Витольдомъ, но главнымъ его благодѣтелемъ былъ великій князь Александръ, женатый на Еленѣ, дочери великаго князя Московскаго, и потомъ король Сигизмундъ I. Первый изъ нихъ далъ, а послѣдній еще болѣе развилъ для Бѣльска муниципальныя льготы, основанныя на Магдебургскомъ правѣ, въ силу котораго городъ имѣлъ свой выборный судъ и право распоря-

¹⁾ Балинскій и Липинскій, „Starozitna Polska“ стр. 1304.

жаться доходами и издавать указы (vilkirze или ushwały), относящиеся къ потребностямъ жителей. Александръ, между прочимъ, присвоилъ Бѣльску печать съ изображеніемъ *вола*.

Сначала благосостояніе города относительно торговли и промышленности далеко не процвѣтало. Въ этомъ виновато, во-первыхъ, самое мѣстоположеніе, невыгодное въ коммерческомъ отношеніи, такъ какъ Бѣльскъ стоитъ при маленькой несудоходной рѣчкѣ; а во-вторыхъ, евреи—эта вѣчная изва Западнаго края. Но когда Витольдъ въ 1430 году освободилъ Бѣльскъ отъ евреевъ, не дозволить имъ селиться въ городѣ, то Бѣльскъ поднялся такъ, что еще до Люблинскаго соединенія, во-второй половинѣ XVI вѣка, сталъ считаться уже въ числѣ самыхъ лучшихъ по количеству населенія и самыхъ благосостоятельныхъ городовъ Литовскаго великокняжества. Главнымъ занятіемъ мѣщанъ было хлѣбопашество, но рядомъ съ нимъ и ремесленность, внѣ убивающаго вліянія евреевъ, стала развиваться въ столь обширныхъ размѣрахъ, что Бѣльскій магистратъ долженъ былъ раздѣлить ремесла на шесть цеховъ. Наиболѣе процвѣтали въ городѣ мясничество, кузнечное, столярное и оружейное дѣло, кушнерное, портняжное, сапожное и кожевенное производства, а также солодовничество и пиво варство. Супруги польскихъ королей въ особенности покровительствовали городу, вслѣдствіе того, что Бѣльскъ и Бѣльское староство состояли въ ихъ непосредственномъ владѣніи. Но непрерывныя войны и переходы многихъ армій мало-по-малу довели Бѣльскъ до такого плачевнаго состоянія, что въ половинѣ XVII столѣтія число домовъ этого города уменьшилось въ пятнадцать разъ противъ прежняго, и весь Бѣльскъ состоялъ только изъ 48 жилыхъ строеній. Изъ этого положенія городъ сталъ подыматься только съ переходомъ его въ нѣмецкія руки, но все же тотъ Бѣльскъ, который, по принятіи его отъ нѣмцевъ, мы знаемъ по настоящае время, далеко и весьма далеко не соответствуетъ Бѣльску XVI вѣка.

Теперь это не болѣе какъ скверный жидовскій городишко, на которомъ мы очень наглядно можемъ прослѣдить, какъ евреи совершаютъ послѣдовательное убійство всѣхъ живыхъ промышленныхъ силъ христіанскаго населенія края. Мы сказали уже, что съ переходомъ въ нѣмецкія руки городъ въ теченіе первыхъ семи лѣтъ (съ 1796 по 1803 годъ) сталъ быстро возрастать и подыматься изъ своей косности; населеніе его значительно увеличилось, а вмѣстѣ съ нимъ и число домовъ дошло до 320, между которыми появилось семь каменныхъ, существующихъ и до настоящаго времени, въ нѣкоторомъ родѣ памятниковъ нѣмецкаго владычества, ибо ни прежде, ни послѣ нѣмцевъ каменныхъ строеній въ Бѣльскѣ уже не появлялось. Нѣмцы внесли съ собою духъ

оживленія, тотчасъ же отразившійся на торговлѣ и промышленности, которыми занимались *исключительно* одни христіане. Въ тѣ дни въ бѣльскихъ лавкахъ можно было найти иностранные товары, матеріи, сукна, колоніальныя произведенія, настоящія, а не поддѣльныя вина, разный мелочной товаръ, а пиво и водка, продававшіяся въ шинкахъ, доставлялись туда со своихъ же христіанскихъ заводовъ. Но это, такъ-сказать, внутренняя городская сторона торговли, которая хотя и была значительна, однакоже уступала въ степени значительности торговлѣ вѣшной. Бѣльскіе мѣщане того времени вели довольно обширную торговлю съ Пинскомъ съ одной стороны, и съ Варшавой, Кенигсбергомъ, Данцигомъ и Эльбингомъ—съ другой. Предметами вывоза служили: бѣльскій хмѣль, овчинные тулупы и «сукманы», особый родъ верхней одежды изъ мѣстнаго сукна.

Но вотъ въ 1803 году, прусское правительство впервые разрѣшило евреямъ безпрепятственно селиться въ городѣ Бѣльскѣ. И что же? Въ самое короткое время городъ принялъ ту характерную еврейскую фizioномію, которою отличаются, вмѣстѣ съ еврейскими грязью и вонью, всѣ городишки Западнаго края. Городъ Бѣльскъ представилъ собою для евреевъ совершенно свѣжій и непочтой еще уголъ, и притомъ въ такую минуту, когда нѣмецкая энергія значительно подняла его благосостояніе. Получивъ разрѣшеніе селиться въ Бѣльскѣ, евреи внесли туда съ собою свой кагалъ, который негласно, но твердо сталъ, что называется, всѣми легкими и нелегкими способствовать тому, чтобы члены мѣстнаго еврейскаго общества удобно и выгодно для себя пріобрѣтали у христіанъ недвижимую собственность: тутъ дѣйствовали и купля, и подкупъ, и продажа съ аукціона за долги и множество иныхъ темныхъ и хитроумныхъ способовъ, которые въ концѣ-концовъ привели къ тому, что евреи въ теченіе весьма немногихъ лѣтъ совершенно вытѣснили христіанъ изъ города на его окраины, овладѣли всѣмъ городскимъ центромъ, а съ нимъ, конечно, торговлей и ремеслами, предоставивъ Бѣльскимъ христіанскимъ мѣщанамъ только хлѣбопашество, къ которому евреи считаютъ себя не способными и которое поэтому они презираютъ. Вмѣстѣ съ прибытіемъ евреевъ около полусотни шинковъ, въ которыхъ прежде вовсе не чувствовалось такой значительной потребности, тотчасъ же открылись на разныхъ улицахъ Бѣльска, и вся кабацкая торговля сразу перешла въ еврейскія руки. Болѣе половины еврейскаго населенія въ Бѣльскѣ занялось, какъ и по сей день занимается, перекупкой. На разсвѣтѣ въ базарные дни цѣлыми партіями выходятъ евреи на дороги, ведущія въ городъ, съ цѣлю перехватывать крестьянъ, везущихъ на базаръ свои

сельскіе продукты. Съ помощью водки и обмана, еврей-перекупщики за безцѣнокъ овладѣваютъ крестьянскимъ товаромъ и уже сами препровождаютъ его на городской рынокъ, гдѣ сами же всѣмъ кагаломъ и устанавливаютъ на него цѣны. Отъ этого при дешевомъ производствѣ въ окрестномъ краѣ, стоимость продуктовъ всѣдневнаго употребленія на Бѣльскомъ рынкѣ весьма высока. Все дѣло въ томъ, что евреи, забравъ въ свои руки какъ бы монополію мѣстныхъ торговли, распоряжаются цѣнами по своему произволу. Это съ каждымъ годомъ все гибельнѣе отражается какъ на народномъ богатствѣ, такъ и на благосостояніи христіанскихъ мѣщанъ, ремесленниковъ, которые, видя окончательную невозможность бороться съ прочно организованнымъ кагаломъ, все болѣе обращаются къ землепашеству, или же бѣднѣютъ, разоряются и кончаютъ нищенствомъ. О той грязи и вони, которая внесли съ собою евреи въ чистенькій дототъ Бѣльскъ, мы уже и не говоримъ. Одно только, что оставили евреи на долю мѣстныхъ христіанскихъ обывателей, это разведение свиней. Бѣльскія свиньи пользуются большою извѣстностію, ихъ хорошо откармливаютъ и не безъ выгоды продаютъ осенью на базарахъ, гдѣ сбывается ихъ до тысячи головъ.

Переночевавъ въ плохомъ еврейскомъ «заѣздномъ домѣ», который однако почитается здѣсь лучшимъ и потому носить даже названіе гостиницы, я на утро отправился осматривать кое-какія достопримѣчательности Бѣльска, случайно уцѣлѣвшія до нашего времени.

При zaloженіи города, какъ мы уже сказали, вѣроятно Ярославомъ I, здѣсь былъ построенъ укрѣпленный замокъ. Одна изъ улицъ, ведущихъ къ нему, сохранила еще свое древнее имя и до сихъ поръ называется «Замковою». Однако въ наши дни она не совсѣмъ-то удобно ведетъ къ замку, или лучше сказать къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда находился замокъ; оно представляется теперь небольшимъ возвышеннымъ бугромъ, или курганомъ, который у мѣстныхъ обывателей извѣстенъ болѣе подъ именемъ «Лысой горы». Чтобы достичь до него, надо сначала перебраться чрезъ «перелазъ», устроенный вѣроятно для предохраненія чеголбо хозяйства отъ бродячихъ свиней и пасущагося скота; а потомъ слѣдуетъ взбираться на вершину холма по узенькой тропинкѣ. Валы бывшаго Бѣльскаго замка съ трехъ сторонъ довольно круты и поросли кустарникомъ и деревьями. Кусты сирени покрываютъ площадку этой «Лысой горы», на которой стоитъ бѣлая каменная часовенка съ голубымъ куполомъ. Часовня эта построена на мѣстѣ алтаря бывшей «Замковой церкви» во имя Рождества Пречистой Богородицы.

Въ древнія времена въ Бѣльскѣ было пять церквей православныхъ, изъ которыхъ нѣко-

торыя существовали здѣсь еще съ XIII вѣка и даже ранѣе. При каждой церкви находилась богадѣльня, обезпеченная особымъ капиталомъ, а при церквяхъ Михайловской, Богоявленской и Никольской (монастырской) существовали школы. Въ XVI столѣтіи всѣ Бѣльскія церкви были обращены въ унию, и обращеніе это совершилось посредствомъ насилій. Покровительство мѣстныхъ, католическихъ властей, при подстрекательствѣ католическаго духовенства, довело незаконные поступки униатскихъ ставленниковъ до такой степени, что даже большія дороги не были отъ нихъ безопасны; и понятно, что униатскіе попы, чувствуя себя ренегатами, измѣнниками предъ людьми, оставшимися въ лоѣ древняго православія, старались всячески изливать на нихъ свою злобу и мщеніе. Они срывали съ православныхъ священниковъ и монаховъ ихъ облаченія, отнимали кресты и потиры, выбрасывали на землю Св. Дары; при содѣйствіи ротъ «выборной пѣхоты», отнимали силой православныя церкви, а этотъ родъ захватовъ не обходился безъ кровопролитія и убійствъ; въ городѣ было постоянное замѣшательство, смущеніе, бунтъ; оставшихся въ вѣрности православію преслѣдовали, тѣснили, выгоняли изъ города и лишали имущества и пожитковъ. Королевскіе рескрипты и декреты въ пользу православія оставались мертвою буквой, помощи и нравственной поддержки не было ни откуда, и вотъ, древнее православіе, волей-неволей обратилось въ унию, и многіе ради собственнаго спокойствія и житейскихъ выгодъ перешли въ католичество. Это грустная и темная страница въ исторіи края, страница крови, горя и слезъ, съ одной, и возмутительнѣйшихъ насилій и соблазновъ—съ другой стороны... Мѣстный костелъ въ это время процвѣталъ и распространялъ свое давленіе на всю окрестную страну. Впрочемъ, ему легко было процвѣтать: въ то время какъ обрабываемыя и разоряемыя православныя церкви нищенствовали, Бѣльскому костелу предоставлены были громадныя выгоды, заключавшіяся въ корчемномъ городскомъ сборѣ; при самомъ костелѣ было нѣсколько корчемъ для продажи вина, доходъ съ которыхъ поступалъ въ пользу плебана.

Желая имѣть понятіе о Бѣльскихъ православныхъ церквяхъ, я зашелъ въ ограду Пречистенской церкви и просилъ пономаря показать мнѣ ее. Церковь эта деревянная, очень древней постройки; колокольная, въ видѣ небольшой башни, стоитъ отдѣльно. До 1562 года Пречистенская церковь находилась въ замкѣ, гдѣ была воздвигнута княгиней Вассой Михайловной. Въ 1506 году король Александръ приказалъ перенести храмъ изъ замка, вмѣстѣ съ останками его строительницы, на болѣе удобное мѣсто. «Иножь приказуемъ вашей милости, писалъ онъ къ бѣльскому войту и

подстаростѣ Шимбору, тую церковь Матки Божіей Рождества ей, съ того замку перенести на мѣсто годное, ижъ бо де съ наданія княгини Вассы Михайловой бабки нашею создана есть, гдѣ жъ бо и тѣло ей положено подѣ Богородицею, которое съ богомоленіемъ перенести». Копія съ этого письма, написанная на пергаментѣ, хранится и теперь въ Пречистенской церкви, но признаки гроба княгини Вассы, похороненной вѣроятно подѣ алтаремъ, въ настоящее время уже исчезли, разрушенные временемъ.

Въ алтарѣ мнѣ показали древнюю икону Богородицы, перенесенную изъ замка; подѣ этою иконою и была погребена княгиня Васса. Изображеніе Богоматери, писанное на липовой доскѣ, съ позолотой, носить характеръ византійскій въ контурахъ и западный въ исполненіи, а равно и во вышнихъ украшеніяхъ ризы. Впрочемъ, западный характеръ могъ быть приданъ уже во время уніи, при какой-нибудь реставраціи иконы, чему она, судя по нѣкоторымъ признакамъ, несомнѣнно подвергалась. Подѣ этою иконою помѣщается другая, Рождество Пресвятыя Богородицы, писанная на золотомъ же фонѣ, по которому выведены арабески. Въ этой послѣдней иконѣ характеръ письма уже вполне византійскій, который сказывается какъ въ контурахъ каждой фигуры, такъ и въ исполненіи. Эта икона, несомнѣнно древняго происхожденія, какъ сказываютъ, послужила княгинѣ Вассѣ Михайловнѣ поводомъ къ тому, чтобы вслѣдствіе ея основать и церковь замковую. Она тоже подверглась реставраціи, потому что стала осыпаться, но реставрація произведена уже въ позднѣйшее время, при возстановленіи въ краѣ православія, и притомъ добросовѣстнымъ образомъ. Въ алтарѣ же находится и образъ Спасителя. Письмо этой послѣдней иконы можно признать одновременнымъ съ иконою Рождества Богородицы. Характеръ контуровъ и письма чисто византійскій, хотя ликъ вообще нѣсколько бѣлѣе противъ византійскаго стиля, что впрочемъ могло быть тоже послѣдствіемъ реставраціи. Примѣры этому находимъ мы иногда и въ церквахъ восточной Россіи, въ которыхъ реставрація живописи съ западнымъ характеромъ вторгалась во второй половинѣ XVIII и въ первой четверти нынѣшняго вѣка.

Иконостасъ въ Пречистенской церкви трехъярусный, сплошной, вплоть до потолка, совершенно въ такомъ родѣ какъ встрѣчаемъ мы и теперь во многихъ церквахъ сѣверо-восточной Россіи. Къ сожалѣнію иконы въ ней очевидно подверглись замѣнѣ. Письмо ихъ хотя и древнее, но уже западнаго стиля и можетъ быть отнесено къ XVIII вѣку.

Изъ Бѣльска выѣхали мы подѣ вечеръ, въ половинѣ седьмого, на Видово, Огородники, Раковичи, Осовку, слѣдуя въ село Ново-Бере-

зово. Погода была дивная. Мѣстность во все время пути представляла равнину съ невысокими волнообразными, широко и плавно расходившимися покатоками. Битая проселочная и удобная для движенія войскъ дорога идетъ по глинистому грунту. Недавно поставлены на ней и версты—плодъ заботливости бѣльскаго исправника Тимонова. Путь съ обѣихъ сторонъ обсаженъ молодыми ветлами, а отъ деревни Чижи (150 дворовъ) окопанъ канавами. Въ прежнее время дорога отъ Чижей до Ново-Березова была осѣнена рослыми и раскидистыми ивами, но въ послѣдніе годы онѣ посохли и потому выворочены съ корнями и уничтожены. За Чижами сохранились только по краямъ пути три-четыре старыхъ дерева. Почва суглиниста, и что значитъ хорошее лѣто! Я просто изумился, глядя на рожь, овесъ и въ особенности на пшеницу. Послѣдняя была замѣчательно хороша на земляхъ, принадлежащихъ деревнѣ Кривой. Подводчикъ нашъ сказывалъ мнѣ, что «Кривые мужики», благодаря землѣ своей, постоянно дающей добрый урожай, очень богаты, «гораздо богатѣйшъ за иного помѣщика». Они не свозятъ избытокъ своего хлѣба въ Бѣльскъ, зная что тамъ одолѣютъ ихъ еврей-перекупщики, а везутъ его въ Бѣлостокъ, въ надеждѣ на нѣмцевъ-фабрикантовъ и промышленниковъ, которые по крайней мѣрѣ «даютъ цѣну» и расплачиваются честно, «безъ ашуканья», то-есть безъ обману. Въ Бѣлостокѣ «Кривые мужики» продаютъ двухпудовую мѣру пшеницы отъ 3 до 4 рублей, а рожь отъ рубля пятидесяти копеекъ до двухъ рублей. «А вотъ мы, жаловался подводчикъ, поглядѣ, и рядомъ съ Кривыми живемъ, а усѣ бѣдные, гля тово што у насъ безъ гною (навозу) ничего не уродится, да и грунтъ усѣ большъ болотысько, и таке болотысько прокляте, што инъ день и скотъ у ѣмъ тонетъ. Гля тово и деревня ще й отъ прадѣду зовется «Голоды».

Вообще, по пути отъ Бѣльска къ Бѣловѣжской Пушѣ, и особенно по правую (южную) сторону дороги, благосостояніе крестьянъ весьма замѣтно: избы прочныя, курныхъ хатъ нѣтъ вовсе, «господарства» (хозяйства) по деревнямъ разселены просторно, и поселенія большею частію все людныя, отъ 30 до 150 и болѣе дворовъ. Народъ здѣсь глядитъ здорово и весело, и повиждому, очень благочестивъ. Почта у каждого хозяина предѣ выходящимъ на улицу фасадомъ хаты или садика стоятъ высокій деревянный крестъ съ желѣзнымъ плитушкомъ либо съ крестикомъ на самомъ верху и съ текстомъ изъ Писанія, а не то изъ какой-нибудь молитвы, начертаннымъ вдоль продолгоаго бруса. Тексты всегда вѣзаны въ дерево, или выдолблены долотомъ и всѣ по-русски, то-есть по-славянски, но русскими гражданскими литерами. При дорогахъ и по полямъ

разсыпано также много крестовъ, но ни на одномъ изъ нихъ не замѣтилъ я польскаго или латинскаго текста; позднѣйшіе изъ крестовъ, по времени своей постановки, относятся къ 1862 году. При деревняхъ у околлицъ кромѣ крестовъ стоятъ и часовенки, «каплички», часто осѣненные тополями. Мѣстами, въ виду дороги и по преимуществу въ окрестностяхъ Бѣльска, видны богатые залежи торфа, которые однако разрабатываются весьма мало и потому до времени представляютъ собою мертвый капиталъ; но нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ, когда у насъ будетъ обращено болѣе вниманія на сбереженіе лѣсовъ, эти избытныя торфяныя залежи представятъ собою мѣстному населенію хорошей матеріалъ для разработки и не только въ смыслѣ удовлетворенія повседневнымъ нуждамъ собственного обихода, но и какъ одинъ изъ источниковъ народнаго богатства, ибо при развитіи фабричной и заводской промышленности въ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ и при количествѣ дровъ, поглощаемыхъ желѣзными дорогами, въ прилежащихъ мѣстностяхъ уже и теперь начинается ощущаться потребность въ хорошемъ и дешевомъ топливѣ.

Еще за восемнадцать верстъ до Бѣловѣжской Пуши она становится уже видна.

— Ось, бачите, паночку, атто воне!—обратился ко мнѣ подводчикъ, указавъ кнутикомъ впередъ.

Я кинулъ взглядъ въ пространство предъ собою, и въ розовато-вечернемъ воздухѣ увидѣлъ на горизонтѣ какую-то темно-сизую полосу, которая длинною, ровною лентой широко протянулась по чертѣ земли отъ края до края неба и теперь невидимо для глаза терялась съ обѣихъ концовъ гдѣ-то тамъ, въ безконечности...

Такъ вотъ она, эта знаменитая Пуша Бѣловѣжская, этотъ единственный удѣлѣвшій въ Европѣ остатокъ лѣсовъ первобытныхъ! Признаюсь, первое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня видъ этой безконечной темной полосы на горизонтѣ, заключало въ себѣ нѣчто грандіозное. Быть-можетъ причиной тому было сознаніе, что это именно Бѣловѣжская Пуша, которая давно уже манила меня къ ближайшему знакомству съ нею, ради своей первобытной природы и историческихъ воспоминаній.

Эта темно-сизая полоса Пуши, съ каждою верстой становясь все отчетливѣе, оставалась въ виду у насъ до самаго Ново-Березова, куда пріѣхали мы въ девятомъ часу вечера. Пуша, озаренная золотисто-розовымъ свѣтомъ заходящаго солнца, какъ стѣна стояла за поляной въ четырехъ верстахъ разстоянія отъ Ново-Березова. Прямо предъ глазами, подъ самымъ лѣсомъ, виднѣлись строенія Гайловки, мѣстопробываніе лѣсничаго III участка, а

лѣвѣе, тоже подъ Пушей, искрился на солнцѣ крестъ, и золотились бѣлыя стѣны новой церкви въ селеніи Дубины.

Въ Ново-Березовѣ находится волостное правленіе и сельская школа. Волостной писарь, очень радушный русскій человѣкъ, предложилъ мнѣ ночлегъ у себя и угостилъ чаемъ и ужиномъ. Мы помѣстились на крылечкѣ волостного правленія, откуда открывался широкій видъ на Пушу, и занялись чаемъ. Вскорѣ пришелъ сюда извѣщенный о нашемъ пріѣздѣ мѣстный священникъ, отецъ Іудіанъ Квочковскій, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ. Мы отрекомендовались другъ другу, и я тѣмъ болѣе радъ былъ этому случаю, что еще въ Бѣльскѣ слышалъ объ отцѣ Іудіанѣ какъ о человѣкѣ, хорошо знающемъ мѣстный край и условія его жизни. И дѣйствительно, его рассказамъ обязанъ я многими свѣдѣніями, которые встрѣтитъ читатель на страницахъ этого очерка. Между прочимъ, узналъ я, что открытыя мѣстности, прилежащія къ Пушѣ со стороны Бѣльскаго (пограничнаго съ нею) уѣзда, каждое лѣто страдаютъ отъ грозъ, которыя здѣсь вообще весьма сильны и опасны. Избытокъ влажныхъ испареній, выдѣляемыхъ громадными лѣсами, скопляется въ воздухѣ и въ жаркую пору разрывается сильными грозами именно на прилежащихъ открытыхъ равнинахъ, отчего нерѣдко происходятъ въ окрестныхъ деревняхъ значительные пожары. Такъ, напримѣръ, въ вечернюю грозу, бывшую въ началѣ мая 1872 года, загорѣлось отъ громовыхъ ударовъ по окрестности въ трехъ мѣстахъ, и въ селѣ Дубины сгорѣло девять хлѣбныхъ амбаровъ. Между прочимъ, былъ и такой любопытный случай: у одного крестьянина скирда хлѣба стояла вилоть съ одною изъ стѣнъ его хаты. Молнія ударила какъ разъ въ эту скирду, которая, конечно, тотчасъ же и загорѣлась. Сбѣжался народъ, но никто не рѣшился тушить пожаръ, потому что здѣсь почиталось грѣхомъ тушить огонь, посланный! съ небеси, т. е. отъ Бога; если же Богъ посылаетъ на кого-либо свой огонь, то, по убѣжденію крестьянъ, это является не иначе какъ въ наказаніе за грѣхи, которыми онъ служитъ очищеніемъ и искупительною карой. Такимъ образомъ, тушить пожаръ, происшедшій отъ «Божьей стрѣлы», значитъ идти противъ Божьей воли, совершать новый и притомъ сознательный тяжкій грѣхъ. Сбѣжавшійся народъ стоялъ въ бездѣйствіи и только крестился. Между тѣмъ несчастному крестьянину грозило окончательное разореніе. Онъ въ слезахъ обратился къ сосѣдямъ съ мольбой о помощи. «Не можно, грѣхъ!» отвѣчали ему сосѣди. «Та ничдо! нашелся одинъ изъ стариковъ.—И батюшка у церкви казавъ, що можно, що на грѣхъ своего добра спасаты,—я самъ своимъ ушмы чуяу, якъ винъ

казау тое!»—«Ну, якъ казау, то даваймо спасати, порѣшили крестьяне, бо тогда вже на его души грѣхъ будѣ!» Этотъ аргументъ убѣдилъ нѣкоторыхъ въ возможности противо-дѣйствовать пожару, и они кинулись помогать несчастному сосѣду, стали тушить скирду, обливать водой соломенную кровлю хаты. И чтó же? Скирда сгорѣла до основанія, а хата осталась цѣлѣшенька. Собрались послѣ этого «грѣховоды» и пошли къ священнику справ-ляться, «чи не грѣхъ ли вѣлыкій зробили воны?» Отецъ Іуліанъ убѣдилъ, что не только не грѣхъ, но истинно христіанское доброе дѣло. «И съ прауди! (точно, правда) порѣшили крестьяне: бо якъ бы грѣхъ, то огонь не мусялъ бытъ потухаты, а усю деревню попалиу бы—туши не туши, а попалиу бы, а то, глядь, и хата уцѣлила!»

Съ тѣхъ поръ окрестные крестьяне уже не затрудняюся тушить грозовые пожары, и такимъ образомъ этотъ отдѣльный случай удачно способствовалъ къ уничтоженію одного лишняго предрасудка въ краѣ.

Нѣмцы, которыми здѣсь, какъ говорится, и не пахнетъ, тѣмъ не менѣе оставили кое-гдѣ свои прочные слѣды въ сельскихъ постройкахъ. Если гдѣ по деревнямъ и фольваркамъ встрѣчаются каменные дома, сараи и тому подобное, то народъ говоритъ, что «это ще одъ нѣмцуо зосталосѣ». Въ деревнѣ Лосинкѣ есть одинъ каменный домикъ и деревянная клуня, то-есть сарай для складыванія сѣна¹⁾. Послѣдняя строена еще въ 1797 году однимъ нѣмецкимъ колонистомъ; но и понынѣ она такъ прочна и крѣпка, что въ будущемъ смѣло простоятъ еще лѣтъ до восьмидесяти.

На слѣдующій день приходилось воскресенье, и мы отправились къ обѣднѣ. Церковь въ Ново-Березовѣ деревянная и очень старая. Въ послѣдній разъ была она реставрирована уже болѣе ста лѣтъ назадъ, въ 1771 году; метрики же ея восходятъ до 1729 года. Въ ризницѣ хранятся нѣсколько богатыхъ ризъ, замѣчательныхъ по изящному рисунку ткани; онѣ вполне были бы достойны вниманія художника-археолога: въ нихъ онъ нашелъ бы давно позабытые и потому *новые* мотивы для воспроизведенія очень изящнаго стиля. Тутъ же хранится и рукописное евангеліе, писанное полу-уставомъ, съ киноварью и изображеніемъ четырехъ евангелистовъ. Въ прежніе годы иконостасъ Ново-Березовской церкви, какъ и Бѣльской Пречистенской, былъ сплошной до потолка и тоже трехъ-ярусный. Живопись на немъ полувизантійскаго характера, на золотомъ фонѣ съ арабесками. Впослѣдствіи уніи внесла въ Ново-Березовскій храмъ свой римскій характеръ, придала хоры, по-

ставила боковые открытые алтари съ гирляндами и измѣнила иконостасъ. Но старые иконостасные образы съ ихъ живописью, по счастью, сохранились. Они и по сей день висятъ въ алтарѣ по стѣнамъ. На верхнемъ ярусѣ этихъ образовъ изображены апостолы, на нижнемъ — пророки. Вѣшняя архитектура церкви не отличается никакимъ стилемъ; это просто четырехугольный продолговатый срубъ съ довольно высокою деревянною кровлей, на которой съ передней стороны торчатъ желѣзные покосившіеся крестикъ, а надъ алтаремъ нѣчто въ родѣ купола, или скорѣе деревянная башенка, тоже съ желѣзнымъ крестикомъ. И это замѣчательно: полонизмъ, воздвигающій по краю, гдѣ только могъ, свои пышные каменные костелы, обрекалъ на убожество и невзрачность не только православныя, скудныя числосы, но даже и униатскія церкви¹⁾. Отецъ Іуліанъ сказывалъ впрочемъ, что въ скоромъ времени предполагается начать въ Ново-Березовѣ постройку каменнаго храма, и тогда—если обстоятельства благоприятствуютъ—онъ намѣренъ остатки древняго иконостаса принести въ даръ Петербургскому музею христіанскихъ древностей, или же Виленскому музею, какъ памятникъ и свидѣтельство древняго православія въ краѣ и какъ образецъ древняго живописнаго искусства.

Въ этой бѣдной сельской церкви мы были неожиданно удивлены, услышавъ необыкновенно стройное, согласное пѣніе цѣлаго хора, который прекрасно исполнялъ нѣкоторые нумера музыки Бартнянскаго и Львова. Оказалось, что отецъ Іуліанъ собственными стараніями сформировалъ изъ мѣстныхъ прихожанъ и учениковъ сельской школы хоръ въ тридцать человекъ, тщательно занялся его обученіемъ, подборомъ и обработкой голосовъ, и все это безо всякихъ особыхъ средствъ и приспособленій; обучаетъ онъ просто съ голоса, у себя на дому, подъ звуки стараго фортепіано, но тѣмъ изумительнѣе результаты, которыхъ удалось ему достигнуть. Послѣ обѣдни онъ пригласилъ весь свой хоръ къ себѣ на домъ къ воскресной закускѣ, и здѣсь, послѣ завтрака, было при немъ исполнено нѣсколько концертныхъ духовныхъ партій, а также нѣсколько великорусскихъ и мѣстныхъ народныхъ пѣсенъ; послѣднія мы впервые еще доводилось слышать въ хоровомъ исполненіи, что придаетъ имъ свою оригинальную прелесть. Но какъ въ заключеніе спѣли они Глинкинское «Слався» изъ «Жизни за Царя» — просто на славу!

¹⁾ Во время іезуитскихъ гоненій остались вѣрныя православію во всей странѣ, составляющей нынѣшнюю Гродненскую губернію, только три церкви: Заблудовская (въ мѣстечкѣ Заблудовѣ, Бѣлостокскаго уѣзда), Свято-Троицкая (въ Бѣльскѣ) и Дрогичинская.

¹⁾ Сѣнные сараи называются здѣсь также «пу-пя» (измѣненное «клуны») и «адрина».

Благодаря содѣйствию отца Іуліана, мнѣ удалось записать нѣсколько мѣстныхъ народныхъ пѣсенъ, которые поются тоже и въ Бѣловѣжской Пущѣ. Надѣюсь, читатель не посчитуетъ, если я предложу ему познакомиться съ своеобразнымъ стихосложеніемъ и языкомъ этой народной поэзіи.

Вотъ, наприѣмръ, пѣсня матери о сынѣ, уходящемъ въ солдаты:

Подъ похилымъ ¹⁾ деревомъ
Мати сына родила.
— Какъ я его родила,
То всю ночь ходила; ²⁾
Какъ его годовала, ³⁾
Много нужды пріимала,
А теперь-ка въ полкъ отдаю
И съ печали всилѣваю. ⁴⁾
— Мати-жъ моя родима.
Исправь-же мнѣ три трубы, ⁵⁾
А всѣ три золотыя,
А четверту мѣдную.
Я въ первую заграю,
Коника сдѣлаючи,
А въ другую заграю,
На коника сядучи,
А въ третью заграю
Съ двору выѣзжаячи,
Въ четвертую заграю,
До полка пристаючи.

Вотъ пѣсня съ нѣсколько юмористическимъ характеромъ:

Ужъ какъ грибъ-боровикъ
Надъ всѣмъ грибомъ полковникъ,
Онъ подъ дубомъ стѣючи,
На всѣ грибы гляючи,
Приказавъ, повелѣвъ
Рыжичкамъ на войну иди.
Оказались рыжички,
Говорятъ: мы мужички,
Мы не можемъ на войну иди.

За симъ возвращеніе къ началу: «ужъ какъ грибъ-боровикъ», и далѣе, — «Волнушкамъ на войну иди».

Оказались волнушки,
Во, говорятъ, мы старушки;
Оказались мухоморы,
Говорятъ: мы сенаторы.

Наконецъ, доходитъ очередь до груздей. Эти соглашаются охотно:

Ну-ка, братья груздья,
Возьмемте-ка ружья,
Ставемъ же мы дружно!
Пали!

А вотъ, наконецъ, пѣсня и съ политическимъ оттѣнкомъ, сложившаяся въ народѣ во время возстанія 1863 года:

Взбунтовались польски паны,
Стара шляхта оборвана.

¹⁾ Похилый — склоненный, понурый; въ данномъ случаѣ то же, что подъ плакучимъ деревомъ.

²⁾ Исходила.

³⁾ Кормила.

⁴⁾ Млѣю, изнываю.

⁵⁾ Справь, сдѣлай три трубы.

Ай ли люли, ай ли люли, ай ли лю-
синьки мои! ¹⁾

Кресты, даваны ²⁾ поснимали.
Себѣ пушки выливали,
Подъ Бяловѣжъ подступили
И картошекъ наскоблили,
И картошки готовѣли ³⁾
Да я ходили воевали.
Какъ задали Русски пули—
Всѣ кокарды къ чорту сбили!
„Мое братѣ кохаѣнце,
Яки пули ихъ горонцы! ⁴⁾
Якъ свисѣла коло уха.
Лѣдье втримать ⁵⁾ своего духа!
Пся-кровь юха ты москалі—
Вшистку Польску позабрали.
Дѣти моѣ, ахъ вы, дѣти,
Уцѣкайте, гдѣ вы хпете, ⁶⁾
Уцѣкайте въ кажды строѣ,
Кто до дѣти, кто до жоны!
Нѣма гроху ⁷⁾, нѣма я хлѣба,
Вѣнцый вудки не потрѣба! ⁸⁾

Въ самой Пущѣ начало этой пѣсни варьируется еще и такъ:

Збунтовалися поляки,
За хунтъ ⁹⁾ хлѣба и табакі.

А западнѣе, около мѣстечка Семятичъ, добавляють еще двѣ строки про «москалей»:

Подъ Семятичъ подступили.
Увесь городъ окружили,

и потомъ уже переходятъ къ воплю отчаянія поляковъ: «Дѣти моѣ, ахъ вы, дѣти!» Эту пѣсню, какъ сказывалъ мнѣ отецъ Іуліанъ, поютъ даже и мазуры, на границѣ Польши, въ Алексинской волости, и очень любятъ дразнить ею тѣхъ, кто желаютъ признавать себя поляками.

Въ вѣдѣніи отца Іуліана находится мѣстная школа, съ пятью отдѣленіями оной по ближайшимъ окрестнымъ деревнямъ. Собственно въ Ново-Березовской школѣ въ 1872 году училось 70 мальчиковъ и 20 дѣвочекъ, а съ пятью отдѣленіями всего до трехсотъ мальчиковъ и пятидесяти дѣвочекъ. Учительскую дѣятельность свою ведетъ отецъ Іуліанъ съ 1864 года, обучая Закону Божію, русской и церковно-славянской грамотѣ, письму, грамматикѣ, ариметикѣ, чистописанію, краткимъ началамъ географіи и исторіи, а также и пѣнію. Благая дѣятельность его на пользу народнаго просвѣщенія, въ чисто русскомъ духѣ, уже успѣла принести свои добрые плоды. Ново-Березовскіе крестьяне не безъ гордости пока-

¹⁾ Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

²⁾ Колокола церковные.

³⁾ Приготовляли, стряпали.

⁴⁾ Мои милые братцы, какія пули у нихъ горячія.

⁵⁾ Едва удержалъ.

⁶⁾ Удирайте куда хотите.

⁷⁾ Гроху.

⁸⁾ Даже и водки не надо больше.

⁹⁾ Фунтъ.

зываютъ мнѣ четырнадцатилѣтняго мальчика, сына одного изъ своихъ односельчанъ, прѣхавшаго къ отцу на каникулы. Этотъ мальчикъ, по имени Иванъ Алексѣевъ Ильашукъ, изъ школы отца Іуліана поступилъ на иждиваніи Ново-Березовскаго сельскаго общества, въ Бѣлостокскую гимназію, и въ экзамены 1872 года перешелъ уже въ 4-й классъ вторымъ ученикомъ. Другой изъ мѣстныхъ учениковъ того же отца Іуліана, Александръ Лаврентіевичъ Бирилко, прошелъ Бѣльское двухклассное училище, а потомъ Гродненское таксаторское училище, гдѣ окончилъ курсъ первымъ ученикомъ, получилъ награду и въ 1872 году состоялъ на государственной службѣ таксаторомъ при Бѣлостоцко-Сокольскомъ мировомъ съѣздѣ, получая 600 р. жалованья. Но и кромѣ этихъ двухъ выдающихся примѣровъ, уже много дѣльныхъ, трезвыхъ и грамотныхъ молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ существуетъ теперь въ окрестномъ краѣ, благодаря дѣятельности отца Іуліана. И это вѣдь дѣятельность скромная, тихая, нигдѣ и никому о себѣ не кричащая, а между тѣмъ сколько добра и насущной пользы!..

При вѣздѣ въ село, съ сѣверной стороны, стоитъ красивенькая каменная часовня, постройка которой обошлась мѣстному сельскому обществу въ 700 рублей. Она воздвигнута въ память очастливаго избавленія государя императора отъ выстрѣла поляка Березовскаго въ Парижѣ, 25 мая 1867 года. На этомъ самомъ мѣстѣ стояла дотолѣ деревянная каплица, оставшаяся еще отъ временъ униатскихъ. Въ ней издавна помѣщались польско-католическіе образа, висѣла на стѣнѣ за стекломъ какая-то папская булла и портретъ какого-то папы, тоже за стекломъ и въ рамѣ. Этой буллѣ и въ особенности этому портрету поклонились въ невѣдѣніи своемъ мѣстные православные крестьяне, почитая въ нихъ, по преданію отъ униатскаго причта, нѣчто особенно священное. Кѣмъ были внесены и поставлены сюда эти предметы—неизвѣстно, но предполагалось, что убрать ихъ отсюда безъ какой-либо особенной причины было бы неудобно, именно потому, что народъ, не разсуждая, мнилъ въ нихъ святыню; а поляки межъ тѣмъ, указывая на буллу и портретъ, пользовались ими какъ аргументомъ въ пользу будто бы католическихъ симпатій мѣстнаго населенія. «Посмотрите, говорили они, — хоть и православные, а вотъ все же симпатіи ихъ тянутъ къ намъ, на католическую, на польскую сторону!» Отецъ Іуліанъ лучше чѣмъ кто-либо сознавалъ всю несостоятельность этого аргумента, но до времени, нечего дѣлать, приходилось терпѣть его. Наконецъ, въ 1867 году, послѣ парижскаго выстрѣла, когда крестьяне всѣмъ обществомъ пожелали на собственные добротныя средства поставить часовню въ память этого событія,

отецъ Іуліанъ убѣдилъ ихъ сдѣлать это сооруженіе на мѣстѣ старой каплицы, и тогда уже совершенно безпрепятственно были имъ вынесены изъ нея всѣ неподобающіе польскіе орнаменты съ буллою и портретомъ, исчезновеніе которыхъ, при новой, совершенно православной обстановкѣ часовни, не вызвало въ средѣ крестьянъ ни малѣйшаго ропота и сомнѣній, да даже и вниманія-то на это они не обратили. Вотъ наглядное доказательство противъ тѣхъ, кто говорить въ пользу оставленія въ возсоединенныхъ церквахъ латинно-польскихъ атрибутовъ, подъ предлогомъ, будто уничтоженіе ихъ можетъ подавать поводъ къ смущенію и ропоту въ народѣ. Смущеніе и ропотъ здѣсь можетъ быть никакъ не со стороны народа, а развѣ только со стороны поляковъ, которые, на основаніи этихъ самыхъ атрибутовъ, силятся доказывать намъ въ особенностяхъ заѣзжихъ иностранцамъ *quasi*-католическія тенденціи и польскія симпатіи западно-русскаго народа.

Въ доказательство того же можно привести еще и слѣдующій фактъ: съ каждою весною въ здѣшнихъ окрестностяхъ появляются такъ называемые *олейники*, т. е. захожіе бродячіе венгерцы, которые разносятъ по краю въ своихъ коробкахъ разныя будто бы цѣлебныя снадобья — *олеи* (масла). Эти *олейники* — большой руки плуты и шарлатаны — принимаютъ на себя роль лѣкарей, знахарей, колдуновъ и «шептунцовъ», выманиваютъ у крестьянъ деньги и, благодаря своимъ знахарскимъ напештываніямъ, не мало-таки развиваютъ и поддерживаютъ въ крестьянской средѣ разныя суевѣрія. Кромѣ своихъ снадобій, *олейники* разносятъ еще для продажи и образа католическо-нѣмецкаго и польскаго пошиба, изъ которыхъ первыми запасаются изъ Вѣны и Пешта, а послѣдними въ Галиціи и преимущественно въ Краковѣ. Здѣшній православный народъ, за неимѣніемъ чего-либо болѣе подходящаго въ этомъ отношеніи, покупаетъ и по неволѣ довольствовался чуждыми ему католическими изображеніями. Но вотъ, послѣ 1863 года, стали разбѣжать по краю съ русскимъ иконописнымъ и книжнымъ товаромъ, а также и съ русскими картинками наши калужскіе мужики, и мѣстные крестьяне съ тѣхъ поръ почти уже исключительно отъ нихъ, а не отъ *олейниковъ* пріобрѣтаютъ себѣ образа и молитвенники. И замѣчательно, что калужскіе торговцы появились здѣсь безо всякаго побужденія со стороны какихъ-либо властей, а просто такъ, по собственному своему почину, и доселѣ еще не имѣютъ причины жаловаться на неуспѣхъ своей торговли. Стало-быть, въ религиозномъ отношеніи въ здѣшнихъ крестьянахъ вовсе нѣтъ никакихъ особенныхъ латинно-польскихъ стремленій, а замѣчается, напротивъ, какое-то инстинктивное стремленіе

къ своему чисто-русскому, православному началу. Политическое же отношеніе ихъ къ «польщизнѣ» лучше всего выражается въ приведенной нами весьма популярной пѣснѣ о забунтовавшихся полякахъ. Древне-русскій край, — русскій, еще отъ стародавнихъ временъ Ярослава I, его устроителя и культатора — въ корни своемъ, т.-е. въ простомъ народѣ, остается все-таки русскимъ, несмотря на многовѣковое пребываніе свое подъ польскимъ игомъ, со всѣми его уніями, иезуитами и шляхтой. Достаточно уже однихъ пѣсней, хотя бы и тѣхъ, которыя приведены нами, чтобъ убѣдиться самымъ нагляднымъ образомъ, что языкъ подлясанъ, несмотря на ихъ ближайшее сосѣдство и, стало-быть, соприкосновеніе съ Польшей, т.-е. съ мазурами, все-таки гораздо ближе къ *чистому* русскому языку, чѣмъ даже языкъ черноруссовъ, населяющихъ уѣзды: Гродненскій, Волковыскій, Слонимскій и сѣверную часть Пружанскаго; по крайней мѣрѣ онъ отличается отъ чисто-русскаго языка гораздо меньшими особенностями, чѣмъ нарѣчіе чернорусское, составляющее одинъ изъ подгоровъ нарѣчія бѣлорусскаго. На Подляси, и именно въ мѣстностяхъ, прилежащихъ къ Бѣловѣжской Пушчѣ, рѣдко употребляется звукъ *у* (короткое *у*, вѣчто среднее между *у* и *ю*); здѣсь не говорятъ, какъ въ Чернорусии, напримеръ, *узяу, убиу, прауда*, а выговариваютъ: *взяю, убию, правда*; слова *дзиця, дзіндз, дзень* выговариваются совершенно правильно по-русски: *дичья, дѣдъ, день*. Одинъ только звукъ *з* всегда и во всѣхъ случаяхъ произносится какъ латинское *h*. Подлясскій подговоръ въ окрестностяхъ Пуши, по формамъ своимъ, составляетъ вѣчто среднее между языкомъ чисто-русскимъ, подговоромъ черноруссовъ и нарѣчіемъ польшуковъ. Последніе населяютъ Бѣловѣжскую Пущу и говорятъ почти на чистомъ малороссійскомъ нарѣчіи, приближаясь къ волынскому складу онаго. Но вотъ одна оригинальная особенность, которая замѣчается въ языкѣ мѣстныхъ крестьянъ, именно въ Чижевскомъ и Ново-Березовскомъ приходѣхъ: вмѣсто *и*, союза соединительнаго, они говорятъ *ке*, — какъ будто это *ке* занеслось къ нимъ какими-то судьбами изъ языка греческаго. Эта форма, надо замѣтить, употребляется исключительно тамъ, гдѣ союзъ *и* служитъ для соединенія именъ существительныхъ и личныхъ: *Романъ ке Василь, Иванъ ке Марья, обмий стулъ ке лаву* ¹⁾. Откуда валлось у нихъ это *ке*, и притомъ ограниченное въ употребленіи своею областью только двухъ смежныхъ приходовъ, я ужъ не знаю и рѣшать не берусь.

Часу въ пятомъ пополудни мы поѣхали вмѣстѣ съ отцомъ Іуліаномъ въ сосѣднее село Дубины, которое лежитъ уже подъ самую Пу-

щей, въ разстояніи отъ нея не болѣе какъ сажень на двѣсти. Въ этомъ небольшомъ селеніи только-что была отстроена каменная церковь, въ которой иконостасъ весьма замѣчательнъ по своему изяществу. Онъ весь сдѣланъ въ русскомъ стилѣ изъ рѣзного стараго дуба, безъ малѣйшей позолоты, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было металлическихъ украшеній: ничего яркаго, ничего роскошнаго, кидающагося въ глаза; одна только искусная, изящная рѣзба по темному дубу. Въ сквозные прорѣзы орнаментовъ, по верхнему карнизу и въ царскихъ вратахъ, вставлены разноцвѣтныя, очень гармонически подобранныя стекла, а это при вечерней службѣ, когда изъ алтаря просвѣчиваютъ въ стекла огни лампадъ и свѣчей, придаетъ всему иконостасу особенный, своеобразный эффектъ. И вообще вся идея этого иконостаса представляетъ необыкновенно удачное сочетаніе строгости и простоты стиля, исполненное чисто христіанскаго вдохновенія. Старый дубъ, послужившій какъ для иконостаса, такъ и вообще для всѣхъ подѣлокъ въ Дубининской церкви, былъ пожертвованъ Бѣловѣжской Пущей. Я невольно залюбовался на это изящное произведеніе чисто русскаго искусства, исполненное въдобавокъ какимъ-то простымъ, безвѣстнымъ рѣзчикомъ изъ заходящихъ русскихъ людей и чуть ли не крестьяниномъ-самоучкой. И гдѣ же, подумаешь, скрывается такая прелесть?!.. Въ какихъ-то Дубинахъ, гдѣ-то въ безвѣстной глуши, на рубежѣ Бѣловѣжской Пущи...

Послѣ осмотра Дубининскаго храма, настоятель его, отецъ Базилевскій, вмѣстѣ съ отцомъ Іуліаномъ предложили мнѣ проѣхать съ ними въ Пущу, чтобы наняться на воздухъ чаю; мѣстомъ поѣздки было избрано урочище Мѣдня. Въ этотъ день мнѣ предстояло еще сдѣлать болѣе двадцати верстъ до мѣста моего ночлега, села Бѣловѣжа, куда хотѣлось добраться еще засвѣтло. Поэтому не теряя времени, мы черезъ четверть часа отправились къ мѣсту нашего импровизованнаго чаепитія.

Солнце уже склонялось къ западу, но день все еще былъ томительно, душливо жарокъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже вѣхали въ Пущу. Замѣчательно, что со стороны Бѣлскаго уѣзда Бѣловѣжскаго Пуща вовсе не имѣетъ опушки: она прямо и сразу надвигается на васъ высокою стѣной своихъ вѣковыхъ, могучихъ великановъ. И что это за отрадное опущеніе! Вотъ только сію минуту васъ еще обливали палящія лучи солнца, отъ которыхъ вы не знали куда дѣваться; голова и грудь, и все тѣло еще мгновенно назадъ изнывали тоскливо въ духотѣ недвижимаго распареннаго воздуха, а тутъ лишь переѣхали вы грань, едва вступили подъ роскошный тѣнистый навѣсъ пушченскихъ деревьевъ, какъ вдругъ всего об-

¹⁾ Вымытый столъ и скамейку.

вляло живительною прохладою, слегка потянуло лѣсною сыростью, ароматомъ сосенъ, запахомъ грибовъ и свѣжей сочной лѣсной травы. Въ одно мгновеніе и такая разительная перемена, которая тебя самого словно бы перерождаетъ, освѣжаетъ, бодритъ и духъ твой, и тѣло!

Менѣе чѣмъ черезъ четверть часа мы уже были въ Мѣдвѣхъ. Здѣсь, среди роскошнаго и густого, высокаго лѣса, на небольшой расчищенной полянкѣ одиноко стоитъ убогая деревянная церковка, во имя семи мучениковъ Маккавеевъ. Вправо отъ нея, пройдя по бревенчатой и досчатой настилкѣ, проложенной по болоту, находится родникъ прекрасной холодной воды, которая славится по окрестности своими цѣлебными свойствами. Родникъ окруженъ нѣсколькими деревянными крестами и огороженъ небольшимъ срубомъ, надъ которымъ на четырехъ столбахъ утверждена крыша съ крестомъ наверху. Тутъ же, по обыкновенію и ветхій образъ. Мѣстные крестьяне очень чтутъ этотъ источникъ, вода котораго помогаетъ въ грудныхъ и глазныхъ болѣзняхъ. Я не могъ не обратить вниманія на то, что вокругъ этого родника, на вѣтвяхъ и сучьяхъ всѣхъ ближайшихъ кустовъ развѣшано множество полотняныхъ тряпицъ, платковъ и пестрыхъ лоскутковъ. Оказалось, что это мѣстные крестьяне, страдающіе глазными болѣзнями, приходятъ сюда со своими тряпичами, которыя намачиваютъ въ родниковой водѣ и промываютъ ими себѣ глаза, а потомъ оставляютъ ихъ тутъ же на вѣтвяхъ, какъ бы въ жертву или въ благодарность за исцѣленіе. Кресты, окружающіе родникъ, поставлены также крестьянами и тожо въ память исцѣлений. Отецъ Базилевскій сказывалъ мнѣ, что въ 1848 году, во время Венгерской кампаніи, когда въ здѣшнихъ мѣстахъ стоялъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, то одинъ капитанъ, фамилію котораго онъ теперь уже не упоминать, у котораго врачи находили начало бугорчатой чахотки, обратился по совѣту крестьянъ къ пользованію водой Мѣдвинскаго родника и, къ несказанному удивленію врачей, получилъ исцѣленіе. Въ 1831 года правительство обратило было вниманіе на цѣлебныя свойства этого источника и прислало для изслѣдованія его цѣлюю спеціальную комиссію, которая нашла въ родникѣ присутствіе желѣза и сіры, и уже намѣревались открыть здѣсь лѣчебное заведеніе, на устройство котораго требовалось, по ея смѣтѣ, только 500 рублей; но дѣло это почему-то затормозилось, встрѣтило какія-то препятствія и съ тѣхъ поръ кануло въ Лету.

Лѣсная церковка принадлежитъ Дубининскому приходу, но богослуженіе въ ней совершается только одинъ разъ въ годъ, 1-го августа, въ день храмоваго праздника, причемъ

изъ нея совершается крестный ходъ къ цѣлебному источнику. Какъ виѣшности, такъ и внутренняя обстановка этой церковки очень и очень бѣдна, но зато въ ней самой, въ этомъ одинокомъ расположеніи ея среди пустыннаго лѣса, въ этомъ родникѣ съ его лоскутками, и во всей окружающей ея природѣ есть какая-то тихая и грустная поэтическая прелесть — прелесть святой пустыни. Построена она въ 1848 году, послѣ многихъ подпольныхъ каверзъ со стороны ксендзовъ и препятствій отъ мѣстной администраціи, которымъ было не по нутру сооруженіе именно здѣсь православной церкви. Ксендзамъ хотѣлось тогда захватить это мѣсто въ свои руки и соорудить на немъ какой-нибудь филиальный костеликъ, именно въ томъ расчетѣ, что цѣлебная сила родника привлекаетъ къ нему много простого, вѣрующаго народа, на который очень удобно было бы при этомъ вліять своею пропагандой, а администрація, состоявшая въ тѣ времена изъ чиновниковъ почти исключительно польскаго происхожденія, конечно, склонна была оказывать всяческое содѣйствіе ксендзамъ и всяческія препятствія православнымъ. Но, не взирая на все это, отцу Базилевскому удалось наконецъ преодолѣть всѣ каверзы и затрудненія, и церковка была сооружена добродѣтельнымъ усердіемъ Дубининскихъ прихожанъ, причемъ и вся-то постройка ея, при готовомъ лѣсномъ матеріалѣ, обоилась только во 150 рублей. Съ тѣхъ поръ стало больше однимъ поэтическимъ уголкомъ въ Бѣловѣжской Пушчѣ.

Расчетъ мой добратъ засвѣтло до нощи не оправдался. Раньше чѣмъ выбратъ на большую Пушченскую дорогу, которая ведетъ отъ Гайновки до Бѣловѣжа, подводникъ нашъ долженъ былъ колесить разными лѣсными заглохшими тропами, среди предѣстной, совершенно дикой и глухой растительности. Въ Бѣловѣжѣ прѣхали мы, когда солнце совсѣтъ уже сѣло, и одна только слабая полоска свѣта тускло алѣла на западѣ. Когда мы выбрались изъ лѣсу, предъ нами открылась широкая равнина, до тринадцати верстъ въ окружности, со всѣхъ сторонъ замкнутая темною стѣною Пущи. На этой равнинѣ, которую пересѣкаетъ почти пополамъ рѣка Наревка, расположены въблизи береговъ селенія: Застава, Бѣловѣжъ, Сточекъ и Подоланы. Темные силуэты колоколни и высокихъ куполовъ деревянной церкви, стоящей на холмѣ, вырисовывались на вечернемъ небѣ; лѣвѣе церкви видѣлся изъ-за зелени парка Императорскій охотничій павильонъ, построенный въ стилѣ русской избы; огоньки мигали кое-гдѣ по хатамъ разбросанныхъ селеній; издали доносились вечерніе звуки: что-то въ родѣ Тургеневскаго «Антракча», пискливый наигрышъ самодѣльной свирѣлки, бленіе заблудившейся овцы...

Я присталъ на нощлегъ въ волостное прав-

леніе и узнавъ, что г. Жоховскій, лѣсничій-управляющій Пушей, дома и можетъ принять меня, отправился къ нему представиться и передать письмо, которымъ былъ снабженъ изъ Гродны. Любезное содѣйствіе г. Жоховскаго дало мнѣ полную возможность основательно познакомиться съ Пушей.

II.

Бѣловѣжская Пуца лежитъ между $52^{\circ}29'$ и $52^{\circ}51'$ сѣверной широты и между $40^{\circ}10'$ и 42° восточной долготы, считая отъ меридіана острова Ферро.

До VII столѣтія земля, вошедшія въ составъ нынѣшней Гродненской губерніи, представляли одно сплошное пространство первобытныхъ дремучихъ лѣсовъ, которые болышею частію росли на непроходимыхъ топяхъ и болотахъ, служа надежными притонами множеству медвѣдей, кабановъ, барсовъ, лосей, сернъ и зубровъ. Человѣкъ только случайно проникалъ въ эти трущобы, да и то лишь въ мѣста ближайшія къ окраинамъ и опушкамъ, не отпугиваясь вдаваться на дальніе разстоянія, въ глубины страшныхъ, невѣдомыхъ дебрей. Пятьсотъ лѣтъ спустя, уже въ XIII вѣкѣ, характеръ страны, оставаясь лѣснымъ, успѣлъ однако на много измѣниться. Масса лѣсовъ, границами которой служили рѣки: Нѣманъ, Росъ, Наревъ, Супрасль, Бобръ и Соколыда, оставалась все еще сплошною, но уже получила названіе Гродненской Пуци. Наревъ отдѣлялъ ее отъ обширной Бѣлской Пуци, которая входила въ непрерывную связь съ пуцею Рудскою, тянушеюся отъ Бреста до Кобрина. Центръ всѣхъ этихъ лѣсовъ занять былъ западною пуцею Бѣловѣжскою, къ которой на востокъ примыкали лѣсистыя Словимскія топи, служившія для нея связью съ болотистыми лѣсами нынѣшнихъ Минской и Волынской губерній. Но между этими пространствами уже залегали значительныя площади открытой, заселенной и обработанной земли, да и самая глушь недоступныхъ трущобъ перестала страшить человѣка, который все болѣе и болѣе проникалъ въ глубину таинственныхъ дебрей.

Нынѣ Бѣловѣжская Пуца принадлежитъ Пружанскому уѣзду и занимаетъ положеніе почти въ самомъ центрѣ Гродненской губерніи, на возвышенной площади, служащей водораздѣломъ Нѣмана, Буга и Припети, къ бассейнамъ которыхъ принадлежатъ всѣ остальные рѣки губерніи. Въ настоящее время пространство лѣса, который составляетъ Бѣловѣжскую Пуцу (въ административномъ смыслѣ), занимаетъ 112.080 десѣтинъ. Это равняется 1.076 квадратнымъ верстамъ, или 22 квадратнымъ географическимъ милямъ. Но народъ не свыкается съ офіціальными межами и продолжаетъ называть Бѣловѣжскою Пушей все

пространство примыкающихъ къ ней лѣсовъ казенныхъ и частныхъ, которые составляютъ пуци: Свислочьскую, Яловскую, Лядскую и Шерешевскую, занимая въ совокупности пространство въ 200.000 десѣтинъ, то-есть почти вдвое противъ того, что составляетъ Бѣловѣжскую Пуцу, въ смыслѣ административномъ. Это уменьшеніе пущенской площади произошло постепенно, вслѣдствіе пожалованій королями Польскими и государями Россійскими значительныхъ частей ея разнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе. Поверхность Пуци, какъ мы сказали уже, возвышенная въ серединѣ, тамъ гдѣ лежитъ село Бѣловѣжъ, легко склоняется во всѣ стороны, что и даетъ разнообразное направленіе теченію рѣкъ и рѣчекъ, берущихъ свое начало въ обширныхъ пущенскихъ болотахъ. Эти болота исключительно травянистыя, луговыя, изобилуютъ торфомъ и желѣзною рудой, и по своей величинѣ и топкости нерѣдко являются весной и осенью неодолимою преградой для сообщенія пущенскихъ жителей между собою, а въ жаркую лѣтнюю пору, когда стоячая вода подвергается гніенію, болота эти, выдѣляя изъ себя вредныя испаренія, вліяютъ на зарожденіе странной болѣзни, извѣстной подъ именемъ *холтуна*, который, можно сказать, составляетъ специальную болѣзнь Полѣсья. По направленію рѣкъ своихъ, Бѣловѣжская Пуца принадлежитъ къ водной системѣ Буго-Нарева; главнѣйшая изъ этихъ рѣкъ—Лѣсна (по-польски *Łsna*), которая образуется изъ двухъ рѣчекъ того же имени. Восточная Лѣсна беретъ начало въ Шерешевскихъ болотахъ, а западная, или правая Лѣсна, въ Бѣловѣжской Пуцѣ, гдѣ течетъ въ юго-восточномъ направленіи, среди болотистыхъ лѣсныхъ долинъ; сливаясь съ восточною Лѣсною, уже по выходѣ изъ Пуци, рѣка эта поворачивается на юго-западъ и сливается съ Бугомъ. Ширина ея въ верховьяхъ отъ полтора до трехъ сажень, а глубина отъ полутора до девяти футовъ, при довольно быстромъ теченіи. Весной вся долина Лѣсны, отъ трехъ до шести недѣль, остается подъ полою водой, и тогда сообщеніе между берегами возможно только на лодкахъ, да и вообще, эти берега, болотистые и заросшіе въ верхней части рѣки, остаются мало доступными до наступленія жаркаго и сухого времени, когда верховая Лѣсна становится мелководною. Тогда на всемъ ея протяженіи временно открывается множество бродовъ, которые, впрочемъ, не системъ-то удобны, по причинѣ болотистаго, пловатаго русла. Съ лѣвой стороны въ нее впадаетъ рѣчка Переволока, силою текущая по лѣву, а съ правой—рѣчка Бѣла. Этотъ послѣдній притокъ, огибая вмѣстѣ съ Лѣсною южную и юго-западную границы Пуци, имѣетъ для нея большое значеніе въ смыслѣ славного пути. Оксоло 1860 года ложе Лѣсны было расчищено

отъ карчей и пловучихъ деревьевъ, а на большихъ извилинахъ сдѣланы прокопы.

Рѣки Нарва и Наревка, вытекаая изъ центральныхъ болотъ Гродненской губерніи (въ Пружанскомъ уѣздѣ), даютъ начало сплавной и судоходной рѣкѣ Нареву. Образуются въ Никорскихъ болотахъ Бѣловѣжской Пущи (тамъ гдѣ была нѣкогда Околыницкая стража), Наревка течетъ вдоль по лѣсу, въ сѣверо-западномъ направленіи. Усиленная многими притоками, изъ которыхъ важнѣйшіе Гвоздна съ правой и Лотовня ¹⁾ съ лѣвой стороны, она нѣсколько выше заштатнаго города Нарева сливается съ Нарвой. Направленіе Наревки является особенно выгоднымъ для Бѣловѣжской Пущи, такъ какъ эта рѣка раздѣляетъ ее на двѣ почти равныя части, что имѣетъ немалое значеніе въ отношеніи лѣсныхъ сплавовъ, которые, направляясь отъ центральнаго пущенскаго пункта, села Бѣловѣжи, спускаются по Нареву въ Вислу и далѣе за границу. Плоты ходятъ по Наревкѣ на протяженіи 35 верстъ. До 1860 года сплавъ эти сопряжены были съ затрудненіями, вслѣдствіе карчей, но со времени Бугенгагена, которому въ 1856 году уступлено было съ торговъ право на рубку пущенскаго лѣса, затрудненія эти устранены, благодаря тому, что Бугенгагенская компанія истратила до 30.000 рублей на расчистку Наревки и другихъ рѣкъ Бѣловѣжской Пущи.

Что же касается озеръ, то таковыхъ здѣсь вовсе не имѣется, да и вообще центральная (Пружанская) группа болотъ характеристична тѣмъ, что въ ней отсутствуютъ озера сколько-нибудь значительныя. Всѣ они находятся въ Гродненской Пушѣ и въ южныхъ частяхъ уѣздовъ Слонимскаго и Кобринскаго.

Рѣки Бѣловѣжской Пущи (и въ особенности Наревку съ Гвоздной) можно бы было сдѣлать еще удобнѣе для сплава, еслибы взялись за осушеніе центральныхъ болотъ, прилегающихъ къ Пушѣ съ востока. Къ сожалѣнію, здѣсь никогда не производилась осушка въ значительныхъ размѣрахъ, а по замѣчанію П. Бобровскаго ²⁾, она вполне была бы возможна, посредствомъ прорытія глубокихъ рововъ или каналовъ (что относительно Гродненской Пущи дѣлали Тизенгаузъ и Валицкій), которые направляли и облегчали бы стокъ воды въ рѣки. Стоило бы, напримѣръ, прорыть канаву между притоками Нарвы и Свислочи на протяженіи одной лишь версты, чтобы съ полнымъ успѣхомъ осушить около ста квадратныхъ верстъ болота дикова (дикихъ кабановъ) и другихъ прилежащихъ къ Бѣловѣжской Пушѣ. Одна только эта осушка дала бы

странѣ до ста квадратныхъ верстъ чернозема, которымъ на сухихъ мѣстахъ такъ бѣдна Гродненская губернія. Кроме того замѣчено, что сила и распространеніе колтуна, этой страшной язвы Полѣсья, ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ болотистой почвы. Теперь же, въ прямой зависимости отъ болотъ, кроме колтуна, являются еще продолжительныя лихорадки, господствующія здѣсь весной. Жесткая и непитательная трава, свойственная вообще болотистой почвѣ, служитъ причиной множества болѣзней сельскаго скота и усиливаетъ падежи. По замѣчанію П. Бобровскаго, самыя эпидемическія болѣзни—холера, тифъ, скарлатина—распространеніемъ своимъ и силой обязаны сырости и мѣазмамъ, порождаемымъ столь обширными и многочисленными болотами.

Почва Бѣловѣжской Пущи, равно какъ и вообще всей Гродненской губерніи, носитъ на себѣ признаки наноснаго происхожденія. То безчисленное множество крупныхъ валуновъ и мелкихъ голышей, которыми усыяны всѣ поля Сокольскаго и восточной части Бѣлостоцкаго уѣздовъ, указываетъ несомнѣнно, что въ доисторическія времена здѣсь было море; да и многія бездонныя болота Гродненской Пущи, Пружанскаго уѣзда и далѣе «болотное море» Пинскаго полѣсья служатъ тому также немалымъ подтвержденіемъ. Общій характеръ почвы представляетъ здѣсь смѣшеніе разноцвѣтныхъ, крупныхъ и мелкихъ, песковъ съ гранитомъ, кремневыми и иными валунами, глинотомъ, мергелемъ и болотнымъ черноземомъ. Что касается собственно Бѣловѣжской Пущи, то здѣсь почва, оставаясь вѣрно своему общему характеру, представляетъ всѣ переходы въ супесчаную и суглинистую, и вездѣ покрыта въ значительной степени древеснымъ наездомъ, который, въ теченіе многихъ и многихъ столѣтій подвергаясь гніенію, образовалъ уже самъ изъ себя тучный слой весьма плодороднаго свойства. Онъ-то и поддерживаетъ могучую растительность Бѣловѣжской Пущи. По берегамъ лѣсныхъ рѣкъ, а въ особенности по Бугу и Нареву, въ глубинѣ почвы нерѣдко попадаются ископаемые остатки допотопнаго животнаго міра. Тамъ находятъ иногда кости мамонтовъ, носороговъ, тапировъ. Болотистая почва здѣшнихъ мѣстъ очень богата хорошимъ торфомъ и желѣзною рудой, но мѣстные жители въ настоящее время вовсе не занимаются разработкой этихъ матеріаловъ. Въ XVI столѣтіи однако желѣзодобывательный промыселъ стоялъ здѣсь на значительной степени развитія. Изъ люстраціи 1563 года видно, что въ Бѣловѣжской Пушѣ дѣйствовали тогда четыре желѣзодѣлательныя завода. Вообще, добываніемъ желѣза промышленія здѣсь съ древнѣйшихъ временъ, подтвержденіемъ чему служитъ названіе множества деревень *Рудными*, при которыхъ нерѣдко находятъ

¹⁾ Въ Лотовню впадаетъ одна изъ самыхъ замѣчательныхъ рѣчекъ Бѣловѣжской Пущи—Крипица.

²⁾ П. Бобровскій, т. I, стр. 162.

остатки разных заводских принадлежностей. Присутствиемъ желѣзной руды особенно богаты рѣка Наревъ и центральныя болота, гдѣ находятъ также лазурь, извѣстную въ промышленномъ мѣрѣ подъ именемъ прусской; но добываніемъ ея, къ сожалѣнію, тоже не занимаются. Въ этомъ отношеніи здѣсь гораздо болѣе посчастливилось мѣду, который составляетъ вмѣстѣ съ мергельною известью подпочву суглинки, занимая почти исключительно мѣста бугристыя. Село Бѣловѣжъ въ особенности располагаетъ подобною подпочвой. Въ недалекомъ сосѣдствѣ съ Пущей есть деревня Койлы (Чижевскаго прихода), поля которой изобилуютъ особымъ видомъ совершенно бѣлой глины. Бѣловѣжъ своимъ мѣломъ, а Койлы своею глиною снабжаютъ всю окрестную мѣстность. Тотъ и другой матеріалъ употребляютъ для бѣлѣнія внутренности хатъ, и, вслѣдствіе его изобилія и дешевизны, у многихъ хозяевъ чистота доведена даже до голландскаго педантизма, такъ что хозяйка, оваривъ кушанье, тотчасъ же принимается бѣлить закопѣлое мѣсто печи. Лѣтъ восемнадцать назадъ, въ урочищѣ Конячкѣ, находящемся въ сѣверной части Бѣловѣжской Пущи, найдены были пластовыя залежи сѣраго песчаника, который отличается здѣсь хорошою плотностью и самой мелкою ровною сыпью. Изъ этого песчаника выходятъ отличныя мельничныя жернова и точильныя брусья, но разработка его все-таки не достигаетъ должнаго развитія.

Климатъ Бѣловѣжской Пущи замѣтно суровѣе открытыхъ мѣстъ, непосредственно къ ней прилегающихъ. Болота и самая густота лѣса, препятствующая проникновенію солнечныхъ лучей, постоянно поддерживаютъ значительную влажность почвы. Вслѣдствіе этихъ причинъ весна въ Пущѣ равно какъ и прілетѣ птицъ, наступаютъ позднѣе чѣмъ въ сосѣднихъ окрестностяхъ, да и лѣто, нерѣдко сопровождаемое сильными туманами, бываетъ холоднѣе обыкновеннаго. Впрочемъ въ концѣ іюня и въ іюлѣ выдаются дни, отличающіеся, при сырыхъ и прохладныхъ ночахъ, нестерпимою жарой. Это обстоятельство какъ нельзя лучше способствуетъ развитію и гигантскому росту самыхъ разнообразныхъ древесныхъ породъ, но вредно отзывается на хозяйственныхъ растеніяхъ и на хлѣбопашествѣ: ростъ и созрѣваніе хлѣбовъ, плодовъ и овощей, сравнительно съ открытыми сосѣдними мѣстностями, ежегодно замедляется здѣсь на двѣ недѣли, и нерѣдко время жатвы совпадаетъ съ наступленіемъ продолжительной дождливой погоды, что весьма вредитъ уборкѣ. Весенніе утренники кончаются здѣсь поздно, а осенніе начинаются слишкомъ рано, и всегда сопровождаются значительною изморосью, которая пахотится въ прямой зависимости отъ большого

количества водяныхъ паровъ, осаждающихся на растительность; скопленіе же паровъ, въ свою очередь, зависитъ отъ отсутствія вѣтровъ, свободному движенію которыхъ препятствуетъ обиліе, вышина и густота лѣса. Все это отзывается гибельно на огородной, садовой и полевой растительности. Число туманныхъ и пасмурныхъ дней въ Пущѣ бываетъ сравнительно почти вдвое больше, чѣмъ въ открытыхъ мѣстностяхъ, и самыя сильныя туманы приходится на долю октября мѣсяца; зато сентябрь является здѣсь чуть ли не лучшимъ временемъ года: дни тогда бываютъ ясныя, теплыя и сухіе, да и ночи становятся значительно теплѣе. Лѣтняя сырость воздуха способствуетъ расплоду множества насѣкомыхъ въ Пущѣ. Быстрые переходы отъ холоднаго и туманнаго утра къ знойному полудню, во время наливапія хлѣбнаго зерна, вліяютъ на образованіе такъ-называемыхъ хлѣбныхъ *рожковъ*, идовитость которыхъ при употребленіи такого хлѣба въ пищу отзывается вредными и даже весьма опасными послѣдствіями для здоровья. Клейкимъ и сахаристымъ веществомъ этихъ рожковъ охотно питаются мухи и тогда отъ ихъ летающихъ массъ нѣтъ никакого покоя въ пущенскихъ деревняхъ ни людямъ, ни животнымъ. На каждое десятилѣтіе въ Бѣловѣжской Пущѣ приходится два мокрыхъ лѣта сплошь и три мокрыхъ іюня, а мокрый іюнь собственно и способствуетъ образованію рожковъ; дождливыхъ же весенъ приходится по три на каждыя двѣнадцать лѣтъ, и въ этомъ обстоятельствѣ мѣстные хозяева видятъ прямую причину своихъ частыхъ неурожаевъ.

Въ самой Пущѣ грозы бываютъ рѣдко, зато весьма часто разражаются онѣ, какъ мы сказали уже, на сосѣднихъ открытыхъ равнинахъ Бѣльскаго уѣзда. Бури посѣщаютъ Пущу обыкновенно осенью и изрѣдка весной, когда начинаютъ дуть продолжительныя и сильныя сѣверо-западные вѣтры. Въ весеннее время эти вѣтры, при сухой погодѣ, въ лѣсныхъ пространствахъ, ближайшихъ къ окраинамъ Пущи, сносятъ съ деревьевъ цвѣты и плодородную пыль съ растеній, а осенью, когда постоянство сѣверо-западнаго направленія и сила вѣтра становятся еще упорнѣе, сопровождаемая проливными дождями, здѣсь нерѣдко разражаются сильнѣйшія бури. Страшно тогда становится обитателямъ лѣса—и людямъ, и птицамъ, и звѣрямъ. Неистовый ревъ и гулъ, п свистъ, и стонъ стоитъ по всей Пущѣ, и минутно слышится то тамъ, то здѣсь раздражительный трескъ ломающихся вѣковыхъ деревьевъ. Сила вѣтра не только сносятъ вѣтви и верхушки; но и опрокидываетъ самое дерево, выворачиваетъ его съ огромными и глубокими корнями. Такимъ образомъ причиняется много вреда и порчи отличнѣйшимъ деревьямъ. Эти явленія называются здѣсь буреломомъ.

ми, и замѣчено, что они возвращаются периодически, черезъ каждыя десять или двѣнадцать лѣтъ ¹⁾, а по свѣдѣніямъ П. Бобровскаго, въ теченіе шестидесяти пяти лѣтъ надъ Гродненскою губерніею пронеслось тридцать бурь, причинившихъ ей лѣсамъ болѣе или менѣе значительныя опустошенія ²⁾).

Въ прямой зависимости отъ климата и его особенностей находится развитіе нѣкоторыхъ болѣзней. Такъ, съ наступленіемъ весны при таеніи снѣговъ въ деревняхъ и поселкахъ, лежащихъ при болотахъ и по берегамъ рѣчекъ болотистаго свойства, а въ особенности въ селеніяхъ около Лѣсны и Бѣлы, начинаютъ появляться перемежающіяся лихорадки, которыя въ случаѣ продолжительнаго ненастья не прекращаются и все лѣто, а къ осени, съ наступленіемъ обычныхъ дождей, усиливаются еще болѣе. Крестьяне противъ этой болѣзни употребляютъ горькіе настои изъ березовыхъ почекъ и листьевъ, изъ бобовника, пелуна и золототысячника, а также пьютъ съ водою нюхательный табакъ. Но въ особенности губительное вліяніе оказываетъ начало весны на дѣтей, которыя въ это время вмѣстѣ съ лихорадкой страдаютъ еще и катаральными кашлими. Лѣтомъ же, въ знойную пору, у дѣтей открываются поносы, нерѣдко и кровавые, отъ которыхъ лѣчатся настоемъ мухомора, а домашній скотъ начинаетъ падать отъ сибирской язвы и все это преимущественно въ мѣстностяхъ, подверженныхъ вліянію болотныхъ испареній. Страданія взрослыхъ людей, кромѣ перемежающихся лихорадокъ, заключаются еще въ воспаленіяхъ легкихъ, которыя начинаютъ дѣйствовать съ наступленіемъ холодной, дождливой осени и развиваются преимущественно въ зимнее время. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, уже независимо отъ болотъ, дѣйствуютъ чисто мѣстные особенности зимней крестьянской работы. Надо сказать, что съ наступленіемъ зимы мѣстные крестьяне большою частью запрягаются на рубку, уборку и перетаскиваніе лѣса въ пункты, назначаемые подрядчиками. Эта работа требуетъ усиленнаго мускульнаго труда, соединеннаго конечно съ усиленными физическими движеніями, вслѣдствіе чего, потѣя во время работы, крестьяне имѣютъ обыкновеніе скидать съ себя овчинныя кожухи (тулупы) и остаются въ однихъ сорочкахъ, часто на вѣтру и при значительныхъ морозахъ, имѣя обыкновеніе прохладиться такимъ образомъ нѣкоторое время и послѣ работы. Послѣдствіемъ такого обыкновенія въ значительномъ большинствѣ случаевъ является воспаленіе легкихъ. Повальное воспаленіе легкихъ, въ тѣхъ же самыхъ нѣз-

менныхъ, болотистыхъ мѣстахъ, почти ежегодно появляется и у домашняго скота, развиваясь исключительно во время холодныхъ и дождливыхъ весенъ и осеней. Гнилой, заплѣснѣвшій корень, ранній весенній выгонъ на подножный кормъ и стоячая гнилая вода преимущественно вліяютъ на развитіе у скота этой истребительной болѣзни. Но замѣчательно, что при столь замѣтной восприимчивости людей къ воспаленію легкихъ, тифозныя горячки въ Бѣловѣжской Пушчѣ являются очень рѣдко: въ годъ одинъ или два случая не болѣе; холера же, несмотря на дѣтскіе лѣтніе поносы, и вовсе не появляется; по крайней мѣрѣ, насколько извѣстно мѣстному лѣкарю, съ 1860 года, то есть со времени его пребыванія въ Бѣловѣжѣ, Пушча была совершенно избавлена отъ ея посященія. Кромѣ названныхъ болѣзней, обыкновенными страданіями у дѣтей являются золотуха, а у взрослыхъ ревматизмы (вліяніе сырыхъ и холодныхъ тумановъ), и особенно въ головѣ, вслѣдствіе нерѣдкаго обыкновенія спать на голой землѣ во время лѣтнихъ ночей. Ревматизмъ въ головѣ, по причинѣ ломоты, часто принимается здѣсь за колтуна, который, какъ мы сказали уже, составляетъ специальную болѣзнь Полѣся. Дѣйствительно, въ началѣ болѣзни, припадки колтуна имѣютъ много сходства съ ревматизмомъ, обнаруживаясь ломотой въ головѣ, послѣ чего волосы начинаютъ свиваться, путаться и мало-по-малу получаютъ видъ пакли. Съ появленіемъ наружной путаницы волосъ является и разстройство пищеваренія, а затѣмъ мѣстные хроническія страданія разныхъ органовъ, какъ-то: рожа, зеленюватая, глубокая и обширная язвы на нижнихъ конечностяхъ, издающія зловоніе; затѣмъ опухлость и отвердѣніе сочлененій, сведеніе членовъ, а при запущеніи болѣзни обнаруживаются костойды и язвы. Цѣтъ лица и кожи у колтунастыхъ всегда желтовато-блѣдный, вялый. Мѣстные крестьяне полагаютъ, что для облегченія страданій слѣдуетъ отрачивать волосы, которые, сбиваясь въ пучки, образуютъ въ послѣдствіи одну кровяную массу, иногда висающую по поясъ. Срѣзаніе колтунастыхъ волосъ почитается здѣсь не только вреднымъ, но даже и смертельнымъ, на томъ основаніи, что въ этомъ случаѣ волосъ будто бы пойдетъ расти внутри подъ кожу, къ черепу. По мѣстному убѣжденію, волосы непремѣнно сами отпадаютъ, когда колтунъ достаточно созрѣетъ. Но новѣйшая медицина не видитъ ни малѣйшаго вреда въ срѣзаніи этихъ войлоковидныхъ пучковъ и смѣло приступаетъ къ должной операціи. Хотя распространенію колтуна весьма много способствуетъ употребленіе для питья болотной воды, содержащей въ себѣ сѣрнокислую известь, но наблюденія медиковъ сводятся къ заключенію, что болѣзнь не переходитъ на жителей, переселяющихся

¹⁾ То-есть сильныя, громадныя или настоящіе буреломы, менѣе же значительныя бываютъ почти ежегодно.

²⁾ П. Бобровскій, т. I, стр. 309.

въ эту страну изъ другихъ здоровыхъ мѣстностей; однако же колтунастая кормилица непремѣнно прививаетъ колтунъ ребенку, будь это дитя новопрѣзжихъ и самыхъ здоровыхъ родителей. Такимъ образомъ колтунъ есть болѣзнь исключительно *коренного полѣскаго* населенія, и притомъ наслѣдственная, переходящая отъ родителей къ дѣтямъ. Кромѣ питія болотной воды, на развитіе ея вліяютъ еще и сырыя, неопрятныя хаты, гдѣ мало свѣта и воздуха, почему и распространеніе колтуна замѣчается преимущественно между крестьянами. Впрочемъ послѣдней причины въ Пущѣ не существуетъ: крестьяне здѣсь живутъ чисто и довольно просторно, зато и колтунъ сравнительно проявляется здѣсь рѣже чѣмъ въ другихъ, менѣе опрятныхъ по быту мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на Припятьскомъ и Пинскомъ полѣсахъ или въ болотахъ Пружанскаго уѣзда, непосредственно примыкающихъ къ Пущѣ. Крестьяне отъ колтуна лѣчатся своими домашними средствами; они употребляютъ отваръ (декоктъ) изъ травы, извѣстной у нихъ подъ именемъ барвинка (*vinca repens*), которую разводятъ у себя въ огородахъ; она служитъ и наружнымъ средствомъ противъ колтуна: тѣмъ же отваромъ смачиваютъ голову. Кромѣ барвинка, употребляютъ еще и корень лопуха, но все это едва ли достигаетъ какой-нибудь цѣли. Опытные медики полагаютъ, что лѣкарства, какія бы то ни были, противъ этой болѣзни положительно безсильны, что одно только осушеніе болотъ этой «полѣской тундры», просторность и чистота жилищъ, введеніе вовсе неизвѣстныхъ здѣсь великорусскихъ бань и вообще улучшеніе быта, въ смыслѣ устраненія нравственныхъ причинъ болѣзни, могутъ оказать вліяніе не только на уменьшеніе, но даже и на окончательное уничтоженіе «полѣской язвы».

Въ селѣ Бѣловѣжѣ есть своя лѣчебница, къ помощи которой обращаются крестьяне ближайшихъ пушченскихъ мѣстностей, то есть почти вся Бѣловѣжско-Александровская волость, и число приходящихъ сюда за пользованіемъ простирается, по словамъ лѣкаря, до 400 чело-вѣкъ ежегодно.

III.

Человѣку, никогда не бывавшему въ Пущѣ, трудно представить себѣ своеобразную прелесть этого во многихъ углахъ своихъ еще первобытнаго лѣса. Въ немъ нѣтъ сурово-мрачнаго колорита однообразныхъ и дремучихъ боровъ отдаленнаго сѣвера, хотя и онъ исполненъ тоже величія и дикости. Его скорѣе всего можно бы назвать *веселымъ* лѣсомъ. Лучшаго и болѣе вѣрнаго эпитета я не могу подыскать. Да, это именно веселый лѣсъ, который на душу путника производитъ свѣтлое,

отрадно-мирное впечатлѣніе. Такому впечатлѣнію болѣе всего помогаетъ характеръ чрезвычайно разнообразной растительности Пущи и затѣмъ тѣ прелестныя лѣсные виды и картинки, которые неожиданно являются вамъ на пути то справа, то слѣва, благодаря пушченскимъ ложинамъ, полянкамъ и мокрымъ лугамъ, по которымъ извилисто струятся ручьи и рѣчки. Но прелестнѣе всего это нѣкоторые дороги въ Пущѣ. Тѣ изъ нихъ, которыя служатъ путями постоянного движенія прѣзжающихъ и постоянными сообщеніями для мѣстныхъ жителей съ селомъ Бѣловѣжью и иными значительными пунктами, содержатся въ отличномъ состояніи: всѣ онѣ грунтовыя, достаточно просторныя, съ боковъ окопаны канавами, а по низменнымъ мѣстамъ, гдѣ нужно, идутъ гатями. Но есть и такія тропинки, которыя рѣдко кому даже извѣстны и по которымъ, кромѣ опытныхъ мѣстныхъ лѣсниковъ, никто и не ходитъ, да и эти-то рѣдко когда заглядываютъ, развѣ по особенной надобности: и вотъ такіе-то тропинки часто бываютъ еще прелестнѣе, чѣмъ прѣзжія дороги: на нихъ-то и попадаются самыя глухія, самыя поэтическия и красивыя мѣста. Часто, напримѣръ, вы ѣдете по грунтовой прѣзжей дорогѣ, а надъ вами сплетается такой густой навѣсъ изъ вѣтвей, скрестившихся и перепутавшихся между собою, и по обѣимъ сторонамъ стѣной идетъ такая густая заросль, что вамъ невольно начинаетъ казаться, будто вы ѣдете по прелестному парку, будто это нарочно, искусственно сдѣланы, въ видѣ длиннаго сводчатаго корридора, вся эта аллея и этотъ навѣсъ надъ вашей головой, мѣстами вовсе не проникаемый солнечными лучами. Но ничуть не бывало: не искусство, а сама природа устроила здѣсь эти зеленые корридоры, которые нерѣдко тянутся на значительномъ пространствѣ. Именно въ этихъ-то аллеяхъ и встрѣчаются самыя разнообразныя лѣсныя породы: дубъ, липа, ясенъ, кленъ, вязъ, пихта и проч. Но всѣхъ поэтичнѣе является здѣсь зелень граба: изумрудно-прозрачная, прихотливо-рѣзвая, кудрявая, веселая—именно веселая зелень! Она-то и придаетъ болѣе всѣхъ особую прелесть этимъ аллеямъ. Только-что кончился гдѣ-нибудь такой зеленый корридоръ грабовъ, дорога выбѣгаетъ на открытую полянку и вдругъ предъ вами встаетъ темная стѣна хвойнаго лѣса, густо, непроницаемо опушенная молодыми елями; далѣе опять разнообразный, смѣшанный лѣсъ, растущій на болотистомъ черноземѣ, «багонтъ», по мѣстному наименованію; потомъ пошелъ «грудь», т. е. лѣсъ, стоящій на сухой, болѣе возвышенной почвѣ и все это въ самыхъ приятныхъ для взора смѣнахъ и сочетаніяхъ. Вотъ гдѣ богатое раздолье для художниковъ! Вотъ гдѣ совсѣмъ свѣжій, совсѣмъ еще непочатый для нихъ уголъ! Невольно вспоминая при

этомъ лѣсные виды талантливаго Шипкина, мнѣ думалось, что вотъ куда бы слѣдовало ѣхать ему со своими альбомами и палитрой, пожить бы въ Пушцѣ нѣсколько недѣль, познакомиться съ ея самыми глухими и прелестными углами—и сколько новыхъ замѣчательныхъ произведеній, навѣянныхъ Бѣловѣжскою Пущей, далъ бы русскому искусству этотъ «поэтъ лѣса» по преимуществу! Мнѣ нерѣдко случалось забредать въ такія мѣста, гдѣ—можно смѣло сказать въ буквальномъ смыслѣ—никогда еще не ступала нога человека. А такихъ мѣстъ въ Бѣловѣжской Пушцѣ еще сохранилось не мало. Въ нихъ-то и кроется самая прелестная глушь и дикость. Деревья, поваленныя буреломомъ, лежатъ себѣ долгіе годы; иное изъ нихъ, болѣе сажени въ обхватѣ, выворочено все съ корнями, которые своими красиво причудливыми очертаніями такъ и просятся въ альбомъ художника; иное дерево надломало бурей гдѣ-нибудь по срединѣ ствола и оно опрокинулось на другое, соседнее, застрянувъ на его могучемъ сукѣ, и такимъ образомъ образовало какъ бы ворота. Оно давно уже высохло, покрылось мхомъ и листовыми наземомъ, который успѣлъ перегнить и даже образовать собою на немъ плодородную почву,—и вотъ вы видите, что на верхней поперечинѣ этихъ импровизованныхъ воротъ растетъ себѣ стройное молодое деревцо, совсѣмъ иной какой-нибудь породы: на дубѣ сосенка, на вѣзѣ—кленъ или березка. Нигдѣ, кромѣ этихъ глухихъ тущобъ Бѣловѣжской Пущи, не доводилось мнѣ встрѣчать на поваленныхъ деревьяхъ такихъ замѣчательныхъ губчатыхъ наростовъ: они, относительно говоря, несъма велики и массивны, и преимущественно сохраняютъ двоякую вѣтшнюю форму, являясь въ видѣ продолговатыхъ эллипсоидальныхъ блюдъ, либо же въ видѣ большихъ круглыхъ тарелокъ.

Въ первое время моего пребыванія въ Пушцѣ, попавъ въ какую-нибудь изъ подобныхъ первобытныхъ дебрей, я нерѣдко былъ вводимъ въ заблужденіе продолговатыми бугорками, принимая ихъ за могилы какого-нибудь давно заброшеннаго кладбища. Бугорки эти, совершенно какъ могилы, стлались по землѣ иногда даже довольно правильными рядами. И это, дѣйствительно, были кладбища, только не людей, а деревьевъ. Принимая бугоръ за могилу, я смѣло ставилъ на него ногу, въ полной увѣренности, что встрѣчу почву, столь же твердую, какъ и та, на которой стоялъ я, какъ вдругъ нога моя неожиданно и сразу глубоко проваливалась въ бугоръ, изъ котораго подымалась пыль и во всѣ стороны разползались въ крайней тревогѣ мириады разныхъ жуковъ, муравьевъ и козявокъ. Эти бугры—не что иное какъ деревья, съ незапамятныхъ временъ поваленныя буреломомъ и съ тѣхъ поръ,

невѣдомо для людей, лежащія здѣсь въ полномъ забвеніи и покоѣ. Подъ изобильнымъ слоемъ мха и древеснаго наеза, давашаго имъ форму бугра или могилы, деревья эти давнымъ-давно уже успѣли перегнить, истлѣть—конецъ и служить теперь жилищемъ для лѣсныхъ насѣкомыхъ. Иногда я осторожно разрывалъ этотъ мохъ и наземъ, и тогда истлѣвшее дерево казалось на видъ сохранившимъ всю свою наружную оболочку; но достаточно было толкнуть его ногой или ударить палкой, чтобы и кора, и сердцевина въ мигъ разсыпались прахомъ и рыхлою трухой.

Климатъ и почва Гродненской губерніи преимущественно благоприятствуютъ развитію сосны. Въ Бѣловѣжской Пушцѣ насажденія ея занимаютъ около двухъ третей всей лѣсной площади, что равняется 58.000 десятинъ. Здѣсь произрастаетъ сосна двухъ породъ: «мяндовая» и «грудовая». Первая не отличается особенными качествами; послѣдняя же, произрастая на сухихъ и возвышенныхъ мѣстахъ, надѣленныхъ тучною почвой, достигаетъ гигантскихъ размѣровъ, до полутора фута въ вышину и до шести футовъ въ поперечникѣ комля. Она крѣпка, плотна и вполне удовлетворяетъ условіямъ лучшаго корабельнаго мачтоваго лѣса. Старыя сосны Бѣловѣжской Пущи, въ двухсотъ и даже въ двухсотъ сорокалѣтнемъ возрастѣ, зачастую встрѣчаются безъ малѣйшихъ признаковъ порчи.

За сосной слѣдуетъ ель, занимающая около одной пятой части всего пространства, и образуетъ мѣстами чистыя насажденія значительной величины, но не рѣдко встрѣчается также и въ смѣси съ различными листовыми породами. Ель преимущественно любитъ здѣсь мѣста низменныя и, достигая свыше полутора-растлѣтняго возраста, размѣрами своими превосходитъ иногда лучшія изъ сосенъ гораздо старѣйшаго возраста. Примѣсь ели на низменныхъ мѣстахъ обыкновенно составляютъ грабъ, осина, ясень, береза и проч.

Дубъ въ Бѣловѣжской Пушцѣ, занимая одну тридцатую общаго пространства, попадаетъ иногда чисто дубовыми рощами, но чаще встрѣчаютъ его въ смѣси съ другими листовыми деревьями, которыя впрочемъ въ отношеніи его какъ по росту, такъ и по количеству составляютъ всегда второстепенныя породы. Здѣсь попадаетъ два его вида: дубъ лѣтній и зимній, но послѣдній значительно рѣже перваго. Разростаясь преимущественно по прибрежнымъ, влажно-почвеннымъ мѣстамъ (на багонахъ), дубъ въ Бѣловѣжской Пушцѣ, при всѣхъ своихъ великолѣпныхъ наружныхъ качествахъ, рѣдко обладаетъ здоровою сердцевиной. Даже опытные, старые дровосѣки обманываются наружными признаками его здоровья и, подрубивъ корни, часто открываютъ рыхлую гниль. Мѣстные лѣсоводы полагаютъ, что болѣзнь

сердцевины зѣшняго дуба пролсходитъ отъ того именно, что онъ охотѣе всего выбираетъ себѣ черезчуръ влажную почву и растетъ въ излишней густотѣ окружающихъ его насаждений, которая своею чрезмѣрно густою тѣною постоянно поддерживаютъ и безъ того уже излишнюю влагу багона. Совершенно здоровые дубы встрѣчаются здѣсь на тѣхъ болѣе сухихъ и пространныхъ мѣстахъ, гдѣ растутъ ели въ смѣси съ сосной. Въ семъ послѣднемъ случаѣ эти деревья достигаютъ колоссальнаго роста, при четырехсотлѣтнемъ и даже пяти-сотенномъ возрастѣ.

Береза плакучая и обыкновенная попадаетъ безразлично и на влажныхъ, и на сухихъ мѣстахъ, но всегда въ смѣшеніи съ другими лиственными и хвойными породами. Что касается до остальныхъ лиственныхъ насаждений, или такъ-называемаго «чернолѣсія», какъ напримѣръ: ясеня, вяза, илима, граба, клена, липа, ольха, осина, осокорь, берестъ (*ulmus effusa*), извѣстные здѣсь подъ именемъ «габины», то всѣ они растутъ исключительно въ тѣсномъ смѣшеніи между собою и притомъ исключительно на багонахъ, съ жирною черноземною почвой, которая съ каждымъ годомъ все болѣе утѣняется лиственнымъ наземомъ. Средній возрастъ всѣхъ этихъ породъ отъ 40 до 60-ти лѣтъ, за исключеніемъ вяза и илима, которые живутъ до полутора ста и при трехфутовой толщинѣ достигаютъ въ вышину отъ 80 до 100 футовъ. Относительно ясеня, береста и клена (бѣлаго и обыкновеннаго, или черноклена) здѣсь замѣчено, что тѣ деревья, которые выросли изъ саженыхъ сѣмянъ, отличаются прямой стволъ и по размѣрамъ своимъ равняются такимъ высокоствольнымъ деревьямъ какъ дубъ и илимъ. Ольха, двухъ видовъ:—бѣлая и черная, рубится для столярныхъ подѣлокъ, которыми въ окрестностяхъ Пуци занимаются преимущественно свислочскіе ремесленники ¹⁾. Изъ ольховыхъ досокъ они выдѣлываютъ дешевую и очень здѣсь распространенную мебель подъ красное дерево. Кора же ольховая употребляется для выдѣлки черной краски и на дубленіе кожъ, преимуще-

ственно тоже въ Свислочи. Бѣловѣжской Пушчѣ принадлежать лучшія липы Гродненской губерніи. Относясь болѣею частью къ виду липы мелколистной, онѣ достигаютъ значительной вышины и объема, не уступающихъ наиболѣе высокимъ дубамъ и лучшимъ соснамъ. Къ сожалѣнію, молодые деревья и даже отпрыски липы въ наши дни замѣтно становятся здѣсь все рѣже, такъ что со-временемъ едва ли удержится въ Пушчѣ эта прекрасная порода. Зато осина, растущая на багонахъ, въ смѣси съ другими лиственными деревьями, разрастается ужъ слишкомъ не въ мѣру, такъ что не рѣдко даже вытѣсняетъ собою другія лучшія породы, какъ замѣчено это неподалеку отъ села Бѣловѣжа. Такому прискорбному обстоятельству помогаетъ, во-первыхъ, естественная быстрота ея роста, а во-вторыхъ, то, что осину вовсе не истребляютъ, ея вовсе не пользуютъ ни для какихъ подѣлокъ и домашнихъ потребностей; какъ топливо—она даетъ мало жару, какъ строительный матеріалъ—годится развѣ на колья для какой-нибудь изгороди; но мѣстные жители для той и другой потребы находятъ здѣсь въ изобиліи породы, болѣе пригодныя, и потому почти никогда не рубятъ осинового дерева, почитая его къ тому же поганымъ, проклятымъ,—«бо на юму Іуда вдавнвса, и адъ тыхъ поръ воно и дрыжитъ».

Смотря по качеству почвы и преимущественно на низменныхъ, поемныхъ мѣстахъ, здѣсь произрастаютъ: осокорь (черный тополь), бѣлый или серебряный тополь, дикая груша и дикая яблоня; встрѣчается и черемуха, но очень рѣдко.

Кустарники въ Пушчѣ довольно разнообразны и нѣкоторые достигаютъ значительной вышины и густоты; они всегда служатъ украшеніемъ чернолѣсія, растущаго какъ на «багонахъ», такъ и на «грудѣ». Здѣсь встрѣчаются: орѣшникъ, разные виды ивъ, крушина, жимолость, боярышникъ, бересклетъ, калина, красный роговикъ, терновникъ, барбарисъ, волчье лыко, тишь, можжевельникъ, дикая малина, дикая смородина (черная) и другія.

Между травами и однолѣтними растеніями въ особенности замѣчательна здѣсь *манна*. Это особый видъ лугового мятлика или овсяницы, овсяница плавающая (*Fesluca*, или *Glyceria fluitans*). Она растетъ во всѣхъ стоячихъ или медленно текущихъ водахъ, въ канавахъ и на низменныхъ сѣнокосныхъ лугахъ. Вообще гдѣ мokrѣе, тамъ ей и лучше. Трaвa эта весьма мягка и растетъ быстро, такъ что легко можетъ быть кошена три раза въ лѣто. Лошади и рогатый скотъ очень любятъ манну, какъ свѣжую, такъ и въ видѣ сѣна. Но главное достоинство манной травы составляютъ ея сѣмена, необыкновенно пріятныя на вкусъ. Женщины собираютъ эти сѣмена обыкновенно

¹⁾ Мѣстечко Свислочь, Волковыскаго уѣзда, принадлежало прежде графу Тадеушу Тышкевичу, который учредилъ здѣсь гимназію, ярмарку, построилъ каменный гостинный дворъ, театръ, пять каменныхъ арокъ, въ видѣ триумфальныхъ воротъ, на всѣхъ выѣздахъ изъ мѣстечка, и водворилъ много разныхъ ремесленниковъ. Въ особенности славились нѣкогда свислочскіе токари, столяры, каретники и фортеціаные мастера. Марія Рѣпинская и до сихъ поръ остается одною изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Россіи представительницъ токарнаго искусства: ея миниатюрныя работы, въ родѣ полныхъ чайнымъ сервизовъ, укладываемыхся въ грецкій орѣхъ, и тому подобныя подѣлки просто изумляютъ своими крошечными размѣрами и изяществомъ исполненія, а еще болѣе необычайною своею дешевизной.

предъ сѣнокосомъ, по утренней зарѣ, и дѣлаютъ изъ нихъ крупу, извѣстную въ торговлѣ подъ названіемъ польской, прусской либо франкфуртской крупы или кашки. Она употребляется вмѣсто саго для засыпки суповъ, варятъ изъ нея также и кашу, либо же, обративъ въ муку, готовятъ родъ киселя. Рѣдкость и пріятный вкусъ манны дѣлаютъ ее довольно цѣнною даже на самомъ мѣстѣ сбора: пущенскія бабы сбываютъ манную крупу евреямъ, смотря по урожаю, отъ 50 до 75 копеекъ за гарнецъ¹⁾.

Затѣмъ надо отмѣтить траву *зубровку* (*Hierochla borcalus*, *Holeus odoratus puticus*), составляющую наиболѣе любимый кормъ и даже лакомство зубровъ, которые любятъ также и *хробустъ*—очень сочное, широколистное растеніе, произрастающее по мокрымъ мѣстамъ. Кромѣ зубровъ, эту послѣднюю траву въ большомъ количествѣ пожираютъ кабаны и домашнія свиньи; поэтому въ Польшѣ ее называютъ *свинье бѣно*.

Чаще другихъ кормовыхъ травъ и растеній въ Бѣловѣжской Пушчѣ встрѣчается *копытникъ*—низенькая травка, съ очень красивымъ темно-зеленымъ листомъ, напоминающимъ форму подошвы конскаго копыта; растетъ копытникъ въ самыхъ тѣнистыхъ мѣстахъ старорослаго лѣса и служитъ какъ рвотное средство въ лихорадкѣ и какъ противоядіе въ отравленіи ядовитыми грибами. *Ситникъ* держится на грудовой почвѣ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ растетъ дубъ, грабъ, ясень и вообще твердыя породы. *Щавукъ* и *щавелекъ*—очень любимый мѣстными жителями за свой пріятно-кисловатый вкусъ. Раннею весною пущенскія бабы обыкновенно собираютъ всходы щавельки и варятъ изъ него борщъ. *Звонецъ*—съ красивымъ лилово-желтымъ цвѣткомъ, растетъ по борамъ и лѣсамъ.

Изъ лѣкарственныхъ травъ Бѣловѣжской Пушчи мѣстными обитателямъ наиболѣе извѣстны: *тысячелистникъ*, растущій преимущественно на глинистой почвѣ и употребляемый въ болѣзняхъ живота, противъ женскихъ болѣзней и въ геморроѣ, *айръ*—рѣчное прибрежное растеніе, взваромъ котораго полощутъ ротъ при цынготной опухоли десенъ; тѣмъ же взваромъ въ видѣ примочки лѣчатъ скоть, прикладывая разваренные листья айра къ мѣсту, укушенному змѣей. Противъ укуса змѣи, а также

и бѣшеной собаки, здѣсь употребляется еще *зелье шаленца* (*polygonum bistorta*), растущее надъ лѣсными протоками. Зелье это высушиваютъ, толкутъ въ порошокъ и ѣдятъ съ кислымъ хлѣбомъ; скоту же даютъ его съ овсомъ, а дѣтамъ съ медомъ, потому что шаленецъ на вкусъ горекъ. *Плоротникъ*, очень красиво растущій здѣсь вообще по лѣсамъ, употребляютъ противъ глистовъ; *стародубъ* (исландскій мохъ) пьютъ въ видѣ декокта въ чахоткѣ и вообще въ грудныхъ болѣзняхъ; *плющикъ* собираютъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ и пьютъ съ молокомъ отъ кашля. Какъ средство противъ чахоточнаго кашля служитъ также *вероника*, собираемая здѣсь по сосновымъ борамъ, а равно и *бузульникъ болотный*, который встрѣчается въ лѣсахъ низменныхъ: его же даютъ съ пищею и свиньямъ, какъ предохранительное средство отъ заразы. По сухимъ лѣсамъ растетъ *п. лаунъ*; послѣ хорошей сушки его растираютъ въ порошокъ и присыпаютъ имъ раны и обонрѣлости; *зѣнрой* и *дикой цикорій*, растущіе безразлично повсюду, извѣстны какъ кровочистительныя средства; *блекату* (тоже встрѣчается повсюду) курятъ вмѣсто табаку изъ трубки при зубной боли, отъ которой употребляютъ и *дурманъ* и *бѣлену* и траву *баранью*; послѣдняя, въ настоѣ на водкѣ, служитъ также для вытиранія тѣла при ревматизмахъ и вообще въ ломотныхъ болѣзняхъ; корень *лотушника*, называемаго здѣсь *будякомъ* и *осотомъ*, употребляютъ отъ золотухи, а *черную буквицу* (въ сухихъ лѣсахъ)—при женскихъ болѣзняхъ. Свѣжимъ сокомъ *чистотѣла* (по низменнымъ пустырямъ) лѣчатъ такъ-называемую куриную слѣпоту и прикладываютъ его къ мозолямъ.

Что касается до культурныхъ произрастеній, то число ихъ представителей въ Бѣловѣжской Пушчѣ не особенно велико. Такъ, напримѣръ, пшеница сѣется въ самомъ ограниченномъ количествѣ и рѣдко приноситъ хорошій урожай, что уже прямо зависитъ отъ условій пущенскаго климата, объ относительной суровости котораго мы говорили выше. Рожь родится порядочно, а иногда и очень хорошо. Средній урожай приноситъ для ржи самъ-пять, для пшеницы—самъ-шость, а изъ яровыхъ хлѣбовъ овесъ—самъ-семь, ячмень—самъ-шость, гречиха—самъ-третей¹⁾. Просо разводится очень мало и значенія въ сельскомъ хозяйствѣ почти не имѣетъ. Зато овесъ сѣется въ изобиліи и хорошо скупается на разныхъ сосѣд-

¹⁾ Кромѣ Бѣловѣжской Пушчи, манная трава растетъ въ достаточномъ изобиліи въ Кобринскомъ и Пружанскомъ уѣздахъ Гродненской губерніи, но преимущественно встрѣчается по топкимъ берегамъ рѣки Нурца, въ Бѣльскомъ уѣздѣ, гдѣ окрестные жители заштатнаго города Бранска усердно занимаются собираніемъ ея стѣмянъ на продажу. Затѣмъ манна встрѣчается также и въ нашемъ Привислянскомъ краѣ, въ Пруссіи, Силезіи, Богеміи, въ Сѣверной Германіи и Швейцаріи, до самаго подножія высокихъ горъ, гдѣ находятъ ее въ прудахъ и озерахъ.

¹⁾ Таковы результаты 1871 года, который можетъ быть отнесенъ къ числу среднеурожайныхъ. Въ Масевскомъ сельскомъ обществѣ (въ Бѣловѣжской Пушчѣ) было высѣяно ржи 1.350 четвертей, а собрано 6.750 четвертей, пшеницы высѣяно 215 четв., собрано 1.290 четв., овса высѣяно 675 четв., собрано 4.725 четв., ячменя высѣяно 450 четв., собрано 2.700 четв., гречихи высѣяно 150 четв., собрано 450 четв.

нихъ базарахъ, особенно въ Свислочи; тамъ располагаются на зимовыхъ квартирахъ кавалерійскія части. Овесъ сѣется двухъ видовъ: обыкновенный и казацкій (*Avena orientalis*); гречиха же, требующая песчаной почвы, которая менѣе всего встрѣчается въ Пушчѣ, разводится въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Послѣ хлѣбовъ значеніе для сельскаго хозяйства имѣютъ здѣсь слѣдующія растения: изъ корнеплодныхъ — картофель, который, составляя повседневную пищу крестьянъ, даетъ имъ возможность экономить ржаной хлѣбъ, ячную, просянную и овсяную крупу, а иногда (въ случаѣ неурожая) и вовсе замѣняетъ ихъ собою. Кромѣ того, мелкимъ картофелемъ откармливаютъ здѣсь и борововъ на продажу. Рѣпа и свекла сѣются въ очень маломъ количествѣ и идутъ исключительно на употребленіе въ хозяйствѣ. Изъ волокнистыхъ — ленъ сѣется на поляхъ, а конопля — въ огородахъ, но послѣдняя въ количествѣ весьма ограниченномъ. Зерна конопляныя растутъ въ деревенныхъ мискахъ и идутъ на приправу крестьянскихъ кушаній, а пенька — частію на одежду, частію на сученіе веревокъ. Изъ масляничныхъ, макъ и подсолнухи служатъ болѣе какъ украшеніе крестьянскихъ садовъ и огородовъ, но въ хозяйствѣ значеніе ихъ ничтожно, если не считать, что зерна подсолнуха употребляются какъ дешевое домашнее лакомство; зерна же мака употребляются и въ лѣкарственномъ смыслѣ: ихъ толкутъ, прибавляя малую дозу воды, и, въ видѣ густого молока, пьютъ отъ бессонницы и даютъ съ тою же цѣлью груднымъ дѣтямъ, чтобъ они по ночамъ не беззвучно плакали. Растеній красивыхъ и спеціально аптекарскихъ, за исключеніемъ мяты (которую зовутъ здѣсь *тинавсемъ*), шалфея, барвинка и зимозелени (рута) здѣсь не разводится. Рута, помогающая дѣтямъ въ глестахъ и взрослымъ противъ цынги, разводится въ маленькихъ огородахъ преимущественно молодыми крестьянскими дѣвушками, но не столько ради ея цѣлебныхъ свойствъ, сколько ради дѣвичьскаго кокетства: рута, пересаженная по осени въ горшки, не теряетъ зелени и зимою, отъ того и называютъ ее здѣсь *зимозельню*, а оставленная въ «шпектахъ», то-есть въ грядкахъ, равно какъ и въ дикомъ состояніи по цущескимъ лѣсамъ, она начинаетъ зеленѣть самую раннюю весной, чуть только протаетъ снѣгъ по прогалинамъ. Крестьянскія дѣвушки въ теченіе зимы, а въ особенности съ появленіемъ первыхъ признаковъ весенняго времени, очень любятъ употреблять зимозель какъ украшеніе для своихъ волосъ: онѣ весьма кокетливо загибаютъ ее въ волосы и за головныя «хустки» (платки) небольшими вѣточками и пучечками около висковъ и за ушами. Дѣлается это преимущественно по праздникамъ, когда дѣвушки отправляются въ церковь къ обѣднѣ.

Табакъ здѣсь хотя и курится, и нюхается мужчинами въ достаточномъ количествѣ, но въ огородахъ его не разводятъ, а если онъ и встрѣчается гдѣ-либо, то какъ рѣдкое исключеніе.

Изъ стручковыхъ, горохъ и чечевица сѣются на поляхъ, а бобъ въ огородѣ, но послѣдній, вмѣстѣ съ хмѣлемъ, служитъ преимущественно для украшенія стѣнъ крестьянскихъ хатъ и заборовъ, а въ хозяйствѣ значенія не имѣетъ. Чечевица сѣется менѣе даже чѣмъ въ умѣренномъ количествѣ, и только одинъ горохъ, въ качествѣ хозяйственного запаса, имѣетъ значеніе на столько, что на него даже и справочныя цѣны устанавливаются.

Огородничество и садоводство, въ смыслѣ промысла, не существуетъ вовсе, хотя у каждаго почти крестьянина есть небольшой садикъ, отъ одного до пяти фруктовыхъ деревьевъ — грушъ и яблонь, а иногда вишенъ и сливъ. Впрочемъ эти деревья, вслѣдствіе отсутствія всякаго ухода за ними, приносятъ плоды довольно мелкаго сорта и не особенно хорошаго качества, а иногда и вовсе ихъ не приносятъ. Но непременно у каждаго крестьянина при хозяйствѣ есть *городецъ* и огородъ. Городецъ, это — собственно маленький палисадникъ, разбитый подъ выходящими на улицу двумя окнами крестьянской хаты и огороженный «плотомъ», то-есть заборомъ. Огородъ же устраивается въ районѣ самаго двора, преимущественно сбоку, противъ входной двери въ хату, либо позади хаты. Въ городцѣ, на небольшихъ грядкахъ, называемыхъ *шпектами*, растутъ красный и бѣлый бобъ, хмѣль, павой, красиво и пышно выходящая по стѣнамъ и заборамъ; тутъ же огненно алѣютъ *кастунки* (настурции), благоухаетъ *тимьякъ* (Божье дерево) и *тинаней* (мята), иногда между ними и высокія, пышныя мальвы красуются своими бѣлыми, желтыми и розовыми цвѣтами. Въ этихъ же шпектахъ разводятъ на рассаду *брюшку* (брюкву), капусту и бураки. Настоящій же огородъ пестро украшается разноцвѣтными маками и желтыми подсолнухами. Здѣсь у зажиточнаго крестьянина всегда найдется на грядкахъ достаточно луку саженицу и луку мелкаго, чесноку, укропу, морквы (моркови), не говоря уже о капустѣ, рѣпѣ и брюквѣ; кромѣ того разводятъ тыквы, огурцы, пастернакъ, петрушка, салатъ, укропъ и рѣдька.

Лѣса Бѣловѣжской Пущи изобилуютъ разными породами грибовъ. Крестьяне, то-есть преимущественно бабы и дѣвушки, за умѣренный взносъ въ пользу казны (около 25 или 30 коп.) получаютъ изъ конторы пушечскаго управленія особый билетъ, дающій имъ на все лѣто право собирать въ Пушчѣ ягоды, орѣхи, шишки еловыя и грибы, что въ совокупности приноситъ имъ отъ трехъ до шести, а счастливые годы и до десяти рублей дохода. Преиму-

шественно собираются *бѣлые грибы*, поспѣвающие въ июнѣ, и грибъ *боровикъ*, достигающій здѣсь хорошей величины и плотности, почему про него и въ пѣснѣ поется, что «грибъ-боровикъ—всему грабу полковникъ». Свѣжіе и сушеные боровики крестьяне продаютъ помѣщикамъ отъ 10 до 15 коп. за копу ¹⁾, а бѣлые отъ 15 до 25 коп., смотря по урожаю и по качеству. Собираютъ они также грибы желтаго цвѣта, извѣстные подъ именемъ *лисичекъ*, которые и сбываютъ исключительно окрестнымъ евреямъ. Лисичка—любимый грибъ еврея, «копирный грибъ», потому что въ немъ никогда не заводятся наѣдомыхъ. Для собственнаго употребленія крестьяне собираютъ на багонахъ *осиновку* или *масляникъ*, водящійся въ значительномъ количествѣ; *сыромятку*, фіолетоваго, краснаго, сянгаго, бѣлаго и желтаго цвѣтовъ, — грибъ, находящійся у крестьянъ въ большомъ употребленіи; *подосовикъ*, растущій въ ссновыхъ лѣсахъ; *рыжикъ*, желтаго и синеватаго цвѣта, который употребляютъ здѣсь въ вареномъ видѣ, но просаливаютъ рѣдко; сбываютъ его также и помѣщикамъ, у которыхъ на кухняхъ въ большомъ употребленіи рыжики, истолченные въ порошокъ; ѣдятъ тоже *волнянку*, похожую на рыжикъ, *дулянку* и *опенокъ*, мелкій желтый грибокъ, изобильно растущій около пней сгнившихъ деревьевъ, отчего происходитъ и самое его названіе, но послѣдній грибокъ собирается только въ случаѣ недостатка другихъ грибовъ болѣе высокаго достоинства. О губчатыхъ наростахъ, извѣстныхъ здѣсь просто подъ именемъ *губы* и достигающихъ оригинальныхъ и значительныхъ размѣровъ, мы уже говорили выше. Губа у мѣстныхъ крестьянъ идетъ на выдѣлку трута. Изъ ядовитыхъ породъ наиболѣе распространенъ въ Бѣловѣжской Пушчѣ *мухоморъ*, котораго отличаютъ здѣсь два вида: красный съ желтовато-бѣлыми пятнышками и бѣлый. Мухоморъ вреденъ въ особенности для скота, пасущагося по нѣкоторымъ отведеннымъ мѣстамъ Пущи; люди же нашли возможнымъ утилизировать его: настоящий на молокъ онъ служитъ отравой для мухъ, которымъ нѣсть числа въ пущенскихъ селеніяхъ. Красивымъ мухоморомъ крестьяне лѣчаться отъ поноса: засушивъ предварительно, толкутъ его въ порошокъ и наливаютъ водкой, больному даютъ полрюмки настоя, и, послѣ перваго же приѣма, поносъ прекращается. Наконецъ, въ Бѣловѣжской Пушчѣ водятся и трюфели двухъ родовъ: *tyber suborium* и *tyber album*, отыскиваніе которыхъ производится посредствомъ особо къ тому приученныхъ собакъ. Эти трюфели могли бы не уступать и французскимъ, еслибъ ихъ умѣли какъ слѣдуетъ заготавливать въ прокъ.

¹⁾ Копю называется здѣсь всякая мѣра на число штукъ. 60 штукъ яблокъ, грушъ, сливъ, грибовъ, огурцовъ и т. п. называется копою.

Въ Свислочи и другихъ прилежащихъ мѣстечкахъ можно найти ихъ у евреевъ, въ бакалейныхъ лавкахъ, въ засушенномъ видѣ, причѣмъ копа продается связками отъ 1 руб. до 1 руб. 50 коп. ¹⁾.

Фауна Бѣловѣжской Пущи настолько же богата и разнообразна, какъ и ея флора. Въ древнія времена она была еще богаче, но это древнее богатство весьма не трудно было бы возстановить въ нѣкоторыхъ частяхъ его и въ настоящее время, еслибы приложить къ тому должное стараніе по почину правительства. Говоря это, мы въ особенности разумѣемъ бобра, который нѣкогда водился здѣсь въ большомъ количествѣ и служилъ источникомъ хорошаго дохода. Когда-то пущенскія дебри, съ ихъ непроходимыми топями, укрывали въ своихъ дѣтственныхъ трущобахъ множество барсовъ, росомахъ и дикихъ кошекъ. Теперь всѣ эти хищные звѣри исчезли; осталась одна только рысь, которую нѣкоторые, и въ томъ числѣ П. Бобровскій, принимая въ соображеніе ея величину и хищность, называютъ европейскимъ тигромъ. Но, кромѣ исчезнувшихъ хищниковъ, здѣсь водились также и соболи, и бобры, и олени, и дикія лошади. Послѣднія встрѣчались еще до половины прошлаго столѣтія. Древняя литовская конница пополнялась болѣею частью этими дикими лошадьми, которыхъ ловили приблизительно въ четырехлѣтнемъ возрастѣ и смѣлыми приѣмами подѣлживали подъ всадника. Эта дикая порода пущенскихъ лошадей не отличалась высокимъ ростомъ и вообще внѣшнею красотой, походя отчасти на нынѣшнюю вятскую породу, но зато была очень сильна, неутомима въ трудѣ, легка и быстра на ходу, нечувствительна ко всякаго рода лишеніямъ и необыкновенно чутка, но отнюдь не труслива; развитіе этихъ двухъ послѣднихъ качествъ, то-есть чуткости и смѣлости, безъ сомнѣнія находилось въ прямой зависимости отъ условій лѣснаго существованія, гдѣ на всякомъ шагу надо было чутъ близкаго, незримаго врага и, борясь за свое существованіе, отражать ударами копытъ его внезапное нападеніе. Литовская конница, ѣздившая на этихъ лошадяхъ, въ свое время достаточно славилась, да и вообще лошадь въ языческой Литвѣ пользовалась извѣстнымъ почетомъ и уходъ за нею былъ весьма старателенъ въ противоположность древнимъ мѣстнымъ славянамъ, которые съ лошадью обращались небрежно ¹⁾.

¹⁾ Въ числѣ грибовъ, водящихся въ Бѣловѣжской Пушчѣ, находится еще кораллоподобный пластинчатникъ, извѣстный здѣсь подъ названіемъ *борода*.

²⁾ При великомъ князѣ литовскомъ Александрѣ, въ здѣшнихъ мѣстахъ появились уже лошади довольно рослыя, происшедшія, какъ полагаютъ, отъ скрещенія съ украинскою породой. Эти лошади, называвшіяся *histry*, способны были къ перевозкѣ весьма большихъ тяжестей и

Олень (*Servus claphus*) тоже вывелся совершенно, и только нѣкоторыя мѣстные названія, какъ напримѣръ: Оленья гора, рѣчка Елѣнка и т. п., указываютъ, что нѣкогда и онѣ водились въ Бѣловѣжской Пушчѣ. Подтвержденіемъ этому служатъ также и олени рога, разной величины, нерѣдко вытаскиваемые при рыбной ловлѣ сѣтями изъ пущенскихъ рѣкъ, въ старорослыхъ лѣсныхъ чащахъ.

Но болѣе всѣхъ исчезающихъ полезныхъ и дорогихъ звѣрей, не говоря уже о соболяхъ, становится жаль бобра, который въ небольшомъ количествѣ водился въ Пушчѣ еще въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія. Последнихъ особей этой породы, по завіренію мѣстныхъ лѣсниковъ, встрѣчали еще въ 1840 году, но затѣмъ онѣ уже совершенно исчезли. Бобры водились на рѣчкахъ: Лѣсны, Бѣлой, Гвозня и Наревѣ, гдѣ слѣды ихъ оригинальныхъ построекъ были видны еще долго спустя послѣ окончательнаго исчезновенія этого животнаго. Главною причиною истребленія бобровъ была весьма обременительная подать, наложенная польскимъ правительствомъ на мѣстныхъ стрѣльцовъ, которую они обязаны были вносить въ казну частію деньгами, а частію звѣриными шкурами. Понятно, что каждый стрѣлецъ старается подстрѣлить соболя или бобра, мѣхъ которыхъ съ избыткомъ вознаграждалъ его труды и расходы на подать. Правительство спохватилось, но уже поздно, и отмына зловредной подати послѣдовала тогда, когда этихъ драгоценныхъ животныхъ здѣсь почти не оставалось. А между тѣмъ прирѣчныя чащи и заросли Пушчи какъ нельзя болѣе способствуютъ жизни и расплоду бобровъ. «Весьма желательно, говоритъ П. Бобровскій, чтобы позаботились о ихъ размноженіи; бобры такъ плодовиты, что достаточно нѣсколькихъ лѣтъ, чтобъ изъ одной пары получить значительное стадо. Бобровые мѣха столь цѣнны, что заботы о размноженіи и сохраненіи бобровъ, по крайней мѣрѣ въ Бѣловѣжской Пушчѣ, гдѣ съ такимъ стараніемъ ухаживаютъ за зубрами, ради ихъ рѣдкости, вполне вознаградились бы чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Надобно только опредѣлить преміи за ихъ размноженіе, запретить охоту, дать свободу и спокойствіе, и можно быть увѣреннымъ, что берега Наревы, Лѣсны и другихъ рѣчекъ быстро покроются бобровыми жилищами»¹⁾.

служили немалымъ подспорьемъ для торговыхъ каравановъ, направлявшихся изъ Руси въ Польшу или Германію и обратно. Поэтому каждый хозяинъ старался держать у себя столько лошадей, сколько могъ свободно прокормить ихъ зимою. Съ XV вѣка въ Литовской Руси впервые начинаютъ появляться иностранныя конскія породы, скрещеніе которыхъ съ мѣстными, благодаря охотѣ къ дѣлу крупныхъ магнатовъ, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, давало блистательные результаты.

¹⁾ П. Бобровскій, т. I стр. 423.

Сказавъ о животныхъ исчезающихъ, намъ слѣдуетъ перейти къ животнымъ, населяющимъ Пушчу въ настоящее время. Мы намѣрены, начавъ съ мельчайшихъ, то-есть съ насѣкомыхъ, кончить крупнѣйшими и достопримѣчательнѣйшими, то-есть зубромъ.

Царство насѣкомыхъ имѣетъ здѣсь почти всѣхъ представителей, свойственныхъ средней полосѣ Европы. Первое мѣсто принадлежит пчеламъ, благодаря которымъ литовскій медъ славился еще въ глубокой древности. Пчелы водятся здѣсь не только въ ульяхъ, но и въ такъ-называемыхъ *сортахъ*, то-есть въ дуплахъ высокихъ старыхъ деревьяхъ. О бортяхъ и о быломъ значеніи бортничества, какъ особаго промысла, мы скажемъ подробно въ послѣдствіи, когда будемъ говорить о промыслахъ въ Бѣловѣжской Пушчѣ.

Мотыльки, водящіеся на мокрыхъ лугахъ, представляютъ множество разновидностей; изъ дневныхъ бабочекъ преимущественно встрѣчаются *мизантъ*, *траурная* и *пестрянка горлячничковая* (*Zigana peucedani*); послѣдняя очень красива: верхнія крылья ея, на которыхъ по темному полю размѣщены прелестныя пунцовыя крапинки, имѣютъ нѣсколько суженную форму и блестятъ отливомъ вороновой стали; нижняя пара крыльевъ вся пунцовая съ вороною каскою; усики довольно длинны и отличаются пестикообразною формою, а тѣло покрыто чернымъ, металлически-блестящимъ пушкомъ. Пестрянка обыкновенно любитъ садиться на растеніе съ пунцовымъ же цвѣтомъ, которое здѣсь называется *чоботки* (жабрей *Antirrhinum majus*), и нерѣдко чашечки этихъ чоботковъ бывають просто облѣплены красивыми пестрянками, яркая окраска которыхъ подходитъ какъ нельзя болѣе къ яркому цвѣту чоботка, служащаго ей пищей своимъ сокомъ. Бабочка эта преимущественно встрѣчается въ томъ мѣстѣ Пушчи, которое извѣстно подъ именемъ *Домаго бора*. Изъ жуковъ преимущественно встрѣчаются *шелкопряды*, *листобѣды*: тополевыя, березовыя и ольховыя, многіе виды *дровосѣковъ* и чертежный забалонщикъ или корольдъ-типографчикъ, который заводитъ большую частію въ заболони сосенъ и выводитъ въ ней такіе мудреные чертежи, фигуры и линіи, такіе длинные и систематично расположенные коридоры, что нерѣдко превосходныя съ виду деревья оказываются вполне испорченными, благодаря чертежной работѣ короляда. Оводы и разные виды мухъ и комаровъ міриадами летаютъ по Пушчѣ, и особенно въ сыроватыхъ мѣстахъ, причиняя ужасное безпокойство зубрамъ, которые порой не знаютъ куда дѣваться отъ ихъ нападений и какъ ошалѣлые принимаютъ кататься по землѣ или бросаются въ воду, ища спасенія въ пущенскихъ рѣчкахъ.

Что касается гадовъ и амфибій, то, къ уди-

вленію, ихъ здѣсь не особенно много, хотя, казалось бы, эти обширные болота, эти гнилыя колоды, карчи и обиліе насѣкомыхъ,—все это въ совокупности представляетъ условія самыя благоприятныя для ихъ непомѣрнаго размноженія. Ужи и гадюки встрѣчаются рѣдко, въ особенности по сравненію съ Гродненскою (болѣе сѣверною) Пущей и съ мѣстами Пинскаго полѣся, которое просто кишитъ этими гадами. Ящерицы (зеленая, сѣрая и буряя съ красноватыми крапинками) попадаются гораздо чаще змій, но величина ихъ не простирается болѣе трехъ; много четырехъ вершковъ. Изъ лягушекъ живетъ здѣсь обыкновенная жаба, травяная лягушка и зеленая квакша. Въ лѣсахъ встрѣчается много земляныхъ слизняковъ (*Limacina*), довольно крупныхъ, а въ болотахъ водится множество моллюсковъ изъ породы зеленыхъ улитокъ (*Helicina*); попадаются и пиявки, нѣкогда составлявшія даже предметъ промысла для нѣкоторыхъ изъ пушеческихъ обитателей, но въ жестокую зиму 1840 года онѣ все повывмерзли и съ тѣхъ поръ встрѣчаются рѣдко.

Въ рѣкахъ Бѣловѣжской Пущи водятся судаки, налимы, окуни, язи, лещи, караси, ерши, плотица (плотва), линь, пескарь, вьюнъ, а иногда попадаются угри и карпы.

Птицами надѣлена Пуша въ изобиліи. Черный дроздъ, иволга и шѣбючка наполняютъ чернолѣсье своими пріятными мелодическими звуками; пестрые и зеленые дятлы производятъ мѣрный стукъ своимъ долбленіемъ высокихъ древесныхъ стволовъ; горлицы и лѣсные дикіе голуби стонутъ и воркуютъ въ вѣтвистыхъ верхушкахъ. Надъ болотами важно стоятъ журавли и сосредоточенно прохаживаются за добычей черногузы (аисты); цапли сидятъ неподвижно, устремивъ зоркій глазъ въ болото и ожидая такимъ образомъ улитку, лягушку или мелкую рыбку, чтобы въ моментъ клонуть (*цапнуть*) ее своимъ длиннымъ и острымъ клювомъ (отсюда и самое названіе *цапля*), а потомъ принимаются скакать и подпрыгивать на мѣстѣ, махая крыльями, словно бы пляшутъ. По ночамъ раздаются наводящій тоску плачъ совы, засѣдающей въ какомъ-нибудь дуплѣ, а для охотника не малую приманку составляютъ глухарь и тетеревъ, рябчикъ, куропатка, вальдшнепъ, бекасы, дупеля и кулики. Водятся также дикія утки, водная курочка, камышникъ зеленоногий и разные виды коростелей.

Миръ четвероногихъ, населяющихъ дѣбри и трущобы Бѣловѣжской Пущи, является еще богаче міра пернатыхъ. Изъ грызуновъ здѣсь водятся зайцы—бѣлякъ и русакъ; послѣдній попадаетъ чаще. Векши (бѣлки) наполняютъ многія чащи, въ особенности хвойные участки; кошатка-орышникъ (сова орышниковая), называемый здѣсь *бортнею мышью*, будучи подверженъ летаргическому оцѣпенѣнію, спитъ

зимой въ многочисленныхъ бортихъ высокихъ деревьевъ и въ обыкновенныхъ дуплахъ, гдѣ ютятся векши; животную дѣятельность свою бортная мышь обнаруживаетъ преимущественно по ночамъ и питается орѣхами, сѣменами, почками, плодами и ягодами; особенно же любитъ лѣсные орѣхи, которые умѣетъ очень искусно открывать и выдѣлать зерно, не срывая самаго орѣха. А. Бремъ (Т. II, стр. 106) называетъ этого звѣрька однимъ изъ самыхъ милыхъ и веселыхъ существъ между европейскими грызунами. Онъ отличается изяществомъ своего склада, красотой мѣха, опрятностью, миловидностью и кроткимъ характеромъ. На берегахъ рѣчекъ встрѣчаются черноватые крысы, которыхъ Яроцкій принимаетъ за водяныхъ пеструшекъ (*Nuridacus amphibius*), водящихся въ сѣверныхъ тундрахъ¹⁾. Мы думаемъ, что это просто водяныя крысы, которыя вообще очень распространены отъ Атлантическаго океана до Охотскаго моря и отъ Бѣлаго моря до Средиземнаго, тѣмъ болѣе, что пушеческія черныя крысы какъ своимъ цвѣтомъ, такъ и образомъ жизни, вполне сходствуютъ съ крысами водяными. Семейство оленевъ имѣетъ здѣсь въ настоящее время двухъ представителей: лося и косулю (серна), которые на лѣто уходятъ въ сосѣднія болотистыя равнины Слонимскаго и Кобринскаго уѣздовъ, а къ осени возвращаются въ Пушу.

Въ прежнія времена лось водился здѣсь въ весьма значительномъ количествѣ, но вслѣдствіе стрѣлечкой подати, о которой мы говорили выше, одно время перевелся было совершенно, съ отмѣной же этой губительной подати, лоси большими стадами стали перекочевывать сюда изъ лѣсовъ Минской губерніи. Однако, въ послѣднія двадцать лѣтъ, когда въ лѣсныхъ помѣщичьихъ дачахъ принялись за значительныя порубки и расчистки лѣсныхъ пространствъ подъ пахоту и поселенія, эти переходы лосей стадами сдѣлались затруднительны и съ каждымъ годомъ становились все рѣже, такъ что въ наши дни забѣгаютъ въ Пушу только одиночные звѣри и иногда самъ-другъ, самецъ и самка. Лоси отличаются быстрымъ бѣгомъ, который ведутъ обыкновенно широкою рысью, пускаясь вскачь только въ исключительныхъ случаяхъ, при видѣ явной опасности. На бѣгу они часто задѣваютъ задними копытами за переднія, и потому бѣгъ ихъ сопровождается особеннымъ стукающимъ звукомъ, по которому опытные охотники узнаютъ еще издали приближеніе лося.

Самки хотя и лишены роговъ, но вообще

¹⁾ Профессоръ Варшавскаго университета Яроцкій въ 1830 году былъ посланъ, по высочайшей волѣ, въ Бѣловѣжскую Пушу за двумя зубрами для зоологическаго кабинета и написалъ сочиненіе „O Puszczy Białowiezskiej i o celniejszych w niej zwierzętach“.

храбрѣе самцовъ, которые, несмотря на свои могучіе рога, вѣсящіе иногда у пятнадцатилѣтняго лоса до полутора пуда, являются довольно-таки трусоватыми. Быть-можетъ это качество зависитъ отъ того, что лоси, такъ-же какъ и серны, вовсе не имѣютъ желчнаго пузыря. Они обладаютъ очень острымъ чутьемъ и во время охоты всегда стараются ускользнуть куда-нибудь въ сторону отъ облавы и отъ гончихъ собакъ, крайне рѣдко выходя на выстрѣлъ. Поэтому, если призоветъ удачной охоты и бываютъ иногда лоси, то это все молодые, еще малоопытные; старики же попадаютъ подъ пулю въ очень исключительныхъ случаяхъ. Лось обыкновенно питается молодыми порослями кустарниковъ, лиственныхъ деревьевъ и хвой, а также разными мхами, въ особенности же любитъ жирное травянистое растение *хрѣбуста* (свинье багно, *ledum palustre*), совершенно сходясь на сей разъ во вкусѣ съ дикимъ кабаномъ и зубромъ. Но замѣчательно, что какъ бы ни былъ голоденъ лось, и въ особенности зимой, онъ въ Бѣловѣжской Пушчѣ никогда не трогаетъ сѣна, сложенного въ особыя копны для корма зубровъ. Мѣстопробываніемъ лосей въ Пушчѣ обыкновенно служатъ самыя дикія мѣста, среди топей и непроходимыхъ болотъ, особенно, гдѣ растутъ ива и осина. По замѣчанію опытныхъ старыхъ стрѣлковъ, болота являются для лоса полною, такъ-сказать, насущною необходимостью; и замѣчательно, что этотъ звѣрь, при всей своей неуклюжести и большомъ вѣсѣ, легко проходитъ по такимъ топямъ, изъ которыхъ, и человѣкъ, и иное животное едва ли бы выбрались. Только по льду не можетъ онъ свободно двигаться, и если упадетъ, то подняться можетъ лишь съ величайшимъ трудомъ. Если лось доводитъ свой бѣгъ до наибольшей возможной ему быстроты, то при этомъ онъ всегда закидываетъ рога на спину и высоко поднимаетъ носъ, вслѣдствіе чего нерѣдко спотыкается и падаетъ; чтобы подняться, ему нужно быстро подогнуть подъ себя ноги, а задними далеко захватить впередъ. Разъ пустившись бѣжать, онъ уже не останавливается ни предъ какими препятствіями и какъ ошалѣлый мчится въ самую густую чащу, въ рѣку, въ озеро, куда понало. Если опасность становится для лоса очевидною и уйти отъ нея невозможно, то онъ начинаетъ защищаться: раненый лось нерѣдко самъ нападаетъ на охотника, дѣйствуя при этомъ рогами и копытами. При нападеніи волковъ на лосинныхъ телятъ, самцы и самки смѣло бросаются на хищниковъ и либо забиваютъ ихъ до смерти ловкимъ ударомъ, либо оглушаютъ до потери сознанія. Привязанность лосихи къ своимъ телятамъ столь велика, что она защищаетъ даже убитыхъ дѣтенышей. Въ настоящее время стараются вообще шадить лоса ради его рѣд-

кости, но въ царствованіе императора Павла I, когда на лосинныя шкуры былъ большой спросъ отъ казны вслѣдствіе того, что кавалерія носила такъ-называемыя «лосины», въ Россіи было истреблено громадное количество этого звѣря.

Серны, или косули въ прежніе годы водились въ Пушчѣ въ очень большомъ количествѣ; но стрѣлечка податъ замѣтнымъ образомъ повлияла и на нихъ. Хотя и не успѣли извести ихъ окончательно, однако теперь уже серна не попадаетъ такъ часто какъ прежде. Животное это держится какъ въ красномъ, такъ и въ черномъ лѣсѣ, предпочитая однако послѣдній и притомъ любитъ сухія мѣстности. Для косули особенно пріятны тѣ мѣста, гдѣ темно, много тѣни и много кустарника. Въ дневную пору она преимущественно старается прятаться въ своемъ логовищѣ, которое всегда почти устраиваетъ среди густыхъ кустовъ, окруженныхъ высокою травой. Кромѣ стрѣлка-человѣка у этого кроткаго, граціознаго животного есть еще много враговъ между хищниками лѣса: рысь неожиданно кидается на него съ вышины изъ густыхъ вѣтвей дерева, у корня котораго косуля ищетъ свою пищу; волки устраиваютъ на нее своеобразныя облавы съ правильными засадами. Единственное спасеніе для нея въ бѣгствѣ, и потому скачокъ косули широкъ, быстръ, неожиданъ, и обладаетъ она способностью мгновенно мѣнять направленіе своего бѣга. Всѣ движенія косули очень проворны и красивы. Безъ всякаго напряженія она съ замѣчательною ловкостью перепрыгиваетъ черезъ широкіе каналы, высокіе плетни и кустарники; при этомъ и плаваютъ она очень хорошо, и лазить недурно по крутымъ скатамъ овраговъ или по стволамъ надломленныхъ деревьевъ. Способности ея достигаютъ высокаго развитія: зрѣніе, чутье и слухъ у нея превосходны и соединяются съ умомъ, хитростью и осторожностью. Взглядъ косули необычайно ласковъ и кротокъ, отрижая въ себѣ нѣчто весьма умное, хотя и пугливое. Боязнь человѣка и животныхъ, которые являются постоянными ея врагами, до того велика въ беззащитной косулѣ, что она не только кричитъ отъ страха, когда ее воупугнутъ, но часто не можетъ даже спастись и бѣгствомъ; въ этихъ случаяхъ она совершенно терлется и начинаетъ вдругъ боязливо вертѣться на одномъ мѣстѣ, отчего и становится иногда вѣрною добычей даже простыхъ дворовыхъ собакъ. Природная боязливость и чувство самоохраны заставляютъ это животное держаться небольшими стадами или семействами, отъ двѣнадцати до пятнадцати штукъ, причемъ одинъ изъ членовъ небольшой общины всегда остается на-сторожѣ; его мгновенный скачокъ въ какую-нибудь сторону служитъ для остального пасущагося стада какъ бы сигналомъ тревоги, по которому все оно сразу и

стремительно бросается за сторожевымъ, и въ два-три прыжка исчезаетъ въ чащѣ. Но при такой пугливости, замѣчательно, что серна останавливается не только на раздавшійся выстрѣлъ, а и на сильный крикъ, и тогда увлекаемая какимъ-то страннымъ побужденіемъ, въ родѣ недоразумѣнія или любопытства, она идетъ въ ту сторону, откуда раздался шумъ или звукъ, привлечшій ея вниманіе. Это качество серны служитъ причиной, что при удачной охотѣ, на прострѣлахъ какихъ-нибудь шести-семи квадратныхъ верстъ, легко удается положить ихъ штукъ двадцать и даже тридцать. Вкусное мясо и прекрасная замша, выдѣлываемая изъ кожи косули, привлекаютъ къ ней охотниковъ, какъ любителей, такъ и промышленниковъ. Пищей косуль служатъ трава, листья и древесныя почки; но при этомъ она очень разборчива и выбираетъ болѣе нѣжныя растенія. Чистая вода—для нея необходимость; во время же дождя или сильной росы, она пьетъ капли, остающіяся на листьяхъ. Въ октябрѣ самцы сбрасываютъ свои рога, имѣющіе не болѣе трехъ отростковъ. Эти рога, вновь отрастающіе зимой, имѣютъ свойство съ каждымъ годомъ все болѣе рыхлѣть и увеличиваться въ объемѣ. Впрочемъ таковое свойство не даетъ никакихъ видимыхъ признаковъ, по которымъ можно было бы съ точностію опредѣлить возрастъ самца, подобно тому, какъ опредѣляется онъ у лося, у котораго съ каждымъ годомъ прибавляется на каждомъ рогѣ новый отростокъ, такъ что пятнадцатилѣтній лось непременно имѣетъ четырнадцать отростковъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, самка-косуля приводитъ свой приплодъ—обыкновенно двухъ косулекъ. Шерсть этихъ послѣднихъ отличается отъ обыкновеннаго темно-сѣраго цвѣта взрослыхъ особей своею красноватостію; на плечахъ у молоденькихъ косулекъ замѣчаются бѣлыя пятна, а вдоль хребта, по направленію реберъ, спускаются рядами маленькія кругловатыя пятна бѣлаго и желтаго цвѣта. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ (въ іюлѣ), шерсть теряетъ свою первоначальную окраску и принимаетъ обыкновенный буроватый или темно-сѣрый цвѣтъ, какъ у взрослыхъ. Голосъ у молодыхъ косуль тонкій и нѣжный, похожій на свистъ, такъ что человѣкъ непривычный не сразу и узнаетъ что за животное издаетъ эти тонкіе звуки. Изъ Свислочской Пущи, смежной съ Бѣловѣжскою, которая, собственно говоря, составляетъ съ нею одно цѣлое, раздѣленное только административною границей, забѣгаютъ сюда даніэльки (*capreolus dama*); любимый притонъ этого миловиднаго животнаго издавна уже составляетъ Свислочскій участокъ Пущи: тамъ нерѣдко устраиваются на этого звѣря охоты, подѣ руководствомъ мѣстнаго лѣсничаго, въ которыхъ зимой принимали постоянное участіе офицеры лейбъ-эскадрона

Ямбургскаго уланскаго полка, обыкновенно располагавшагося на зимовыя квартиры въ районѣ мѣстечка Свислочь.

Кабанъ или дикая свинья (по мѣстному названію *дзика*), нѣкогда весьма распространенная въ Пущѣ, въ послѣднія сорокъ лѣтъ стала попадаться все рѣже и рѣже. Причина—все та же стрѣлковая податъ; но еще болѣе повредили дзикамъ жесточайшіе морозы, свирѣпствовавшіе здѣсь въ зиму 1840 года. Эта зима при своихъ стужахъ, доходившихъ до 35 и даже 40 градусовъ, была обильна также и глубокими снѣгами, въ которыхъ гибло множество разныхъ животныхъ. Когда наступили наконецъ весенніе дни, то въ Бѣловѣжской Пущѣ зачастую находили цѣлыя стаи, отъ двадцати до тридцати штукъ кабановъ, замерзшихъ отъ стужи или издохшихъ отъ голода. Съ этой-то роковой зимы какъ въ Пущѣ, такъ и въ другихъ прилежащихъ лѣсахъ стало замѣчаться значительное оскуднѣніе породъ разнаго дикаго звѣря, а кабановъ въ особенности. Нынѣ сколько-нибудь значительныя стада этихъ животныхъ кое-какъ водятся еще по болотистымъ чащамъ лѣсовъ Врестскаго, Кобринскаго и Слонимскаго уѣздовъ, откуда небольшія партіи дзиковъ забредаютъ иногда и въ Бѣловѣжскую Пущу. Мѣстные поселеніе однако не долюбываютъ этихъ гостей, потому что дзика имѣютъ обыкновеніе рыться на засѣянныхъ поляхъ и уничтожать посѣвы, а въ особенности молодыя всходы ржи, овса и картофеля. Мѣсто, на которомъ дикія свиньи роются, крестьяне называютъ «порыто». Они бываютъ очень рады, когда получается разрѣшеніе устроить охоту на дзиковъ. Тутъ для нихъ двойная выгода: и посѣвы по возможности обезпечены, и кабанья туша, при счастливомъ случаѣ, можетъ достаться на долю. Въ особенности вкусно свѣжее и копченое мясо молодого кабана, то-есть ососка (по мѣстному названію *сысѣка*) или верхляка. Однако охота на дзиковъ сопряжена съ немалыми опасностями, и нерѣдко кто-нибудь изъ мѣстныхъ крестьянъ падаетъ несчастною жертвой своего увлеченія. Разъяренный дзикъ смѣло бросается на людей и сбѣжъ, попадающихся ему непосредственно на пути его бѣга; благодаря неуклюжему устройству и низкому поставу головы, ему трудно дѣлать быстрые повороты въ ту и другую сторону, а поднять голову и вовсе невозможно; онъ вообще крайне неуклюжъ и неловокъ, но горе тому, кто имѣлъ неосторожность подвернуться ему на прямой его дорогѣ! Тутъ онъ съ-разбѣгу сплываетъ съ ногъ человѣка или животное и глубоко пропарываетъ его своими огромными клыками. Присутствіе духа служитъ въ этомъ случаѣ единственнымъ средствомъ къ спасенію. При приближеніи яраго дзика надобно только во-время и ловко отскочить въ сторону, то-есть обмануть его расчетомъ въ нападеніи,

какъ разъ въ ту минуту, когда въ силу инерціи собственнаго движенія онъ не успѣетъ еще сообразить свои неуклюжіе, тяжелые скачки, чтобы переменить направленіе бѣга въ сторону отскочившаго врага; промчавшись мимо онъ уже назадъ не вернется, и тогда охотникъ посылаетъ ему въ-догонку свою пулю. Хотя, строго говоря, бить звѣря, перебѣжавшаго за линію охотниковъ, почитается недостойнымъ порядочнаго стрѣлка, тутъ ужъ пеній самъ на себя! Но крестьяне въ этихъ случаяхъ не придерживаются строгихъ, такъ-сказать, рыцарскихъ правилъ охоты, и бьютъ звѣря гдѣ и какъ попало. Но еще лучшимъ средствомъ спасенія служить какой-нибудь пень или коряга: стоитъ только вскочить на одинъ изъ этихъ предметовъ, чтобы кабанъ, лишенный возможности поднять кверху голову, только прорѣзалъ на ходу своимъ клыкомъ кору пня и пробѣжалъ себѣ далѣе. Поэтому старые охотники обыкновенно совѣтуютъ своимъ малоопытнымъ сотоварищамъ избирать на линіи мѣсто всегда около какого-нибудь достаточно возвышающагося и широкаго пня или камня, либо около надежной карчи. Высота подобнаго предмета въ три четверти аршина можетъ считаться совершенно достаточною для предохраненія себя отъ жестокой опасности.

Въ древнія времена, когда вмѣсто ружья были еще въ употребленіи копье, ножъ, лукъ или самострѣлъ, кабановъ обыкновенно брали на рогатину, и такой способъ охоты былъ общепотребительнымъ какъ въ Россіи, такъ и въ Литвѣ, и въ Польшѣ, и въ Германіи. Кабанья рогатина, образцы которой можно еще встрѣтить иногда въ коллекціяхъ знатныхъ магнатовъ, имѣла широкій обоюдоострый стальной наконечникъ отъ 12 до 14 дюймовъ длины, съ крючкомъ въ три дюйма у основанія. Древко ея было не длинно и пригонялось по росту охотника. На это-то оружіе и брали разъяреннаго кабана въ то мгновеніе, когда онъ устремлялся прямо на охотника. Правая рука плотно прижимала конецъ древка къ бедру, а лѣвая направляла стальной наконечникъ такъ, чтобы онъ приходился звѣрю подъ горло надъ самою грудинною костью. Шокъ обыкновенно былъ такъ силенъ, что напоронившійся дзикъ принималъ въ себя весь наконечникъ вплоть до крючка, мѣшавшаго ему проникать далѣе. При ловко подставленной рогатинѣ, лезвіе ея нерѣдко разрѣзывало пополамъ сердце звѣря, который мгновенно падалъ мертвымъ. Слабыхъ же кабановъ брали просто на охотничьи ножи и дѣлали это такимъ образомъ: рукоять ножа, взятаго въ правую руку, упирали въ правое, нѣсколько согнутое колено, а тяжесть тѣла переносили на лѣвую ногу, нѣсколько отставленную назадъ. Кабановъ приводили въ ярость особеннымъ крикомъ, и они, видя себя, бросались прямо на убійственное оружіе.

Молодая матѣра выводитъ отъ 4 до 6, а старая отъ 11 до 14 сысакотъ, которые носятъ весьма шелковистую короткую шерстку. Къ зимѣ эта шерстка отроастаетъ и грубѣетъ, принимая размѣры, обыкновенно свойственные дикимъ свиньямъ, и начинается понемногу темнѣть, что и продолжается до шестилѣтняго возраста. Въ теченіе всего этого времени молодой кабанъ называется у охотниковъ «верлякомъ», а съ шести лѣтъ, когда уже совершенно прекращается его ростъ, становится «дзикомъ». Старые кабаны, подобно зубрамъ, отдѣляются отъ своего стада и бродятъ сами по себѣ; такіе старики у мѣстныхъ стрѣлковъ извѣстны подъ именемъ «одиноцотъ».

Самка еще заранѣе приготовляетъ себѣ гнѣздо въ уединенной чащѣ лѣса и выстилаетъ это гнѣздо мхомъ и листьями или хвойными иглами. Первые двѣ недѣли она старательно прячетъ своихъ поросятъ и оставляетъ ихъ только въ случаѣ крайней нужды и на самое короткое время, чтобы покормиться. Затѣмъ кабаниха выводитъ сысакотъ изъ гнѣзда и учитъ ихъ рыться рыломъ въ землѣ. Иногда нѣсколько самокъ сходятся вмѣстѣ со своими выводками и воспитываютъ ихъ общими силами, и если случится, что одна изъ нихъ погибнетъ какимъ бы то ни было образомъ, то другая охотно беретъ на себя заботы о воспитаніи сиротъ, и тогда, при первой опасности, угрожающей поросятамъ, при первомъ жалобномъ визгѣ одного изъ нихъ, мать или воспитательница, со слѣпою отвагой и рѣдкимъ безстрашіемъ пускается защищать свое семейство, не дѣлая различія между родными дѣтьми и приемышами.

Дзики живутъ на волѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, не подвергаясь почти никакимъ болѣзнямъ, но въ плѣну у человѣка вѣкъ ихъ не долготъ: они чахнутъ и калѣютъ, какъ предполагаютъ мясники, отъ тоски по свободѣ. Благодаря своей неуклюжести, стада кабановъ, несравненно болѣе чѣмъ легкія и пугливыя серны, подвержены нападеніямъ волчьихъ стай. Въ случаяхъ подобной атаки, стадо кабановъ обыкновенно строитъ нѣчто въ родѣ каре, становясь въ кучу, мордами въ поле; въ средину этой кучи помѣщаются сысакоты и верхляки, а взрослые дзики и свиньи отбиваютъ нападенія врага своими клыками и все время громко хрюкаютъ.

Противъ собакъ дзикъ защищается съ немалымъ ожесточеніемъ. Въ прежніе годы для охоты за кабанами употребляли особенно дрессированныхъ сильныхъ борзыхъ и гончихъ собакъ, которыя такъ и назывались *кабаньими* или *дзиковыми псами*. Первые отыскивали, а вторые травили дзиковъ. Не прежде чѣмъ удалось этимъ «дзиковымъ псамъ» захватить кабана, то-есть вѣцпаться зубами въ его уши и хвостъ, многіе изъ нихъ оставались на мѣ-

ствъ съ тяжелыми ранами и даже съ пропоротыми брюхами. Но дикъ сдавался только тогда, когда на него нападали отъ 8 до 12 храбрыхъ и сильныхъ собакъ, да и сдача эта сопровождалась съ его стороны самою упорною и безпощадною обороною.

Мясо кабана цѣнится очень высоко любителями: вкусъ свинины соединяется въ немъ со вкусомъ дичи, но особенно вкусны дикіе поросята, которые составляютъ одно изъ рѣдкихъ и самыхъ гастрономическихкихъ блюдъ на столѣ мѣстныхъ обывателей. Цвѣтъ шерсти дикихъ кабановъ обыкновенно темно-бурый, выпадающій въ черный, и замѣчательно, что даже домашніи свиньи пущенскихъ поселенъ, всегда пасущіяся среди лѣса, во второмъ, а много въ третьемъ поколѣніи, тоже принимаютъ цвѣтъ дикихъ. Въ этомъ случаѣ несомнѣнно обнаруживается вліяніе окружающей природы, съ ея вѣчною тѣнью и соединеннымъ съ нею лѣснымъ полусумракомъ.

Изъ семействъ кошачьихъ здѣсь сохранилась одна только рысь, величиной съ собаку средняго роста. Длина ея тѣла равняется тремъ и даже иногда четыремъ футамъ, вышина въ зашейкѣ выше полутора и до двухъ и хвостъ около трехъ четвертей фута. Рысь не живетъ здѣсь постоянно: иногда удаляется она въ какіе-нибудь изъ смежныхъ лѣсовъ и потомъ снова забредаетъ въ Пушу. Бѣгъ ея не особенно прытокъ; зато ловкость, быстрота и вѣрность скачка сверху внизъ на намѣченную добычу просто изумительны! Она обыкновенно подстерегаетъ свои жертвы, взобравшись на дерево и спрятавшись въ густыя вѣтви, для чего старается держаться большею частью въблизи болотъ, при дорогахъ и тропинкахъ; молодые телята лосей, зайцы и серны составляютъ обычный предметъ ея охоты. Если случайно придется ей подмѣтить добычу не съ дерева, а на землѣ, то рысь сначала осторожно подкрадывается къ ней и потомъ вдругъ бросается и вскакиваетъ на спину, стараясь прокусить загривокъ или шею. Если же, сверхъ ожиданія, быстрая серна успѣетъ ускользнуть отъ своего врага, то рысь, одѣлавъ за нею два-три прыжка, останавливается и начинаетъ помахивать хвостомъ, облизываясь и устремляя взглядъ во-слѣдъ уходящей добычи. Но не одними лишь названными звѣрами ограничиваются ея нападенія: порой случается ей бросаться и на людей. Такъ, напримѣръ П. Ю. Арнольдъ, занимавшій послѣ 1863 года должность мирового посредника въ здѣшнемъ участкѣ, рассказывалъ мнѣ, что однажды въ ясный зимній день проѣзжалъ онъ въ санкахъ по одной изъ дорогъ Бѣловѣжской Пуши и вдругъ почувствовалъ, что сверху на него упало какое-то живое существо. Мѣховая шапка, поверхъ которой надѣтъ былъ башлыкъ, и толстый поднятый воротникъ мѣховой шубы до-

статочно предохраняли его голову и шею. Почти инстинктивно въ тотъ же моментъ поднялъ онъ руки и былъ настолько счастливъ, что успѣлъ схватить рысь за переднія лапы и сильнымъ взмахомъ перекинуть ее черезъ голову въ свои санки. Съ помощію кучера, неожиданннй врагъ былъ тотчасъ же задушенъ.

Движенія рыси довольно медленны, но облачаютъ въ ней значительную силу. Особенно сильны ея бедра, очень живо напоминающія бедра льва или тигра. Чувства ея развиты довольно хорошо, за исключеніемъ обонянія, которое хотя и тупо, но все-таки лучше чѣмъ у другихъ кошекъ. Зато слухъ и въ особенности зрѣніе превосходны; сверкающіе рыссы глаза, которые будто бы могутъ видѣть сквозь стѣну, еще съ древнихъ временъ вошли въ поговорку, вмѣстѣ съ этимъ суевѣрнымъ о нихъ мнѣніемъ. Голосъ рыси очень рѣзокъ и отчасти напоминаетъ собачій вой; впрочемъ издаетъ она его очень рѣдко, изъ боязни обнаружить свое присутствіе предъ тѣми лѣсными обитателями, которые служатъ предметомъ ея охоты. Подкарауливая свою добычу, рысь до послѣдней возможности лежитъ растянувшись и притаившись на суку, въ самомъ скрытомъ мѣстѣ. Вѣки ея полуопущены, такъ что она кажется спящею именно тогда, когда слухъ ея особенно наостроенъ и предательская бдительность особенно велика. Нельзя сказать чтобы рысь была прожорлива, но она очень любитъ лизать свѣжую теплую кровь, и предается этому лакомству до такой степени, что забываетъ даже о всякой осторожности и въ эту-то самую минуту нерѣдко становится добычей счастливо наткнувшагося на нее охотника.

Размножается рысь весьма умѣренно, такъ что можно даже предположить, что со-временемъ она совершенно исчезнетъ въ Европѣ. Самка мечетъ двухъ и никакъ не больше трехъ слѣпыхъ дѣтенышей. Логово выбираетъ она себѣ въ покинутой барсучьей или лисьей норѣ, которую нарочно расширяетъ; если же подходящей норы не оказывается, то довольствуется защитой подъ корнями какого-нибудь вывороченнаго дерева, куда приносить своимъ дѣтямъ кротовъ, мышей, мелкихъ птичекъ и тому подобную пищу.

Правильныхъ охотъ на этого звѣря не существуетъ, и именно по причинѣ его рѣдкости. Но если полѣсовщикъ во время обхода своего участка наткнется на рысь случайно, то ему ничего не стоитъ пустить въ нее зарядъ, потому что при видѣ человека она не уходитъ съ своего мѣста, продолжаетъ смирно лежать на суку и, какъ дикая кошка, пристально смотреть въ глаза своему противнику! Говорятъ, что безоружный полѣсовщикъ даже перехитритъ рысь. Для этого ему стоитъ только сбросить съ себя въ виду животнаго верхнее платье и бѣжать домой за двуствол-

кой. Рысь останется на деревѣ и все время будетъ смотрѣть на кошку или свитку своимъ упорнымъ пристальнымъ взглядомъ. Но Божо избави, коли стрѣлокъ сдѣлаетъ не совсѣмъ вѣрный выстрѣлъ! Если рысь только ранена, то яростно бросается охотнику на грудь, глубоко вонзаетъ въ нее свои когти, и ни за что не оставляетъ человѣка. Собакъ она не боится и презираетъ, не считая нужнымъ даже удалиться отъ нихъ на дерево, и нерѣдко по два, по три охотничьихъ пса заразъ становятся ея жертвами.

Изъ семейства куничьихъ въ Пушчѣ водятся: куница-тумакъ, куница-ласка, хорекъ, бурая норка и выдра. Ласка съ хорькомъ избираютъ себѣ убѣжища по близости лѣсныхъ поселеній, чтобъ удобнѣе охотиться по ночамъ за домашнею птицей; норка и выдра роютъ свои норы въ углубленіяхъ прирѣчныхъ береговъ, гдѣ отыскиваютъ себѣ пищу, для которой имъ служатъ лягушки, рыба и раки; куница же, живущая въ лѣсахъ, отличается болѣе всѣхъ видовъ этого семейства хитростью и жестокостью. Она истинно древесное животное и лазитъ по вѣтвямъ въ совершенствѣ, такъ что никакое другое хищное животное не превосходитъ ее въ этомъ искусствѣ. На добычу выходитъ она исключительно ночью, и отъ ея нападеній не избавлены ни птицы гнѣзда, гдѣ она любитъ лакомиться яйцами и молодыми птенцами, ни домашняя птица въ хлѣвахъ и курятникахъ, ни скромные обитатели лѣса, въ родѣ мышей и бѣлокъ. Вообще она преслѣдуетъ всякое животное, которое въ силахъ одолѣть, и нападаетъ даже на молодыхъ косулекъ. Она незамѣтно бросается на добычу внезапно и душитъ ее. Куній мѣхъ, весьма цѣнный у куницъ нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ, здѣсь не отличается особенными достоинствами, хотя тоже и за него стрѣлки выручаютъ нѣкоторые деньги. Барсукъ, или такъ-называемый здѣсь *язецъ*, въ настоящее время довольно рѣдокъ. Чаще всего барсучьи норы попадаются въ урочищѣ Замчисько и затѣмъ еще на нѣкоторыхъ, болѣе возвышенныхъ мѣстахъ Пуши, обыкновенно на солнечной сторонѣ лѣсистыхъ холмовъ. Нора его имѣетъ отъ четырехъ до восьми выходовъ, и кромѣ того отдушины для вентиляции, да и вообще устроена самымъ удобнымъ образомъ. Главную часть норы составляетъ логовище, къ которому ведутъ нѣсколько корридоровъ. Въ логовищѣ свободно помѣщается большая и мягкая постель изъ мха. Величайшая чистота и опрятность составляетъ замѣчательное преимущество барсучьей норы, которымъ отличается она отъ подземныхъ жилищъ всѣхъ прочихъ млекопитающихъ. Барсукъ—звѣрь весьма угрюмый, избѣгающій сосѣдства людей и другихъ животныхъ, склонный къ отшельнической жизни, но

вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно лѣнливый и очень любить комфортъ въ своей обстановкѣ. Онъ живетъ въ своей норѣ совершенно одиноко, отдѣльно отъ самки, которая всегда роетъ для себя особое жилище. Днемъ барсукъ рѣдко выходитъ изъ норы,—развѣ за тѣмъ только, чтобы погрѣться и поныться на солнечныхъ, которое онъ очень любитъ; большую же часть дня предается онъ сладкому сну въ глубинѣ своего мягкаго логовища. Но зато съ наступленіемъ ночи начинается настоящая его жизнь и дѣятельность. Барсукъ отправляется на прогулку въ мѣста безопасныя, тихія, уединенныя—къ какому-нибудь источнику чистой (непримѣнно чистой) воды, гдѣ утоляетъ свою жажду. Ночная пора служитъ для него тоже временемъ охоты и поисковъ за пищей. Ъсть онъ вообще немного, и большихъ запасовъ на зиму не дѣлаетъ. Весной и лѣтомъ любитъ преимущественно корни, и именно березовые, желуди, морковь, дикія груши падающія на землю, но въ особенности лакомъ до трюфелей и до шмелинаго и осинаго меда, на мало не заботясь притомъ объ укулахъ этихъ насѣкомыхъ, жало которыхъ не причиняютъ ему ни малѣйшей боли, благодаря жесткой шерсти, толстой кожѣ и значительному слою жира, лежащаго подъ нею. Даже на укушеніе гадюки не обращаетъ онъ ни малѣйшаго вниманія, и повидимому ядъ ея не имѣетъ на его кровь ни малѣйшаго дѣйствія. Лягушки, ящерицы, змѣи, кузнечики, слизняки, черви и насѣкомые составляютъ наравнѣ съ трюфелями, самыми лакомыми блюдами его обѣдовъ. Охота на барсука, благодаря его осторожности, сопряжена съ большими трудностями, но тѣмъ не менѣе составляетъ любимѣйшее удовольствіе стрѣлковъ, для которыхъ здѣсь, какъ и во всемъ Западномъ краѣ, барсучья шкура служитъ непримѣннымъ украшеніемъ и даже принадлежностью яташа. Барсука выгоняютъ изъ норы съ помощью собакъ, которыя однако нерѣдко возвращаются оттуда съ откушенною мордой; поэтому стрѣлки предпочитаютъ устраивать на этого звѣря засаду. Предъ закатомъ солнца, пока барсукъ покоится еще въ своей норѣ, стрѣлокъ взбирается на дерево, помѣщается поудобнѣе на толстомъ суку и терпѣливо ожидаетъ разсвѣта, когда отшельникъ будетъ возвращаться домой со своей ночной прогулки. Въ это время мѣткая пуля доставляетъ полѣсовику желаемую шкуру для его охотничьей сумки.

Чаще многихъ звѣрей встрѣчается здѣсь желтобурый лисца, который за-одно съ мѣстными представителями семейства куничьихъ наноситъ немалый вредъ курятникамъ нущенскихъ поселенцевъ и ведетъ войну съ барсукомъ за обладаніе его норой. Зная опрятность этого звѣря, лисца съ замѣчательнымъ постоянствомъ и хитростью начинаетъ пакостить

въ выходѣ его жилища и этимъ способомъ заставляеть наконецъ барсука безъ боя уступить ей свое помѣщеніе.

Волки, несмотря на постоянную войну съ ними мѣстныхъ обитателей, несмотря на дѣятельное истребленіе ихъ, причемъ въ губерніи ежегодно убивается отъ 100 до 150 и болѣе штукъ, все-таки довольно еще многочисленны въ Бѣловѣжской Пущѣ. Впрочемъ сравнительно съ прежними временами теперь отъ нихъ стало полегче; но въ былые годы, когда въ Пущѣ были еще страшнѣе воспрещены всякія охоты, волки, пользуясь такимъ привольемъ, развелись было здѣсь до неимовернаго множества и причиняли постоянный и страшный вредъ какъ лошадямъ, такъ и скоту, и зубрамъ, и прочей лѣсной дичи. Замѣтная убыль зубровъ, вслѣдствіе волчьихъ зарѣзовъ, вынудила наконецъ мѣстное начальство настоятельно просить о разрѣшеніи періодическихъ охотъ на хищнаго звѣря вообще, и на волковъ въ особенности. Разрѣшеніе послѣдовало, и съ тѣхъ поръ ежегодно, въ концѣ августа или въ началѣ сентября, стали устраивать большія облавы на этихъ хищниковъ. Но независимо отъ осеннихъ, тутъ постоянно бываютъ еще и зимнія охоты. На тѣ и другія, кромѣ лѣсничихъ и пущенскихъ стрѣлковъ, собираются также любители изъ среды окрестныхъ обывателей и офицеровъ, а въ прежнее время являлись и помѣщики, владѣвшіе большими псарнями. Всѣ окрестные и пущенскіе крестьяне охотно шли при этомъ въ облавщики-кричане и завели даже одинъ особый обычай. По окончаніи охоты, обыкновенно дѣлается гдѣ-нибудь въ лѣсу на полянкѣ общій привалъ, куда сносятся весь убитый звѣрь, раскладываются костры и начинается угощеніе всѣхъ участвовавшихъ крестьянъ хлѣбомъ и водкой. Послѣ закуски, крестьяне по-очередно подходятъ къ убитымъ волкамъ и начинаютъ колотить ихъ палками, приговаривая сколько отъ нихъ понесено каждымъ вреда и убытковъ за время отъ прошлой облавы: — «А ты, каже, лядѣцо, в'мѣнѣ бычка заризавъ, а в'Максыма агнятко зывѣвъ, а пѣтымъ шѣ и овцю стягнувъ, — ось же тобі, проклятый! ось тобі! ось!» И идетъ при этомъ самая ретивая душка. Въ прежнее время для истребленія волковъ не употреблялось тутъ, кромѣ охоты, никакихъ особыхъ приспособленій, но теперь нѣкоторые крестьяне начинаютъ уже выставить противъ нихъ самодѣльные капканы, закидываютъ на почъ уды, то-есть острые желѣзные крючки на крѣпкой бечевкѣ, съ насаженною на нихъ мясною приманкой, роютъ глубокія ямы, на дно которыхъ кладутъ какое-нибудь стерво, а сверху слегка прикрываютъ жидкимъ хворостомъ и еловыми вѣтвями: отравы же не употребляютъ по дороговизнѣ и затруднительности доставать ее. Здѣсь, между прочимъ, суще-

ствуетъ предразсудочное повѣрье, что клыкъ убитаго волка служить самымъ надежнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ лихорадки и иныхъ простудныхъ болѣзней, — слѣдуетъ только постоянно носить его на себѣ, въ видѣ ладонки.

Медвѣдь не держится въ Пущѣ постоянно, а бываетъ только заходомъ изъ Словимскаго уѣзда или изъ Минской губерніи. Но, привлекаемый множествомъ бортей, до которыхъ большой охотникъ, нашествія свои производитъ, онъ не особенно рѣдко. Здѣсь замѣчаютъ два вида медвѣдей: обыкновенный бурый, стервятникъ, и другой — нѣсколько меньше ростомъ, покрытый мѣхомъ темно-кофейнаго цвѣта и извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ *ручки*. Медвѣдь почти никогда не нападаетъ первымъ на человѣка, развѣ когда его раздражаютъ. Въ спокойномъ состояніи онъ даже трусливъ и нерѣдко «задаетъ драка» (удираетъ) отъ одного крика и визга пущенскихъ бабъ и дѣвокъ, когда тѣ, выйдя въ лѣсъ по грибы или по ягоды, нечаянно повстрѣчаются съ лохматымъ пустыннымъ. Движенія медвѣдя не столь тяжелы на самомъ дѣлѣ, какъ они кажутся съ виду. Правда, въ покойномъ состояніи духа онъ шлетется себѣ увальнемъ и помаленьку, но въ состояніи гнѣва или страха бѣгъ его по ровному мѣсту превосходитъ даже бѣгъ весьма сильнаго человѣка. Въ гору бѣжить онъ сравнительно еще быстрѣе, чѣмъ по ровному мѣсту, и это потому, что тутъ ему на много помогаютъ его длинныя заднія ноги. Зато подъ гору бѣжать ему трудно, такъ какъ здѣсь уже онъ легко рискуетъ перекувырнуться черезъ голову и покатиться кубаремъ. Двигается онъ положительно душно только въ февралѣ, когда мѣняетъ кожу на подошвахъ. Искусство его въ лазаніи по деревьямъ хорошо извѣстно всѣмъ, и особенно здѣсь, въ Бѣловѣжской Пущѣ, гдѣ многочисленныя борти доставляютъ ему пріятную практику въ этомъ гимнастическомъ упражненіи. Одно только онъ очень боится: какъ бы не упасть съ дерева, и поэтому слѣзаетъ съ него не иначе, какъ задомъ напередъ, осторожно и трусливо хватаясь за сучья. Кромѣ того, медвѣдь хороший пловецъ и воды не боится нисколько. Въ жаркую пору онъ часто купается и сидитъ въ водѣ по горло съ большимъ удовольствіемъ и довольно подолгу. Спасаясь же отъ погони, если на пути встрѣчается рѣка, онъ не задумываясь бросается въ нее съ берега и переплываетъ въ совершенно прямомъ направленіи. Изъ органовъ чувствъ лучше всѣхъ развито у него обоняніе, которымъ онъ, какъ полагаютъ, и руководствуется преимущественно при отысканіи добычи; приближеніе человѣка нерѣдко чуетъ за 200 и 300 шаговъ и можетъ вѣрно ходить по слѣду. Слухъ у медвѣдя довольно тонокъ, несмотря на короткія уши, зато зрѣ-

ніе плоховато, хотя глаза нельзя назвать слабыми. Повидимому, онъ нѣсколько близорукъ, и это въ особенности замѣтно, когда онъ беретъ что-нибудь въ переднія лапы и начинаетъ разглядывать. Вкусъ его развитъ весьма своеобразно: онъ любитъ и животную и растительную пищу, а медъ и водку, какъ извѣстно, считаетъ за величайшее лакомство. Предъ наступленіемъ зимы медвѣдь готовится себѣ берлогу въ естественныхъ ямахъ, или въ углубленіяхъ, которыя вырываетъ самъ въ темной чащѣ лѣса, гдѣ изъ хвороста и вѣтокъ устраиваетъ себѣ убѣжище въ родѣ шалаша, а изъ мху, травы и листьевъ дѣлаетъ мягкую и удобную постель. Зимняя спячка его отнюдь не непрерывна; напротивъ, медвѣдь просыпается довольно часто и если въ это время ѣсть не особенно много, то пьетъ довольно охотно. При оттепеляхъ, уже въ январѣ онъ время отъ времени оставляетъ свою берлогу и бродитъ по близости, чтобы напиться или поѣсть чего-нибудь, но съ наступленіемъ хорошаго мороза опять засыпаетъ и тѣмъ крѣпче, чѣмъ больше удалось ему предъ тѣмъ напиться и покушать. Рожденіе дѣтеныхъ происходитъ постоянно въ январѣ, и этотъ фактъ извѣстный натуралистъ А. Бремъ рассматриваетъ какъ опроверженіе мнѣнія, что зимнее уединеніе медвѣдя есть спячка. Периодъ же любви у медвѣдей наступаетъ съ половины мая и длится цѣлый мѣсяць. Любовь медвѣдицы къ своимъ дѣтямъ довольно извѣстна; въ это время она становится очень опасна для всѣхъ своихъ враговъ, въ томъ числѣ и для человѣка. Въ первыя три недѣли послѣ родовъ самка не ѣстъ ничего, кромѣ растительной пищи, и только уже по истеченіи этого времени начинаетъ приносить дѣтенышамъ кое-какую падаля. Медвѣди не рѣдко вступаютъ въ единоборство съ зубрами. Въ 1844 году убитъ былъ въ Пуцѣ медвѣдь, огромной величины и силы, который загрызъ тоже огромнаго стараго зубра. Этотъ своеобразный поединокъ происходилъ близъ дороги изъ села Бѣловѣжа въ Рудню, на пространствѣ около ста квадратныхъ саженой, гдѣ взрытая земля, примятая трава, потоптанные кустарники, сложенные стволы молодыхъ деревьевъ, а инныя изъ нихъ и вовсе исковерканныя, вывороченныя съ корнемъ, краснорѣчиво доказывали все громадное упорство и ожесточенность борьбы, длившейся довольно долгое время. Случайные очевидцы этого поединка съ удивленіемъ рассказывали, какъ они были поражены при видѣ, съ какою неимоверною силой зубръ, истекавшій уже кровью, какъ перышко взметалъ на рогахъ окровавленнаго медвѣдя и яростно тащилъ его на себѣ, пока тотъ наконецъ не загрызъ его до смерти. Въ 1846 году тоже убитъ былъ медвѣдь, который въ одно лѣто заѣлъ пять зубровъ. Для охраненія этихъ рѣдкост-

ныхъ животныхъ отъ подобныхъ нападеній разнаго хищнаго звѣря, лѣсная стража постоянно и тщательно наблюдаетъ за его появленіемъ. Чуть только стрѣлокъ удостовѣрился, что въ его обходѣ появились волки, рысь или медвѣдь, онъ немедленно доноситъ о томъ своему лѣсничему. Тутъ сейчасъ же, по распоряженію послѣдняго, собирается вся подвѣдомственная ему стража съ участковыми крестьянами (осочниками), и всѣ вмѣстѣ начинаютъ дѣлать облавы, пока хищникъ не ляжетъ мертвымъ. Медвѣдь вообще очень живучъ, и потому стрѣлять въ него всегда вѣрнѣе и лучше пулей, чѣмъ картечью. Послѣдняя невѣрна даже на небольшомъ разстояніи, да и вообще зарядъ картечью мало дѣйствителенъ, если ружье бьетъ не особенно хорошо или зарядъ не попадетъ весь цѣликомъ. Медвѣдь, получившій опасную рану, бѣжитъ обыкновенно къ своей берлогѣ, или прячется въ первую встрѣчную чашу, либо въ болото. Если онъ на бѣгу кашляетъ, то это служитъ вѣрнымъ признакомъ хорошаго выстрѣла. Отправляясь по его слѣду стрѣлки наблюдаютъ на немъ кровь и по ея виду опредѣляютъ мѣсто гдѣ сидитъ пуля. Такъ, напримеръ, если кровь будетъ ярко-алаго цвѣта и притомъ пѣнится, это значитъ, что пуля ударила въ легкое; если же кровь чернобурая—стало-быть поражена печень. Отсутствие этихъ характерныхъ признаковъ необходимо влечетъ за собою болѣшую осторожность при поискахъ, такъ такъ медвѣдь, получившій рану въ бедро, въ шею или вообще въ мягкія мѣста, имѣетъ еще достаточно силы, чтобы внезапно отомстить своими объятіями неосторожно подошедшему къ нему охотнику. Въ этомъ случаѣ лучше заблаговременно зарядить свои ружья снова и, заприѣтивъ раненаго звѣря, постараться добыть его болѣе вѣрными выстрѣлами. При неопасныхъ ранахъ медвѣдь легко уходитъ, заливчаваетъ ихъ и тогда уже становится крайне свирѣпъ и безпощадно мстителенъ въ отношеніи человѣка. Признакомъ недобитаго звѣря можетъ также служить и лай охотничьихъ собакъ: если онъ лаютъ громко и весело, значитъ звѣрь поконченъ; если же станутъ издавать какіе-то нерѣшительные и боязливые звуки, тогда торопитесь заряжать ваши ружья и сближайте около раненаго охотничій кругъ, чтобы добыть его въ то время, когда онъ поднимется съ цѣлью прорваться.

Въ прежнее время, когда медвѣди появлялись въ Пуцѣ сравнительно гораздо чаще чѣмъ теперь, мѣстные крестьяне-осочники употребляли еще и слѣдующій способъ ловли этого звѣря; замѣтивъ въ лѣсу слѣды медвѣжьяго присутствія, они избирали какое-нибудь дерево съ бортью и къ одному изъ его сучьевъ привязывали на веревкѣ толстую, тяжелую колоду, такимъ образомъ чтобъ она закрывала собою отверстіе борти; на землю же, какъ-разъ подъ

этимъ мѣстомъ, клали борону, а иногда и дрѣ, и три, съ желѣзными колками. Лохматый лакомка, добравшись до борти, старался отодвинуть лапой колоду, которая конечно сама-собою возвращалась на прежнее мѣсто—и вотъ между ними поднималась борьба. Чѣмъ ожесточеннѣе и сильнѣе ударъ медвѣдя, тѣмъ сильнѣе въ свою очередь отвѣтный ударъ по немъ колоды, и это длилось до тѣхъ поръ, пока ошеломленный и измученный медвѣдь не падалъ съ высоты прямо на острые бороны, гдѣ и расшибался жесточайшимъ образомъ.

IV.

Зубръ (*Bos urus*, *Auerochs*, *Bonassus*) въ настоящее время сохранился для Европы въ одной лишь Бѣловѣжской Пушчѣ. Есть свидѣтельства, будто бы въ наши дни онъ водится еще мѣстами на Кавказѣ и въ Средней Азій, но въ послѣдней, какъ заявляетъ А. Бремъ, исключительно у береговъ озера Коко-Норъ. Впрочемъ, это мнѣнiе нельзя признать за безусловно достовѣрное, такъ какъ Бремъ, высказывая его, основывается не на личномъ своемъ изслѣдованiи, а на разсказахъ. По словамъ же нѣкоторыхъ изъ нашихъ старыхъ кавказцевъ, имѣвшихъ въ жизни случаи встрѣчать бѣловѣжское и кавказское животное, послѣднее походитъ скорѣе на нѣчто среднее между безногъмъ и буйволомъ. Не имѣвъ случая наблюдать кавказскаго звѣря, мы конечно не можемъ дать положительнаго заключенiя ни въ ту, ни въ другую сторону и констатируемъ фактъ такъ, какъ о немъ говорятъ другіе.

Нѣкоторые ученые, въ томъ числѣ Яроцкій и П. Бобровскій, признаютъ, что зубръ и туръ есть одно и то же животное; но Бремъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ и говоритъ, что подъ зубромъ (*Wisent*) онъ разумѣетъ то самое животное, которое многіе изъ новѣйшихъ натуралистовъ *нестравадливо* называютъ *Auerochs*. Дикому быку Бѣловѣжской Пушчи, по мнѣнію этого ученаго, принадлежитъ единственно и исключительно имя *Wisent*, а *Auerochs*омъ наши предшественники называли-де животное, весьма отличное отъ зубра. На основанiи сочиненiй старыхъ натуралистовъ, онъ приходитъ къ заключенiю, что въ прежнія времена водились въ Европѣ два вида дикихъ быковъ, такъ какъ Сенека, Плиніи, Альбертъ Магнусъ, Т. Кантапратвизіасъ, Мариньола, Варроломей Англицъ, П. Цидикъ, Герберштейнъ и Гесслеръ—всѣ въ одинъ голосъ говорятъ о двухъ дикихъ быкахъ, жившихъ одновременно, и обоихъ описываютъ довольно подробно; а такъ какъ зубра мы еще имѣемъ предъ глазами, то естественно принять за вѣрное и описаніе другого вида дикаго быка, извѣстнаго намъ уже только по окаменѣлымъ черепамъ. И дѣйствительно, въ Гродненской губерніи иногда слу-

чается выкапывать черепа и кости ископаемаго быка, тогда какъ ископаемаго окаменѣлаго черепа зубра донинѣ еще ни разу нигдѣ не встрѣчалось. Это обстоятельство можетъ отчасти служить подтвержденiемъ мнѣнію А. Брема. Плиніи, по мнѣнію этого ученаго, знаетъ *Bonassus*а, то-есть именно зубра, котораго живымъ привозили въ Римъ для украшенiя цирка, и отличаетъ его положительно отъ *Urus*а, говоря, что первый замѣчательнѣе по густой гривѣ, а второй по огромнымъ рогамъ. Цезарь ¹⁾ упоминаетъ о дикомъ быкѣ, водящемся въ Германіи, который нѣсколько похожъ на домашняго, но имѣетъ гораздо большіе рога. «Охота за этимъ быкомъ, говоритъ онъ, считается одною изъ самыхъ славныхъ». «Ясно, что Цезарь разумѣетъ не зубра, а другого дикаго быка», замѣчаетъ Бремъ по этому поводу и приводитъ свидѣтельства позднѣйшихъ по времени писателей, которые высказываютъ еще опредѣленнѣе. Такъ, напримѣръ Лука Давидъ разказываетъ, что герцогъ Отто Брауншвейгскій въ 1240 году «подарилъ братьямъ (то-есть монахамъ) дикихъ быковъ и зубровъ» (*Auerochsen und Visonten*). Крамеръ пишетъ, что князь Владиславъ въ 1364 году «убилъ въ задней Помераніи зубра, который считается больше *дикаго быка*». М. Миховъ сообщаетъ о дикихъ быкахъ и зубрахъ, живущихъ въ лѣсахъ Литвы, и которыхъ туземцы называютъ *тури* и *юмбронесъ*. И точно, для каждаго становится яснымъ, что слова *зубръ*, *изюбрь* (по-русски) и *юмбронесъ* (по-литовски) звучатъ довольно сходно между собою. Довольно вѣрнымъ указанiемъ служатъ также и слѣдующіе стихи въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, при описанiи охоты Зигфрида въ Висгау, гдѣ говорится о зубрѣ и лосѣ:

„Darnach schlug er wieder ein Wiesent und einen Elk,
Starker Auer viere und einem grimmen Schelh“.

Но положительнѣе всѣхъ на этотъ счетъ высказывается Герберштейнъ, отправленный императоромъ Сигизмундомъ въ качествѣ посла къ польскому двору. Герберштейнъ, въ позднѣйшемъ изданiи своей книги о Россіи и Польшѣ, сообщаетъ даже и рисунки того и другого звѣря. Картинка, изображающая быка, нѣсколько похожаго на быка обыкновеннаго, подписана такъ: «Я—*Urus*, котораго поляки называютъ *Tur*, нѣмцы *Auerox*, а невѣжды *Bison*». На второмъ же рисункѣ, гдѣ ясно представлень теперешній зубръ, стоитъ слѣдующая подпись: «Я—*Bison*, котораго поляки называютъ *Subr*, нѣмцы *Wisent*, а невѣжды *Urochs*». Въмѣстѣ съ рисунками, Герберштейнъ даетъ намъ и описаніе того и другого звѣря. «Литовскій зубръ «бизонъ», говоритъ онъ, неправильно на-

¹⁾ „De bello Gallico“, VI, 28.

зывается въ Германіи Аугох или Угох. Имена эти принадлежатъ другому быку *Ugus*, имѣющему складъ тѣла какъ у обыкновеннаго быка, тогда какъ *Bison* рѣзко отличается отъ послѣдняго». (Слѣдуетъ описаніе наружности зубра.) «*Ugus* встрѣчается только въ Мазовіи, продолжаетъ Герберштейнъ; тамъ его называютъ *Tur*, въ Германіи же неправильно *Urox*. Это просто дикіе быки, отличающіеся отъ домашнихъ только по цвѣту: они совсѣмъ черны и вдоль хребта имѣютъ бѣлую полосу». Гесснеръ, въ XVI столѣтіи, тоже даетъ намъ ясныя рисунки и описанія того и другого звѣря и говорить, что «кромя прибыли отъ кожи и мяса этихъ животныхъ (зубровъ), весьма цѣнятся ихъ рога, считающіеся княжескимъ украшеніемъ и драгоценностью; ихъ обдѣлываютъ въ серебро и употребляютъ въ видѣ кубковъ, подносимыхъ князьямъ и вельможамъ. Литовцы и до сего дня сохранили этотъ обычай». ¹⁾ Начиная съ XVII вѣка, отзывы писателей становятся сбивчивыми, и наконецъ они говорятъ только объ одномъ дикомъ быкѣ, называя его то зубромъ, то туромъ. Очевидно, что туръ, то-есть настоящій дикій быкъ, вымеръ въ этотъ промежутокъ времени, и потому писатели потеряли возможность говорить о томъ и другомъ видѣ, основываясь на личныхъ своихъ наблюденіяхъ.

Какъ бы то ни было, но нынѣшній зубръ извѣстенъ былъ еще въ глубокой древности. Кромѣ выше названныхъ писателей, о немъ упоминаетъ и Тацитъ ²⁾. Плиніе же говоритъ, что у богатыхъ людей его времени были въ модѣ особые фонарики, сдѣланные изъ роговъ зубра; пропуская пріятный свѣтъ, они служили однимъ изъ комнатныхъ украшеній. У литовцевъ, по свидѣтельству Стрыйковского, какъ и по вышеприведеннымъ словамъ Гесснера, зубровые рога оправлялись въ серебро, обкладывались драгоценными камнями и употреблялись вмѣсто бокаловъ при заздравныхъ то-

стахъ, а шкуры зубровъ шли на обшивку военныхъ лодокъ и челноковъ, причемъ швы напихивались саломъ, чтобы не промокали. Въ походахъ эти легкія лодки всегда были при арміи, и на переноску каждой не требовалось болѣе двухъ человѣкъ; лошадей же при переправахъ литовцы всегда пускали вплавь, держа за поводья. Въ древнія времена, изъ кожи, снятой со лба зубра, выдѣлывали пояса, которые были въ большомъ почетѣ и употребленіи у замужнихъ женщинъ, служа талисманомъ, облегчающимъ роды. Эти пояса цѣнились столь высоко, что были даже приносимы въ даръ царственнымъ особамъ. Королева Бона въ 1548 году подарила два такихъ пояса барону Герберштейну, и одинъ изъ нихъ онъ поднесъ въ Вѣнѣ супругу императора.

Въ древности зубръ, никогда не отличавшійся избыткомъ своего племени, былъ все-таки распространенъ на значительномъ болшемъ пространствѣ чѣмъ впоследствии. Во времена древней Греціи его встрѣчали довольно часто въ Пелопоннѣ (нынѣшней Болгаріи). Въ средней Европѣ онъ водился почти повсемѣстно и попадался даже на югѣ Швеціи. Мы уже выше привели свидѣтельство саги о Нибелунгахъ, гдѣ говорится, что Зигфридъ убилъ зубра въ Васгау. Аристотель, описывая съ большою точностію этого звѣря, называетъ его «бонасусъ», Плиніе же говоритъ о немъ какъ о «бизонѣ» и полагаетъ родиной его Германію. При Карлѣ Великомъ зубръ обиталъ еще на Гарцѣ и въ Саксоніи; въ 1373 онъ водился въ Помераніи, въ XV столѣтіи въ Пруссіи, въ XVI въ Литвѣ, въ XVII въ Восточной Пруссіи между Тильзитомъ и Лаубаномъ, наконецъ въ XVIII вѣкѣ въ Трансильваніи. Но съ тѣхъ поръ Бѣловѣжская Пуща стала уже единственнымъ его убжищемъ.

Названіе *зубръ*, *зуберъ*, *жубръ* есть чисто мѣстное, литовско-русское. Названія, происшедшія отъ слова *туръ*, встрѣчаются какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи, напримѣръ городъ Туровъ. Но тѣ названія, которыя имѣютъ корнемъ слово *зубръ*, существуютъ только въ Гродненской губерніи, а именно: въ Бѣловѣжской Пушѣ—Зубровый кутъ, Зубрица, Зубровка, и въ Гродненской Пушѣ—деревня Зуброво.

Постоянная расчистка глухихъ земельныхъ пространствъ подъ новыя пашни и поселенія, осушеніе болотъ и истребленіе лѣсовъ сначала въ Германіи, а затѣмъ въ Польшѣ и въ западной Россіи, все болѣе и болѣе суживали районъ распространенія и убжища зубра, пока-то наконецъ не нашелъ онъ для себя тихаго и мирнаго пристанища въ лѣсу Бѣловѣжскомъ. Здѣсь ему стало совсѣмъ привольно и покойно, такъ какъ Пуща уже съ давнихъ временъ составляла заповѣдную собственность сперва литовско-русскихъ князей, а потомъ королей Польскихъ. Въ Яктуровской Пушѣ (въ

¹⁾ Въ коллекціи оружія и рѣдкостей пищаго эти строки находятся два экземпляра подобныхъ роговъ. Одинъ—древній, обдѣланный въ серебро, въ восточномъ вкусѣ, вывезенъ съ Кавказа, гдѣ подобные кубки извѣстны подъ именемъ *туркиъ роговъ*; другой же пріобрѣтенъ въ мѣстечкѣ Свислочи, у токарнаго мастера Рѣпштынскаго, безъ всякихъ серебряныхъ украшеній; но разница между основною формой и цвѣтомъ того и другого рога слишкомъ очевидна: первый большой, болѣе отлогій и сѣроватый, второй же, именно *зубровый рогъ*, гораздо меньше, изогнутъ круче, совершенно чернаго цвѣта, и для того, кто видѣлъ зубра, не оставляетъ ни малѣйшихъ сомнѣній въ дѣйствительной принадлежности своей сему послѣднему звѣрю. Это, пожалуй, тоже можетъ до нѣкоторой степени служить оправданіемъ нашему сомнѣнію, точно ли звѣрь, водившійся на Кавказѣ, есть зубръ, а не туръ, неоднородность коихъ (въ Европѣ по крайней мѣрѣ) Времъ доказываетъ многими свидѣтельствами.

²⁾ „Annales“ I, стр. 72.

Царствъ Польскомъ) туръ существовалъ до 1627 года, и вообще въ XVII столѣтіи считался тамъ уже величайшею рѣдкостью. Въ нынѣшней Восточной Пруссіи послѣдній экземпляръ этого звѣря, несмотря на все покровительство, которымъ уже долго пользовался, убитъ былъ неподалеку отъ Тильзита въ 1755 году какимъ-то браконьеромъ. Въ 1815 году зубровъ всего-на-все считалось только 300 головъ; но съ тѣхъ поръ, благодаря заботливому вниманію и попеченіямъ правительства, порода эта не только поддержалась, но и значительно умножилась: въ 1857 году въ Пущѣ насчитывали 1.898 головъ. Однако, съ тѣхъ поръ число зубровъ опять пошло на убыль, такъ что въ 1871 году было только 477 экземпляровъ этого звѣря. Что касается до причинъ такой убыли, то о нихъ мы скажемъ впоследствии.

Натуралисты относятъ зубра къ разряду жвачныхъ двукопытныхъ изъ семейства пусторогихъ. Хотя зубръ все еще остается самымъ могучимъ животнымъ европейскихъ странъ, но сравнительно со своими предками прежнихъ вѣковъ, онъ уменьшился не только въ числѣ, но и въ ростѣ, и объемѣ. Въ наше время средняя величина взрослого зубра, считая отъ роговъ до хвоста, равняется восьми футамъ; вышина его отъ переднихъ копытъ до верху горба $5\frac{1}{2}$, а отъ заднихъ копытъ до крестца $4\frac{1}{2}$ фута; объемъ же корпуса въ передней части тѣла равенъ $11\frac{1}{4}$ футамъ. Средній вѣсъ животного отъ 35 до 40 пудовъ. Но какъ образецъ древняго зубра можетъ служить экземпляръ, убитый на королевской охотѣ 1752 года. Этотъ великанъ вѣсилъ 24 центнера и 50 фунтовъ¹⁾.

Наружность зубра чрезвычайно красива: въ ней есть нѣчто гордое, величественное. Черные рога его не велики и закруглены; они посажены такъ, что держатся раскидисто, поданы впередъ и слегка приподняты вверхъ, а въ острыхъ концахъ своихъ загнуты нѣсколько назадъ. Большой и выпуклый глазъ очень красивъ и выразителенъ; цвѣтъ его—исключительно черный, съ красноватымъ отливомъ, но поставъ глазъ таковъ, что если животное вытанетъ шею впередъ, то оно не можетъ видѣть прямо предъ собою, и для болѣе внимательнаго разсмотрѣнія какого-либо предмета принуждено поворачивать въ сторону голову. При короткой шеѣ зубръ вообще держится сутуловато, такъ что рѣдкая хвоста приходится у него нѣсколько выше тѣмени, и въ этой сутуловатости онъ смотритъ всегда внизъ и какъ бы исподлобья. Мѣстные полѣсовщики, которымъ чаще и ближе чѣмъ кому-либо приходится наблюдать жизнь и нравы зубра, увѣряютъ, что онъ можетъ видѣть ночью столь же хорошо какъ и днемъ.

Поставъ туловища у него спереди нѣсколько выше чѣмъ сзади, несмотря на то, что переднія ноги короче заднихъ. Зубръ вообще тученъ, и хотя къ задъ онъ суживается, но костлявости въ немъ вовсе не замѣтно. Бурогидная и вообще темная шерсть его—на вискахъ, на бородѣ, у копытъ и въ хвостовой кости принимаетъ совершенно черный цвѣтъ; грива тоже черная, но нѣсколько свѣтлѣе бороды, которая густо обрамляетъ собою сильно развитый и округленный подбородокъ и продолжается, въ видѣ нижней гривы, между переднихъ ногъ до половины живота. Какъ бороды, такъ и обѣ гривы очень пушисты и курчавы, да и вообще зубриная шерсть весьма мягка и нѣжна на ощупь, и зимой сильно отроsteетъ. Съ конца февраля зубры начинаютъ ронять зимній волосъ и къ началу апрѣля, вылинявъ окончательно, становятся глаже, лоснистѣе; но у годовалыхъ зубрятъ шерсть, отличающаяся пепельно-сѣрою окраской, постоянно остается нѣсколько длинною и пушистою. Губы, нѣбо и языкъ, какъ у молодыхъ, такъ и у старыхъ всегда отличаются черно-синимъ цвѣтомъ. Ротъ зубра не великъ, прорѣзь ноздрей идетъ вкось, и самыя ноздри значительно обращены въ стороны. Морда скорѣе сухожава чѣмъ одутловата и къ концу суживается въ родѣ козлиной. У зубрицы видны только четыре соска, но вовсе нѣтъ вымени. Кожа зубровъ весьма крѣпка, здоровата и по крайней мѣрѣ вдвое толще, чѣмъ у крупныхъ домашнихъ животныхъ изъ породы жвачныхъ. Зубры не издаютъ на свободѣ ни рева, ни мычанья; эти звуки являются у нихъ только въ плѣну, въ клѣткѣ, или же какъ выраженіе сильнѣйшей тоски и отчаянія; на свободѣ же голосъ у нихъ не громокъ, и звукъ, производимый имъ, старые охотники лучше всего сравниваютъ съ тѣмъ шумомъ, который издаютъ крылья рябчиковъ при взлетѣ. Русскіе и польскіе натуралисты неоднократно пользовались случаями, чтобы производить вскрытіе убитыхъ зубровъ для изученія ихъ внутренностей. При этихъ опытахъ всегда оказывалось, что зубровый мозгъ издаетъ особый, весьма пріятный и только ему одному свойственный запахъ, который, заключая въ себѣ нѣчто мускусное, напоминаетъ въ то же время тонкій ароматъ фіалки. По наблюденіямъ бывшихъ офицеровъ лѣсной пущенской стражи, тѣло убитаго зубра пухнетъ и вздымается очень скоро послѣ смерти. Если у мертваго вздувагося зубра разрѣзать животъ и поднести къ этому мѣсту зажженную спичку и свѣчу, то выходящій изнутри зловонный газъ загорается и даетъ тонкій языкъ пламени длиною до цѣлаго аршина. Чтобы имѣть хорошее жаркое, зубровое мясо надо предварительно вымачивать нѣсколько сутокъ въ крѣпкомъ уксусѣ или въ красномъ винѣ и жарить на рожиѣ, хорошенъко наштиговавъ

¹⁾ П. Бобровскій, т. I, стр. 440.

свинным саломъ. При соблюденіи этихъ условій, оно становится очень вкуснымъ, гораздо вкуснѣе лосинаго, приобретаетъ рыхлость и сочность, особенно если это будетъ мясо самки или молодого зубра. Но насколько хорошо мясо жареное, настолько же оказывается негоднымъ вареное. Въ семъ послѣднемъ случаѣ оно получаетъ неприятный багровый цвѣтъ и какъ-то съезживается. Пробовали было коптить зубровые окорока, но опыты вышли неудачны: копченое мясо отдѣляется волокнами и не совсемъ-то вкусно. Мясо же старыхъ зубровъ-одынецъ всегда бываетъ твердымъ, жесткимъ и вкусомъ подходитъ къ лосиному. Поляки считали солонину изъ зуброваго мяса очень лакомымъ кушаньемъ и нѣкогда посылали ее даже въ подарокъ княжескимъ и владѣтельнымъ дворамъ, какъ особенную гастрономическую рѣдкость.

Образъ жизни и нравъ этого животнаго въ настоящее время довольно хорошо извѣстны, благодаря постояннымъ наблюденіямъ стрѣлковъ, крестьянъ-осочниковъ и въ особенности лѣсныхъ офицеровъ. Зубры обыкновенно живутъ стадами. Болѣе молодые особи на лѣтнее время группируются въ небольшія кучки, отъ десяти до пятнадцати или двадцати головъ, зимою же соединяются въ стада штукъ до пятидесяти. У каждаго такого стада, равно какъ и у кучки, непремѣнно есть свой вожакъ, роль котораго беретъ на себя всегда болѣе опытный старый самецъ или самка, но послѣдняя чаще предводительствуетъ въ кучкахъ. Эти небольшія стада и кучки держатся большею частью въ своихъ особыхъ, однажды избранныхъ участкахъ, рѣдко переходя въ смежныя части Пуши. Подобные участки всегда находятся по близости пушечскихъ рѣкъ и рѣчекъ, и здѣсь-то, въ теченіе лѣта и осени зубръ живетъ преимущественно въ сырыхъ чащахъ (багнахъ), а съ наступленіемъ зимы перебирается въ болѣе высокія сухія мѣста—на *руды* и *боры*. Иногда, впрочемъ, стада, какъ бы по общему соглашенію, мѣняють части Пуши, или, вѣрнѣе сказать, *комцы* ея. Такъ, напримѣръ лѣтъ десять тому назадъ, любимымъ ихъ пребываніемъ было урочище Турлея, близъ Королева моста, въ южной части Бѣловѣжской Пуши; нынѣ же—Долгій Боръ и берега рѣчки Криницы. Послѣ лѣсныхъ пожаровъ, истребляющихъ иногда большія пространства этого дивнаго лѣса, или послѣ большихъ засухъ зубры по чутью идутъ въ ту сторону Пуши, надъ которою прошла полоса дождя. Если съ лѣта или съ осени въ какомъ-либо участкѣ лѣса былъ пожаръ, то можно съ полною увѣренностью сказать, что на будущую весну зубры возвратятся именно въ этотъ участокъ, такъ какъ они знаютъ, что на мѣстѣ пожарища найдутъ себѣ новую свѣжую и сочную траву. Хотя въ обществѣ зубровъ царствуетъ вели-

чайшее согласіе, но тѣмъ не менѣе два отдѣльныя стада сходятся не охотно, не вдругъ, и меньшія кучки, по возможности, избѣгаютъ большихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что зубръ-самецъ бываетъ общителенъ, то-есть склоненъ къ стадной жизни, только до извѣстнаго періода своего мужескаго возраста, съ годами же, и особенно въ старости, совершенно утрачиваетъ это качество и становится—если можно такъ выразиться—нелюдимымъ. Престарѣлый зубръ отдѣляется отъ стада и бродитъ себѣ отдѣльно, вслѣдствіе чего и дано ему названіе *одынецъ*. Иногда случается, что старики бродятъ и по два вмѣстѣ, и тогда подобная пара у мѣстныхъ обывателей называется *самовторомъ* (самъ-другъ). Замѣчательно, что въ этомъ отношеніи зубръ отличается качествомъ прямо противоположнымъ характеру всѣхъ вообще стадныхъ животныхъ, а именно: извѣстно, что стадное животное чувствуетъ себя спокойнѣе, безопаснѣе и стало-быть храбрѣе тогда, когда оно находится въ обществѣ себѣ подобныхъ, гдѣ на случай опасности существуетъ такъ-сказать круговая порука, взаимная поддержка; въ одиночку же подобное животное всегда болѣе или менѣе теряется, труситъ и сразу оказывается склоннымъ искать себѣ спасенія въ бѣгствѣ. У зубровъ это совершенно наоборотъ. Хотя и нельзя ни въ какомъ случаѣ отнестись къ разряду трусливыхъ животныхъ, но особи, бродящія въ стадахъ, и преимущественно молодыя, всегда и во всѣхъ случаяхъ при малѣйшемъ намекѣ на опасность обнаруживаютъ болѣе боязни и склонности къ бѣгству цѣлымъ стадомъ, чѣмъ старики-одынцы. Эти послѣдніе не только не ищутъ избѣгнуть грозящей имъ опасности, но стойко выжидаютъ ее и даже сами идутъ на нее, въ твердой рѣшимости помѣриться силами съ дерзкимъ противникомъ и ни за что не уступить ему добровольно. Въ этихъ случаяхъ они приходятъ въ яростный гнѣвъ, а съ гнѣвомъ зубра, и особенно одынца, шутить нечего. Какъ благородное животное онъ еще издали и такъ-сказать заблаговременно предупреждаетъ врага о своемъ гнѣвѣ. Въ первомъ порывѣ этого чувства зубръ начинаетъ потрясать наклоненною головою, потомъ роетъ копытомъ землю, облизывается и вертитъ своимъ сине-чернымъ языкомъ, затѣмъ съ силою бьетъ себя нѣсколько разъ, но не часто, хвостомъ по бедрамъ и наконецъ стремительно и быстро бросается на противника. Взглядъ его въ это мгновеніе представляется облитымъ кровью. Столкновение же съ нимъ въ такую минуту грозитъ почти неминуемою смертью. Достаточно сказать, что не только человѣка, но даже лошадь онъ можетъ взметнуть рогами на воздухъ какъ ничтожную собаченку, и оттого-то лошади страшно боятся зубровъ и чувствуютъ къ нимъ инстинктивное отвращеніе. Еще издали, не

видя даже звѣря предъ собою, онѣ уже показываютъ эти смятенныя чувства, а при его приближеніи несутъ куда попало, черезъ пни и колоды. Если же могучій одынецъ появится предъ ними на дорогѣ совсѣмъ неожиданно и внезапно, онѣ начинаютъ биться на мѣстѣ какъ шальные, взвиваются на дыбы, бросаются животомъ на землю, и вообще во всѣхъ движеніяхъ и во изглядѣ своемъ обнаруживаютъ крайній ужасъ.

Движенія зубра на первый взглядъ могутъ показаться тяжелыми и даже неуклюжими; но этотъ первый взглядъ очень обманчивъ: зубръ весьма быстръ на бѣгу, хотя и скачетъ тяжелыми прыжками, особенно же быстрота его достигаетъ полного своего развитія при разъяренномъ состояніи, и тогда всѣ движенія его становятся очень проворными и даже ловкими. Онъ несется не иначе, какъ опустивъ низко къ землѣ голову и упруго поднявъ хвостъ съ развивающеюся кистью.

Въ покойномъ состояніи звѣрь этотъ вообще не трогаетъ человѣка, если тотъ проходитъ мимо него безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній или выходокъ; но достаточно со стороны путника малѣйшаго повода къ нападенію, чтобы зубръ пришелъ въ самое ужасное бѣшенство, и тогда уже дѣло становится крайне опаснымъ. Во всякомъ случаѣ при путешествіи по дебрямъ и трупобамъ Бѣловѣжской Пущи не слѣдуетъ имѣть на себѣ что-либо красное, потому что зубры терпѣть не могутъ краснаго цвѣта и при видѣ его тотчасъ же выпадаютъ въ неукротимую ярость. Бывали неоднократные случаи, что бабы и дѣвушки, отправлявшіяся въ лѣсъ по ягоды въ красныхъ платкахъ на головахъ, становились жертвами ярости зубровъ; особенно же случалось это, какъ говорятъ, въ Свислочскомъ лѣсу, куда забредаютъ иногда одынцы, переправляясь въ-бродъ или вплавъ черезъ пограничный Наревъ. Пущенскія женщины уже довольно проучены въ этомъ отношеніи и потому, идучи въ лѣсъ, никогда не надѣваютъ на себя краснаго. Лѣтомъ зубры вообще стараются избѣгать людей, но зимой никому не уступаютъ дороги. Слухъ и обоняніе у нихъ развиты въ весьма сильной степени, такъ что стадо, завидѣвъ человѣка даже за пятьсотъ шаговъ, немедленно уходитъ подальше отъ него въ густыя чащи. Зато одынцы нисколько не боятся людей и ни за что не желаютъ уступать имъ господства и первенства въ мѣстахъ своего обиталища. Пущенскимъ крестьянамъ не разъ приходится зимой ожидать, притаясь гдѣ-нибудь вдалекѣ за кустами, пока суровому одынцу благоугодно будетъ сойти съ занятой имъ дороги. Въ такихъ случаяхъ, если нѣтъ по-близости какой-либо тропинки, свернувъ на которую можно бы взять въ объѣздъ, то крестьяне предпочитаютъ уже лучше по-доброу по-здорову поворачивать оглобли

назадъ, во избѣжаніе возможности трагическаго исхода. Дикость, упрямство и вспыльчивость являются самыми характеристическими качествами зубра, и при такихъ-то свойствахъ одынцы, находящіе какъ будто особое удовольствіе завязать драку съ челоѡкомъ, нерѣдко становятся истинными бичами всей окрестности. Рассказываютъ, что одинъ старый зубръ долгое время безчинствовалъ на главной пущенской дорогѣ, ведущей отъ Гайновки къ селу Бѣловѣжу. Онъ не уступалъ даже предъ большими громоздкими экипажами и успѣлъ надѣлать много бѣдъ. Лишь только почуетъ, что въ мимоѣзжихъ саняхъ везется свѣжее сѣно, онъ, выскочивъ изъ засады, которую устраивалъ себѣ въ густомъ придорожномъ ельничѣ, становился вдругъ среди дороги, какъ-разъ предъ лошадей, и начиналъ издавать свое злобное *хурханье*, требуя такимъ образомъ съ путешественниковъ насильственную подать за право проѣзда. Догадливые сѣдоки должны были торопиться исполнить его настойчивое требованіе и какъ можно скорѣе выбросить ему кулъ сѣна; въ противномъ же случаѣ, а особенно если еще одынцу грозили при этомъ кнутомъ, онъ мгновенно приходилъ въ ярость, вздымая хвостъ и бросаясь на сани, поднималъ ихъ рогами и въ одинъ толчокъ опрокидывалъ вверхъ полозьями, со всѣмъ ихъ сѣномъ, поклажей и сѣдоками. Тутъ уже было плохо, и не мало людей жестоко поплатились за свою неуступчивость.

При столь неудобныхъ качествахъ своего нрава, зубръ тѣмъ не менѣе очень веселое, подвижное животное и охотно играетъ самъ съ собою и съ другими своими сособниками, а телята постоянно и очень рѣзко прыгають, заигрывая другъ съ другомъ и нерѣдко въ шутку дразнить и бодають одинъ другого рогами. Жизненная дѣятельность зубровъ проявляется какъ днемъ, такъ и ночью. Ѣдятъ они обыкновенно въ ночное время и всего охотнѣе до полуночи, а потомъ на разсвѣтѣ; въ полдень же отдыхаютъ, для чего и уходятъ на «груды» и «боры», выбирая преимущественно песчаные холмы, на которыхъ роютъ себѣ «куплиски» (то-есть купальни) и скрываются въ нихъ отъ мухъ и насѣкомыхъ. Неотвязчивыя нападенія этихъ мелкихъ враговъ доводятъ зубровъ до того, что они бѣгутъ въ болота, въ рѣки и валяются на песокъ въ своихъ «куплискахъ», на подобіе лошадей, вскидывая вверхъ ногами, копаютъ песокъ и обрасываютъ имъ другъ друга. Впрочемъ, всѣ эти приемы въ «куплискахъ» употребляются ими не исключительно противъ мухъ и насѣкомыхъ, но также и при взаимныхъ играхъ.

Въ Бѣловѣжской Пущѣ въ изобиліи растетъ одна трава изъ рода томковыхъ, которую мѣстные жители называютъ «зубровкой», а поляки—«турьею травой», «туровкою». Зубровка

отличается от другихъ родственныхъ ей травъ, имѣющихъ томковый запахъ, особеннымъ пыльнымъ налётомъ, который покрываетъ нижнюю сторону ея листьевъ. Эта-та зубровка составляетъ самый любимый и самый лакомый подножный кормъ зубровъ, и изобиліе ея въ Бѣловѣжской Пушѣ является, безъ сомнѣнія, одною изъ важныхъ причинъ, почему они держатся именно въ этомъ мѣстѣ, не ища себѣ новыхъ обиталищъ. Случается, что стада зубровъ переходятъ иногда въ сосѣдніе лѣса, но если не найдутъ тамъ зубровки, то всегда возвращаются въ Пушу послѣ самой непродолжительной отлучки. Замѣчено также, что зубръ хотя и держится въ смежныхъ казенныхъ пушкахъ: Свислочской, Шерешевской, Яловской и Лядской, почти непосредственно прилегающихъ къ Бѣловѣжской и составляющихъ съ нею какъ бы одно цѣлое, тѣмъ не менѣе держится онъ тамъ въ самомъ незначительномъ количествѣ головъ, и именно потому, что въ этихъ лѣсахъ сравнительно мало растетъ зубровки. Жирное, сочное растеніе *хробустъ* составляетъ наиболѣе любимую пищу зубра послѣ зубровки. Стрѣлки утверждаютъ, что онъ преимущественно любитъ всякую горькую кору, но кора ясеня, повидимому, составляетъ для него особенное лакомство; поэтому онъ безпощадно обдираетъ деревья такъ высоко, какъ только можетъ, нагибаетъ молодые гибкіе стволы и объѣдаетъ до тла кору, почки и листья. Осенью любитъ онъ мохъ, растущій на деревьяхъ, особливо же омель, находимую на ивахъ и осинахъ, по опушкамъ прогалинъ; но мховъ, растущихъ на землѣ, вовсе не трогаетъ. Въ это же время года, а также и весной цѣлыя стада зубровъ выходятъ на смежныя съ Пушей поля и съ удовольствіемъ лакомятся всходами молодой ржи, вырывая ея цѣлыми клочками. Крестьяне собираются гурьбой и съ криками прогоняютъ ихъ въ лѣсъ, но на другой же день стада снова появляются, къ истинному огорченію земледѣльцевъ, которые въ это время такъ ужъ и держатъ на поляхъ постоянные караулы. Съ наступленіемъ весны зубры замѣтно тощакѣ послѣ зимней проголоди, и, пока не вырастетъ на ихъ любимыхъ лугахъ достаточно сочная трава, ѣдятъ почки лиственныхъ породъ, преимущественно ясеня, рябины, осины, липы и разныхъ видовъ ивы, но хвойныхъ деревьевъ не трогаютъ никогда. Кора, почки и молодые прутья служатъ имъ кормомъ и зимой, на время которой однако заботливая администрація, въ силу правительственныхъ постановленій, заготавливаетъ для нихъ весьма значительные запасы сѣна. Въ разныхъ мѣстахъ Пуши это сѣно складывается въ стога, исключительно ради зубровъ, которые однако принимаются за него не ранѣе, какъ совершенно уже не станетъ подножного корма. Приступая къ сѣну, зубръ прежде всего ста-

рается разметать стогъ, доискиваясь не выдохшейся травы, и отъ этого много сѣна пропадаетъ даромъ. Но не довольствуясь своимъ, такъ-сказать, казеннымъ кормомъ, эти животныя, и преимущественно старики-одиноцы, любятъ отбирать сѣно насильственнымъ путемъ у пущенскихъ обитателей; для этого они ломаютъ изгороди, высаживаютъ рогами ворота въ сѣнныхъ сараяхъ и чрезъ то нерѣдко наносятъ большіе убытки крестьянамъ. Уже съ давнихъ временъ для заготовленія сѣна въ зимній кормъ зубрамъ, правительство отвело въ разныхъ мѣстахъ Бѣловѣжской Пуши особые луга, подѣ именемъ зубровыхъ сѣнокосовъ, въ количествѣ 67 десятинъ и 1.100 квадр. сажень, а послѣ 1860 года, принимая во вниманіе умножившееся число зубровъ, къ прежнему пространству луговъ добавлено еще 203 десятины 986 квадр. сажень. Въ Пушѣ существуетъ нѣсколько деревень государственныхъ крестьянъ, специально называвшихся «осочниками», вся обязанность которыхъ заключалась въ косить сѣна для зубровъ, и такъ какъ оно косилось преимущественно на низменныхъ мокрыхъ лугахъ, гдѣ нерѣдко растетъ осока, то отсюда произошло и самое названіе «осочникъ». Съ 1869 года обязанности осочниковъ отмѣнены и косьба сѣна для зубровъ производится посредствомъ вольнаго найма, съ платой поденно отъ 30 до 40 копеекъ, причемъ въ вольные косцы нанимаются преимущественно все тѣ же прежніе осочники.

Есть нѣкоторыя травы, которыхъ зубры тщательно избѣгаютъ, такъ напримѣръ они совершенно обходятъ мѣста, поросшія богульникомъ; но зато нерѣдко падаютъ они отъ травы *сисити вігоса*, которую иногда не отличаютъ въ то время, когда имъ очень хочется ѣсть, такъ какъ эта цикута растетъ во многихъ мѣстахъ и притомъ въ смѣшеніи съ другими съѣдобными травами. Однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ условий существованія зубра является необходимость свѣжей проточной воды; поэтому-то они и держатся обыкновенно около рѣкъ и рѣчекъ, а въ особенности около рѣчки или скорѣе ручья Криницы. Эта Криница пересѣкаетъ почти на самой срединѣ большую дорогу изъ Гайдовки въ село Бѣловѣжъ, проходитъ чрезъ огороженный императорскій звѣринецъ и впадаетъ въ рѣчку Лотовню, которая въ свою очередь вливается въ Наревку. Криница замѣчательна тѣмъ, что постоянно въ самые жестокие жары сохраняетъ студеную и очень прозрачную воду, а зимой не замерзаетъ даже въ самые сильные морозы, и при всемъ томъ течение ея вовсе не отличается быстротою; напротивъ, ее скорѣе можно назвать очень тихоструйною рѣченкой.

Въ августѣ, иногда въ началѣ сентября, зубры, какъ говорится у кавалеристовъ по отношенію къ лошадямъ, «входятъ въ самое

лучшее тѣло», наѣдаютъ себѣ достаточно жиру, приобретаютъ наибольшую силу, наибольшій лоскъ и шелковистость шерсти и становятся смѣлыми, веселыми, игривыми и нарядными животными. Погода въ эти дни обыкновенно стоитъ прекрасная, а въ особенности хороши ночи—ясныя, сухія и теплыя, такъ что средину августа и начало сентября, по истинѣ, можно назвать *весной зубровъ*. Въ это время маденькія кучки преодолеваютъ наконецъ свое пристрастіе къ обособленности и сходятся въ большія стада, къ которымъ присоединяются и старыя отшельники-одынцы. Стада эти смѣло и весело бродятъ по мѣстамъ, поросшимъ еловымъ лѣсомъ. Необычайный шумъ и трескъ идетъ въ это время по Пушчѣ, потому что зубры любятъ тогда подрывать рогами ели, имѣющія въ діаметрѣ отъ 4-хъ до 6-ти дюймовъ, взбрасываютъ на рогахъ деревья и сучья, мнутъ и ломаютъ ихъ съ веселымъ неистовствомъ и наполняютъ лѣсъ трескомъ и своеобразнымъ шумомъ. Влюбленные животные какъ-будто находятъ особое удовольствіе въ томъ, чтобы подрывать деревья, вырывать ихъ изъ земли и опрокидывать рогами. При этомъ случается нерѣдко, что корни запутываются въ въ рогахъ и не могутъ быть тотчасъ сброшены, такъ что многіе зубры ходятъ нѣкоторое время съ этимъ своеобразнымъ кудрявымъ украшеніемъ; но наконецъ оно начинаетъ беспокоить и надѣждатъ имъ; зубры съ шумомъ и топотомъ принимаются бѣгать взадъ и впередъ, мало-по-малу входятъ въ раздраженіе, сердятся и, желая сбросить съ себя несносные сучья и вѣтви, вступаютъ между собою въ борьбу, сначала будто шутя, а потомъ и весьма не на шутку. Съ такимъ остервененіемъ бросаются они другъ на друга и съ такою силой сталкиваются лбами и рогами, что наблюдателю остается только удивляться, какъ это они при такомъ взаимномъ толчкѣ не падаютъ замертво и не прошибаютъ себѣ черепъ. Тутъ, казалось бы, не только кость, а и желѣзо треснуло бы, а между тѣмъ лбы ихъ остаются попрежнему цѣлы и невредимы, и рога такъ гибки, какъ будто сдѣланы изъ лучшей стали. Самки въ это время въ особенности становятся смѣлы и свирѣпы, и нерѣдко сами нападаютъ не только на молодыхъ, но и на старыхъ, сильныхъ самцовъ, которыхъ повидимому предпочитаютъ. Одынцы въ эту пору тоже ведутъ ожесточенные бои какъ между собою, такъ и съ молодыми зубрами, но самокъ, даже и нападающихъ на нихъ, никогда не трогаютъ. Вообще, съ присоединеніемъ къ стаду нѣсколькихъ одынцовъ, которые обыкновенно прибываютъ мало-по-малу, зубровые поединки начинаютъ принимать самый ожесточенный и безпощадный характеръ. Дуэль между зубрами, во время соперничества въ страсти и любви, кончается тѣмъ, что одинъ изъ противниковъ остается

на мѣстѣ если и не всегда убитымъ, то всегда почти ошеломленнымъ до полного безпамятства, до продолжительнаго обморока. Молодой зубръ въ этихъ случаяхъ рѣдко не становится жертвой старика-одынца, который любитъ забить своего соперника не иначе, какъ на-смерть, и только увидя его бездыханнымъ утѣляетъ свою ярость. Чаше всего погибаютъ въ подобныхъ поединкахъ молодые трехгодовалые зубры. Въ 1827 году нашли въ Пушчѣ такого трехлѣтка съ перебитою ногой и съ однимъ только рогомъ: другой рогъ былъ выломанъ у самого корня, и притомъ столь ловко, что можно бы было подуматъ будто онъ срѣзанъ.

По окончаніи этого періода, одынцы снова отдѣляются отъ стада, возвращаясь къ своей уединенной жизни, и самыя стада распадаются на мелкія кучки штукъ въ 10 или 15 головъ. Самки со своими телятами всегда составляютъ такъ-сказать ядро, основу каждой кучки, и къ нимъ уже присоединяются молодые зубры-самцы, начиная отъ годового до шестилѣтняго и болѣе возраста. Зубриха телится обыкновенно въ маѣ или въ началѣ іюня. Она оставляетъ свое стадо и уединяется въ какую-нибудь чащу, гдѣ отыскиваетъ себѣ тихое уютное мѣстечко и готовитъ въ немъ изъ мха, травы и лиственнаго назема мягкое логово. Здѣсь она рождаетъ одного теленка, прячетъ его въ этомъ логовѣ, среди зелени густыхъ кустовъ, и въ первые дни, при малѣйшемъ признакѣ опасности, выказываетъ полную рѣшимость къ самой геройской защитѣ своего дѣтеныша. Она, не выжидая нападенія, первая храбро идетъ на встрѣчу врагу, въ то время какъ позади ея испуганный теленокъ, прижавшись къ землѣ и поводя ушами, совершенно теряется и трепещетъ отъ страха. Самка стремительно кидается на врага, потревожившаго ея покой, все равно, будетъ ли то человѣкъ или животное, сшибаетъ его съ ногъ и разрываетъ рогами. Черезъ недѣлю послѣ рожденія, маленький зубреночекъ уже бродитъ за маткой, сначала нетвердою походкой, шагъ за шагомъ, причемъ зубриха ласково подталкиваетъ его головой, а потомъ начинаетъ ступать увѣреннѣе и не проходитъ и двухъ недѣль, какъ онъ уже очень бойко и рѣзко прыгаетъ и играетъ. Матка въ отношеніи своего дѣтеныша постоянно выказываетъ большую нѣжность. Случится ли ему выпачкаться въ болотѣ, она заботливо слижетъ и очищаетъ его; захочется ли ему пососать грудь, она, пренебрегая собственнымъ удобствомъ, во все время кормежки стоитъ на трехъ ногахъ, чтобы дѣтенышу сосать было удобнѣе; во время сна его она непремѣнно бодрствуетъ и чутко стережетъ его безопасность. Молоко зубрицы отличается сѣрымъ цвѣтомъ; оно жирно, густо и не очень сладко. Самка телится обыкновенно одинъ разъ въ три года, хотя и способна къ

ежегодному оплодотворенію. Наблюденія показываютъ, что зубрицы иногда по нѣскольку лѣтъ сразу остаются неплодными и затѣмъ опять производятъ на свѣтъ дѣтеныша. Въ 1829 году на 258 самокъ телились только 93; изъ остальныхъ же 165 большая часть были неплодны и лишь самое незначительное число слишкомъ молоды. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается одна изъ существенныхъ причинъ вымирания породы. Теленокъ сосетъ матку нѣсколько болѣе года, около 14 мѣсяцевъ, причаась въ то же время и къ растительной пищѣ. Ростъ зубра продолжается шесть лѣтъ, и только съ этого возраста самки становятся способны къ зачатію, самцы же получаютъ способность оплодотворенія по достиженіи трехъ лѣтъ, хотя физическое развитіе ихъ и продолжается. Въ этотъ-то роковой для себя возрастъ они и становятся жертвами старыхъ зубровъ— вторая причина вымирания породы.

Вѣкъ зубра продолжается отъ 30 до 50 лѣтъ, причеъ естественная смерть наступаетъ всегда отъ голода. Дѣло въ томъ, что отъ постоянного глодаія коры, животное это стираетъ наконецъ свои зубы до того, что уже лишается всякой возможности щипать и пережевывать свою пищу, да и кромѣ того въ старости многіе зубры слѣпнуть, и такимъ образомъ къ невозможности жеванья присоединяется еще и невозможность отыскивать себѣ кормъ. Замѣчательно, что умирать зубры всегда выходятъ на полянки, на дороги или къ своимъ стогаъ сѣна,—вообще на видныя, открытыя мѣста. Больные становятся очень кротки; можно даже подойти и погладить, поласкать его—онъ не отойдетъ и не выкажетъ ни малѣйшей враждебности. Если лѣсная стража, при обходѣ своего участка, находитъ околѣлаго зубра, то, приставивъ къ нему караулъ, немедленно доводитъ о томъ до свѣдѣнія мѣстнаго лѣсничаго. Тотъ наряжаетъ формальное слѣдствіе, при которомъ ветеринаръ дѣлаетъ наружный осмотръ тѣла и производитъ вскрытіе, изъ чего обнаруживается причина смерти; затѣмъ слѣдственная коммиссія составляетъ актъ освидѣтельствованія. Послѣ всей этой необходимой процедуры, съ мертваго звѣря снимается шкура, которая въслѣдствіи продается съ публичнаго торга, по распоряженію Гродненской палаты государственныхъ имуществъ, а трупъ либо зарывается въ землю, либо же отправляется въ препаровочную, гдѣ изъ него вывариваютъ и препаруютъ полный скелетъ. Этими скелетами снабжаются русскіе и многіе изъ иностранныхъ университетовъ, академій и музеевъ.

Кромѣ естественной смерти, много зубровъ погибаетъ довременно отъ лѣсныхъ хищниковъ, волковъ и медвѣдей. Послѣдніе всего чаще губятъ старыхъ одыпцовъ въ одиночномъ бою, волки же избираютъ себѣ въ жерт-

ву преимущественно телятъ и молодыхъ лучшихъ особей. Раннею весной и позднею осенью они дѣлаютъ просто правильныя облавы на зубровъ. Тутъ пускается въ ходъ обыкновенная волчья стратегема, то-есть стараніе отогнать какого-нибудь одного звѣря отъ стада, съ тѣмъ, что пока одна партія волковъ будетъ держать все стадо какъ бы въ осадѣ, другая загрызетъ отогнаннаго зубра. Эта послѣдняя партія бросается соединенными силами на одинокаго противника, стараясь утомить его долгимъ преслѣдованіемъ, и наконецъ осиливаетъ. Одинъ изъ волковъ обыкновенно занимаетъ вниманіе зубра постоянными увертливыми прыжками взадъ и впередъ предъ его мордой, но конечно, на извѣстномъ разстояніи, хотя и небольшомъ, однако достаточно обезпечивающемъ его отъ смертельнаго удара рогами. Этотъ волкъ, впрочемъ, нерѣдко становится жертвой зубра. Межъ тѣмъ другіе волки въ то же самое время крадутся сзади звѣря и стараются впиться ему зубами въ животоъ. При этомъ опять-таки не обходится безъ новыхъ жертвъ съ ихъ стороны, потому что зубръ однимъ ударомъ ноги нерѣдко насмерть забиваетъ впившагося въ него хищника. Въ концѣ-концовъ, однако же, количество противниковъ одолеваетъ мужественное сопротивленіе одинокаго бойца — и зубръ погибаетъ. Если же волкамъ не удалось сразу отогнать зубра отъ его стада, то всѣ ихъ нападенія на самое стадо, по большей части, остаются безуспѣшны. Могучія животныя мастерски умѣютъ защищаться противъ своихъ враговъ. Подобно кабанамъ, они тотчасъ же строятъ каре, въ средину котораго помѣщаютъ телятъ, и работаютъ своими рогами такъ, какъ добрая пѣхота штыками. Волки съ налету и съ разныхъ сторонъ стараются пробить зубровое каре, втесаться во внутрь или взять его какъ-нибудь сбоку, но вездѣ встрѣчаютъ все тѣ же грозно-склоненные рога. На мѣстѣ такого побоища всегда остается нѣсколько пропоротыхъ волчьихъ труповъ.

Но есть и еще одна, чуть ли не самая значительная, хотя и легко устранимая причина безвременной и совершенно напрасной гибели молодыхъ зубровъ. Это именно такъ-называемые *зубровые пергоны*.

Время отъ времени непосредственное начальство Пущи получаетъ предписаніе: изловить и доставить живьемъ пару или двѣ зубровъ, обыкновенно самца и самку, для звѣринца какой-либо иностранной владѣтельной особы. На эти случаи въ извѣстныхъ мѣстахъ Пущи сдѣланы «загоны», то-есть своего рода западни, попавъ въ которыя зубры уже не могутъ вырваться на волю. Но всего мудренѣе оказывается искусство залучить зубровъ въ загонъ. Для этого обыкновенно избираются въ разныхъ мѣстахъ Пущи нѣсколько отдѣль-

ныхъ стадъ, на которыхъ въ районѣ каждаго загона устраиваются шумныя и многочисленныя облавы. Испуганныя стада, преследуемые и здѣсь, и тамъ, и повсюду, какъ ошальзья мечутся во всю прыть изъ конца въ конецъ по Пушкѣ, пока-то наконецъ не удастся направить хоть одно изъ нихъ въ загонъ. Тутъ уже облава кончается; лѣсные офицеры намѣчаютъ въ загонѣ изъ числа лучшихъ требуемое число экземпляровъ, на которыхъ ловкіе и привычные охотники стараются набросить ножныя путы или арканы, и когда наконецъ удалось и это, тащатъ звѣрей на арканахъ въ клѣтки, подвезенныя уже къ тому времени ко входу загона. Но прежде чѣмъ всѣ эти труды увѣнчаются требуемымъ успѣхомъ, облавы продолжаются иногда по нѣсколькимъ дней, въ теченіе которыхъ перепуганные зубры не имѣютъ ни минуты покоя. Перебѣгавшія ихъ при облавахъ изъ конца въ конецъ по лѣсу и называются зубровыми перегонами, отъ которыхъ, какъ мы сказали уже, погибаетъ не малое количество зубровъ. Дѣло въ томъ, что запыхавшіеся отъ испуга, утомленные и сильно разгоряченные продолжительнымъ и быстрымъ бѣгомъ, зубры, если только имъ попадется на пути какая-нибудь рѣчка, сразу кидаются къ ней и жадно начинаютъ утолять свою жажду студенкою водою (преимущественно въ рѣчкѣ Крилицѣ). Непосредственнымъ послѣдствиемъ этого является воспаленіе легкихъ, отъ котораго и погибаютъ преимущественно молодые зубры и телята. И вотъ, такимъ-то образомъ, чтобы поймать пару или одного звѣря, невольно приходится губить цѣлыя десятки особей и безъ того уже рѣдкой породы!..

Приводимая ниже таблица наглядно покажетъ по годамъ количество прибыли и убыли зубровъ.

Въ 1815 году считалось ихъ всего-навсего 300 головъ, въ 1820—500 головъ, въ 1830—711, а начиная съ 1832 и по 1872 годъ, то-есть за сорокъ лѣтъ, мы имѣемъ почти непрерывный рядъ нижеслѣдующихъ цифровыхъ данныхъ.

Г О Д Ы.	Количество зубровъ.	Прибыль молодыхъ.	Убито по случаю поведѣнія.	Пало отъ старости.	Забито волками.	Забито медвѣдями.
1832.....	712	58	—	—	—	1
1833.....	715	53	—	4	8	—
1834.....	757	53	—	11	3	—
1835.....	777	68	—	4	3	—
1836.....	780	78	—	6	6	—
1837.....	802	58	—	9	1	—
1838.....	852	54	—	4	3	—
1839.....	886	46	—	17	—	—
1840.....	782	35	1	8	6	—
1841.....	875	71	3	5	3	1
1842.....	Повѣрки не было. — 5 1 —					

ГОДЫ.

ГОДЫ.	Количество зубровъ.	Прибыль молодыхъ.	Убито по случаю поведѣнія.	Пало отъ старости.	Забито волками.	Забито медвѣдями.
1843	875	109	—	3	1	—
1844.....	Повѣрки не было.		3	4	2	1
1845.....	945	80	—	6	3	—
1846.....	1.018	77	—	3	5	5
1847.....	Повѣрки не было.		8	6	—	—
1848.....	1.156	108	—	—	—	—
1849.....	1.254	100	—	5	5	—
1850.....	1.390	170	—	6	5	—
1851.....	1.552	90	2	4	2	—
1852.....	1.600	148	—	5	2	—
1853.....	1.642	160	1	3	1	—
1854.....	1.655	169	—	4	—	—
1855.....	1.824	Свѣдѣній не имѣется.				
1856.....	1.771	Т о ж е.				
1857.....	1.898	Т о ж е.				
1858.....	1.434	Т о ж е.				
1859.....	П о в ѣ р к и н е б ы л о.					
1860.....	1.575	Свѣдѣній не имѣется.				
1861.....	П о в ѣ р к и н е б ы л о.					
1862.....	1.124	127	Свѣдѣній не имѣется.			
1863.....	795	79	Т о ж е.			
1864.....	Повѣрки не было.		Свѣдѣній не имѣется.			

*) Замѣчательный фактъ, что во время польскихъ возстаній, когда Бѣловѣжская Пуща становится театромъ военныхъ дѣйствій повстанскихъ бандъ и русскихъ отрядовъ, количество зубровъ значительно убываетъ, хотя, конечно, ни русскіе, ни поляки ихъ вовсе не трогаютъ. Представляемъ положительныя данныя для слѣланнаго нами заключенія, къ которому, между прочимъ, приходится и А. Бремъ, по отношенію къ 1831 году. Вотъ эти данныя:

По счету, предпринятому въ 1829 году, число зубровъ въ Пушкѣ равнялось 711 штукамъ; въ числѣ ихъ было 633 взрослыхъ; въ этомъ году родилось только 48 телятъ. Въ слѣдующій годъ животныя размножились до 772 головъ, но въ 1831 году опять упали до 657. Таковое пониженіе цифры А. Бремъ относитъ непосредственно къ „послѣдствіямъ государственныхъ переворотовъ въ странѣ“ и говоритъ, что „съ этого времени, когда охранительные законы (относительно зубровъ) стали еще строже, то и животныя снова стали размножаться“. Въ справедливости этого заключенія насъ наглядно убѣждаетъ наша таблица, гдѣ мы находимъ убѣдительно краснорѣчивыя цифры по отношенію къ году послѣдняго польскаго возстанія: въ 1862 году число зубровъ простиралось до 1.124 головъ, а новорожденныхъ было 127 штукъ; въ слѣдующемъ же 1863 году общее количество зубровъ падаетъ вдругъ до 795 взрослыхъ и 79 новорожденныхъ, то-есть менѣе на 329 въ первомъ и на 48 головъ во второмъ случаѣ. То же самое паденіе цифръ замѣчается и послѣ 1860 года, когда въ Пушкѣ была большая охота, на которой убито 28 зубровъ. Въ 1861 году повѣрки не было, но если сравнить цифру 1860 года, когда число зубровъ простиралось до 1.575 головъ, съ цифрой 1862 года, когда ихъ было уже только 1.124, то мы увидимъ, что за это время пало 451 штука. Ясно, что безпокойства, тревоги, громъ выстрѣловъ военнаго времени и охоты вліяютъ на зубровъ истребительнымъ образомъ. Причина тутъ та же, что и при зубровыхъ перегонахъ: вспо-

ГОДЫ.	Количество зубровъ.	Прыжки молодыхъ.	Убито по случаю по-забываю.	Пало отъ старости.	Забито волками.	Забито медведями.
1865.....	639	85	2 ¹⁾	—	1 ¹⁾	—
1866.....	Повѣрки не было.	—	—	—	2	—
1867.....	Т о ж е.	—	Свѣдѣній не имѣется.	—	1	—
1868.....	451	108	—	—	—	—
1869.....	492	49	—	1	3	2 ³⁾
1870.....	498	44	—	4	3	1
1871.....	477	51	1 ⁴⁾	3	2 ⁵⁾	—

Слѣдуетъ замѣтить, что въ минувшемъ десятилѣтіи пятнадцать зубровъ было живьемъ отправлено въ разные звѣринцы, и всѣ эти отправки совершались посредствомъ крайне вредныхъ перегоновъ. Въ 1864 году три зубра отправлены въ Москву; въ этотъ годъ общей повѣрки не было, но стоитъ сравнить цифру 1868 года (795) съ цифрой 1865 года (639), дабы убѣдиться, что, благодаря перегону, количество зубровъ уменьшилось на 156 штукъ. Въ 1865 году четыре штуки отправлены въ Силезію, въ подарокъ князю Плецу; въ 1867 году семь штукъ послали въ Гатчинскій звѣринецъ. Послѣ 1865 года, въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ, повѣрки не было, но цифра 1868 года показываетъ общее число зубровъ уже только въ 451 штуку; стало-быть за два неповѣрочные года число ихъ, за исключеніемъ одиннадцати особей, отправленныхъ въ Силезію и въ Гатчину, уменьшилось вслѣдствіе перегоновъ на 177 головъ. Въ 1869 году одинъ зубръ отправленъ опять въ Гатчину. Цифра общаго числа въ 1870 году на шесть штукъ превосходитъ цифру предшествовавшаго года. Но примите во вниманіе число вновь родившихся за время 1869 и 1870 годовъ, которое равняется 93 телятамъ; если къ этому числу прибавить 108 телятъ, которыхъ далъ приплодъ 1868 года, то общее число зубровъ въ 1871 году должно бы было равняться 699, а между тѣмъ счисленіе сего послѣдняго года показываетъ намъ только 477 зубровъ; стало-быть, 222 штуки погибли. Изъ этого числа за два года пять штукъ пало отъ старости и девять истребле-

ленные грохотомъ выстрѣловъ животныя въ страхъ мечутся вѣ себя изъ конца въ конецъ по Пушѣ, ошиваются студеною водою и гибнутъ отъ воспаленія легкихъ. Очевидно, что для поддержанія породы слѣдовало бы устраивать какъ можно рѣже охоты и совершенно прекратить зубровые перегоны ради подарковъ рѣдкихъ экземпляровъ иностраннымъ и русскимъ звѣринцамъ.

¹⁾ Университетамъ Страсбургскому и Геттингенскому.

²⁾ Убитъ въ жестокой дракѣ.

³⁾ Кости отправлены въ Кембриджскій университетъ.

⁴⁾ Александровскому университету въ Гельсингфорсъ—вся туша.

⁵⁾ Убиты въ дракѣ.

но хищными звѣрями, да одинъ взятъ въ Гатчину. Значитъ 214 погибло исключительно отъ перегона. И все это лучшіе молодые звѣри, опора будущихъ поколѣній и надежда на будущій расплодъ исчезающей породы! Изъ за пятнадцати зубровъ, отправленныхъ въ звѣринцы, мы погубили на мѣстѣ одними перегонами, въ теченіе только пяти лѣтъ, 547 зубровъ!..

Въ виду очевидности и достаточной убѣдительности этихъ данныхъ мы рѣшаемся повторить съ твердымъ убѣжденіемъ: если правительство ради интересовъ науки желаетъ поддержать и сохранить породу зубровъ, удержавшуюся доселѣ въ одной лишь Россіи, то слѣдуетъ окончательно прекратить выемку ихъ живьемъ посредствомъ перегоновъ; а такъ какъ кромѣ перегоновъ иного средства для выемки у насъ не имѣется, то должно прекратить всякія дальнѣйшія выемки. Иначе мы рискуемъ, что въ какія-нибудь пятнадцать, а много въ двадцать лѣтъ у насъ въ Бѣловѣжской Пушѣ не будетъ уже ни единого зубра. Существованіе ихъ перейдетъ въ область преданій.

Дмитрій Далматовъ, подъ вѣдѣніемъ котораго въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія находилось управленіе Бѣловѣжскою Пушєю, оставилъ довольно любопытный разсказъ о поимкѣ зубровъ, о способѣ и результатахъ ихъ прирученія и о доставкѣ ихъ изъ Пушчи въ Гатчинскій и Лондонскій звѣринцы.

Покойный императоръ Николай Павловичъ, въ 1847 году, общалъ королевѣ Викторіи пару зубровъ для Лондонскаго Зоологическаго сада, и потому велѣлъ изловить живьемъ нѣсколько штукъ этихъ рѣдкихъ животныхъ. Графъ Киселевъ, тогдашній министръ государственныхъ имуществъ, собственноручно передалъ этотъ приказъ Далматову. Охота была назначена на 20 іюля. Съ разсвѣтомъ собралось триста загонщиковъ и восемьдесятъ стрѣлковъ лѣсной стражи съ ружьями, заряженными холостыми патронами, и всѣ принялись отыскивать ночной слѣдъ зубровъ, который на мѣстѣмъ нарѣчій называется *тропомъ*. День былъ ясный, тихій. Всѣ 380 человекъ, по возможности тихо, окружили уединенную долину, гдѣ держалось стадо зубровъ. Шагъ за шагомъ подвигались они, постепенно суживая свой кругъ къ чащѣ. Дойдя до опушки долины, Далматовъ и одинъ изъ его спутниковъ увидѣли зубровъ, расположившихся на холмѣ. Телята весело рѣзались и прыгали, высоко взбрасывая песокъ своими быстрыми ногами, время отъ времени подбѣгали къ маткамъ, терлись объ нихъ и снова такъ-же весело убѣгали. Звукъ охотничьяго рога внезапно превратилъ эту мирную жизнь. Испуганное стадо поднялось и стало искать глазами и носомъ непріятеля, а телята боязливо прижались къ маткамъ.

Когда же вслѣдъ за звуками рога раздался лай собакъ, зубры поспѣшно построились въ обыкновенный овой боевой порядокъ и стали отступать въ сторону, противоположную той, откуда неслись эти тревожные звуки. Чуть лишь стадо, отступая, приблизилось къ линіи охотниковъ, его встрѣтили громкимъ крикомъ и холостыми выстрѣлами. Старые зубры бѣшено пробили линію загонщиковъ и быстро пустились бѣжать, не обращая большого вниманія на людей, боязливо прижавшихся къ деревьямъ. Ловцамъ посчастливилось поймать двухъ телятъ. Одного, приблизительно трехмѣсячнаго, удалось укротить безъ особеннаго труда; другой же, которому было уже мѣсяцевъ около 15, повалилъ восьмерыхъ людей на землю и убѣжалъ. За нимъ погнались собаки и загнали его въ садъ лѣсника, гдѣ наконецъ удалось поймать его вторично.

Въ этотъ же день, при другомъ перегонѣ, изловили еще четырехъ телятъ, одного бычка и трехъ телушекъ, изъ которыхъ одной было не болѣе нѣсколькихъ дней отъ роду. Ее тотчасъ же отнесли къ домашней коровѣ, цвѣтъ шерсти которой подходилъ къ мѣху зубровъ. Корова встрѣтила бородатую малютку съ большою нѣжностью, и теленокъ, къ общему удивленію, сосалъ ее довольно исправно, но къ сожалѣнію на шестой день околѣлъ отъ опухоли на шеѣ, бывшей у него уже при поимкѣ. Остальные телята не хотѣли ничего ѣсть въ первый день неволи. Трехмѣсячный на слѣдующій день началъ сосать корову, которой отдали его на воспитаніе, и былъ здоровъ и веселъ. Всѣ другіе, за исключеніемъ старшаго, пили сначала молоко изъ рукъ и затѣмъ жадно стали тянуть его изъ ведра. Прошло нѣсколько дней, и взглядъ ихъ потерялъ свирѣпость, они перестали дичиться, сдѣлались рѣзвыми и веселыми. Когда выпускали ихъ изъ сарая на большой дворъ, то быстрота и красивость ихъ движеній невольно заставляли любоваться ими; они прыгали и бѣгали съ легкостію козы или оленя, играли по собственной охотѣ съ телятами домашнихъ коровъ, боролись съ ними и хотя были гораздо сильнѣе, но какъ будто изъ великодушія постоянно оставляли тѣхъ побѣжденными. Одинъ только пятнадцатимѣсячный бычокъ долго сохранялъ свой грозный свирѣпый взглядъ, сердился какъ только къ нему подходили, трясъ головой, облизывался и настораживалъ рога. Но по прошествіи двухъ мѣсяцевъ и онъ наконецъ сдѣлался довольно смиреннымъ; даже выказывалъ нѣкоторую привязанность къ кормившему его человѣку. Съ этихъ поръ и его стали держать посвободнѣе. Всѣ эти зубры охотно рыли ногами землю, подбрасывали ее высоко и становились на дыбы какъ лошади. Какъ только ихъ выпускали изъ сарая, они сейчасъ же ободрялись, гордо поднимали головы, раздували ноздри, фыркали и дѣ-

лали веселые прыжки. Повидимому, всѣ эти плѣнники хорошо понимали, что живутъ въ неволѣ, въ заключеніи, и печально глядѣли то на громадный лѣсъ, то на зеленые луга, такъ что можно было подумать, будто ихъ мучитъ тоска по родинѣ или по прежней вольной жизни, и это въ особенности сказывалось тогда, когда ихъ обратно загоняли въ сарай; тутъ уже они всѣ шли тихо, угрюмо, понуривъ головы. Къ человѣку, приставленному къ нимъ, зубры были очень расположены: смотрѣли ему вслѣдъ, когда онъ уходилъ, шли на встрѣчу, когда онъ шелъ къ нимъ, ласково терлись объ него, лизали ему руки и слушались его голоса. Всѣхъ этихъ семерыхъ зубровъ помѣстили въ двухъ отдѣльныхъ сараяхъ. Два самца, пойманные на первой ловлѣ, ѣли свой кормъ охотно и хорошо переносили его; остальные же, пившіе одно молоко, цѣлую недѣлю страдали поносомъ, какъ предполагаютъ оттого, что молоко, доставляемое издалека, не всегда было свѣжо и сладко. И дѣйствительно, болѣзнь прошла какъ только стали давать имъ свѣжее молоко прямо отъ коровы. Оба бычка отъ удовольствіемъ лизали соль, но остальные отворачивались отъ нея, также какъ старшій бычокъ отъ молока. Этотъ съ перваго же дня сталъ получать овесъ съ сѣчкой, сѣно съ пущенскихъ луговъ, вязовую кору и листья и различные лѣсные растенія. Когда остальныхъ телятъ отняли отъ молока, имъ стали давать такой же кормъ. Старшій бычокъ по нѣскольку разъ въ день пилъ воду, за которую точно такимъ же образомъ принялись и остальные, но не ранѣе какъ имъ перестали давать молоко. Чувства голода и жажды выражали они обычнымъ и свойственнымъ всѣмъ вообще зубрамъ хурханьемъ. Сытая и разнообразная пища, сарай, гдѣ они зимой были защищены отъ вѣтра и холода, а лѣтомъ отъ докучливыхъ насѣкомыхъ, положительно пошли въ-прокъ зубрамъ: они росли хорошо и быстро. Около года спустя всѣ они, уже полуукрошенные, были перевезены изъ Бѣловѣжа въ Гродно, на разстояніи около полутораэта верстъ. Двухъ самцовъ, предназначенныхъ для Гатчинскаго звѣринца, посадили въ длинную клѣтку, разгороженную пополамъ, такъ что оба они могли свободно ложиться, не удаляясь другъ отъ друга. Новая клѣтка и движеніе экипажа, повидимому, наводили на нихъ ужасъ. Хотя при этомъ и не выказывали они никакихъ буйныхъ намѣреній, держались вообще смиренно, однакоже въ теченіе первыхъ сутокъ своего переезда упорно отказывались отъ пищи и питья и не ложились вовсе. Но на слѣдующія сутки путешественники, какъ видно, пообглядѣлись, привыкли къ своему новому положенію и вели себя какъ обыкновенно. Пара (самецъ и самка), назначенная для Лондонскаго Зоологическаго сада, была помѣщена въ крытую и болѣе про-

сторную клѣтку, въ виду дальности и продолжительности ея путешествія. Самецъ во всю дорогу оставался крайне не въ духѣ и все время злобно ревѣлъ какъ самый обыкновенный быкъ, что однакоже въ зубрахъ вовсе не-обычно и, надо думать, показываетъ уже крайнюю степень тоски и страха. По приѣздѣ въ Гродно, обѣ пары были помѣщены въ одинъ большой сарай, гдѣ первоначально отдѣлили ихъ только поперечными балками. Но зубры тотчасъ же бросились другъ на друга съ такимъ остервенѣніемъ, что ихъ пришлось разлучить. Перегородка не удержала ихъ несколько: въ нѣсколько ударовъ они разнесли ее въ-дребезги. И замѣчательно, что всѣ три быка бросились на единственную самку, которую убили бы навѣрняка, не подоспѣвъ во-время сторожъ. Мало-по-малу они однако приглядѣлись другъ къ другу и изъ Гродно были благополучно доставлены къ мѣстамъ своего назначенія.

Въ спокойные годы, когда зубровъ не донимаютъ перегонами, ежегодный приплодъ ихъ, среднимъ числомъ, равняется 30 штукамъ, что составляетъ около 12%. Но въ наиболѣе благоприятные годы, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, приплодъ становится болѣе чѣмъ вдвое противъ обыкновеннаго. Стало-быть надо только дать зубрамъ нѣсколько лѣтъ полного спокойствія, и они вновь расплодятся до порядочной цифры.

Чтобы вѣрно знать наличное количество зубровъ, въ Бѣловѣжской Пушчѣ, по возможности, ежегодно дѣлается имъ общая повѣрка. Какъ только выпадетъ первый хорошій снѣгъ, стрѣлки выходятъ поутру на обзоръ своихъ участковъ и ищутъ на свѣжемъ снѣжномъ пологѣ зубровыхъ слѣдовъ. Но въ первое утро стадо рѣдко удаляется съ мѣста стоянки, на которомъ застигло его первое привѣтствіе зимы, потому что зубръ, какъ и всякое дикое животное, сначала, пока не свыкнется со снѣгомъ, становится боязливымъ и далеко съ мѣста не уходитъ; нужно чтобы прошелъ день, а иногда и другой, пока-то онъ наконецъ, томимый голодомъ, отважится совершить переходъ со своей стоянки. Стрѣлки однако же все это время тщательно изслѣдуютъ рубежи своихъ обходовъ, и если наконецъ стадо перешло съ прежняго мѣста, то каждый стрѣлокъ по величинѣ и количеству слѣдовъ легко пересчитаетъ число зубровъ и опредѣлитъ, сколько между ними старыхъ и сколько телятъ и подростковъ. Въ первое же утро по выпадѣ снѣга стоитъ только приблизиться съ подвѣтренной стороны шаговъ на сто къ стаду, которое не трогается съ мѣста, и тогда можно весьма удобно пересчитать въ немъ число головъ, такъ какъ на разстояніи ста шаговъ глазъ наблюдателя уже вполне различаетъ самокъ, достигшихъ полнаго возраста, отъ самцовъ среднихъ лѣтъ; но двухгодовалыхъ бычковъ издали вообще трудно отличить отъ самокъ.

Счисленіе зубровъ на много облегчается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что стада держатся опредѣленныхъ мѣстъ и участковъ Пушчи, такъ что каждый стрѣлокъ знаетъ почти навѣрное, сколько именно зубровъ находится въ его обходѣ, а по первоснѣгу, прослѣдивъ свои рубежи, онъ видитъ по направленію зуброваго «тропа», сколько животныхъ перешло къ нему изъ сосѣднаго обхода, или отъ него въ сосѣдній. Собразно съ этимъ доставляются каждымъ стрѣлкомъ донесенія лѣсничему своего отдѣла, а тѣ уже сообщаютъ ихъ старшему лѣсничему Бѣловѣжской Пушчи.

По свидѣтельству Далматова, опыты прирученія зубра можно считать довольно удачными, если начинать прирученіе съ самаго ранняго возраста. Относительно же взрослыхъ особей оно окончательно невозможно. Хотя, по наблюденіямъ, зубры въ неволѣ плодятся больше чѣмъ на свободѣ, ибо здѣсь устранивается пагубное соперничество неспособныхъ стариковъ-одиночекъ, и хотя извѣстны случаи, что эти звѣри выживали въ тѣсномъ заточеніи до двадцати лѣтъ, тѣмъ не менѣе ни разу еще не удавалось укротить вполне, безусловно, ни одного изъ этихъ своенравныхъ, всныльчивыхъ и злобныхъ животныхъ. Они смиренны и общительны только въ молодости, до извѣстнаго предѣла ихъ возраста; но чѣмъ становятся старше, тѣмъ болѣе возвращаются къ нимъ ихъ природныя дикія качества, такъ что люди, ходящіе за ними, никогда не могутъ быть увѣрены, что въ концѣ-концовъ, въ благодарности за ихъ уходъ, не будутъ въ иную злую минуту растерзаны. Точно также не удавались и опыты скрещенія зубра съ домашними породами рогатаго скота, если для этого избирались взрослые самцы и самки. Но когда дѣлали опыты съ зубрами, пойманными и прирученными еще въ ранней молодости, то, при скрещеніи самцовъ, на четвертомъ году ихъ возраста, получался хорошій приплодъ. Въ особенности удачны были эти опыты въ 1846 году у помѣщика Гродненскаго уѣзда Валицкаго, въ его имѣніи Виланова (по мѣстному произношенію Ильяново). Въ Кобринскомъ и Брестскомъ уѣздахъ чаще чѣмъ въ другихъ встрѣчается такъ-называемая зубровая порода домашнего скота, которая отличается большимъ ростомъ, темно-гнѣдою или рыже-гнѣдою шерстью и толстыми, мало раскидистыми рогами. Вообще происшедшій отъ скрещенія «зуброкровъ» выдается нѣкоторыми качествами, свойственными зубрамъ. Мнѣ довелось видѣть одинъ экземпляръ зуброкрова въ мѣстечкѣ Свислочи; это была темно-бурая жорва Марьянка, принадлежавшая одному французу, оставшему учителемъ бывшей Свислочской гимназіи. Это была презлостная, преупрямая и въ высшей степени своенравная тварь. Иногда ни съ того ни съ сего нападало на нее злобное

расположеніе духа; въ эти минуты она вырывалась изъ коровника, выбѣгала на улицу и съ тупымъ упорствомъ останавливалась по срединѣ площади, оглядываясь вокругъ своими свирѣпыми глазами. Въ такомъ положеніи она могла проставать цѣлые часы, и тогда рѣшительно всю площадь держала такъ-сказать въ осажденномъ положеніи, бросалась на собакъ, на свиней и на прохожихъ; въ особенности же не жаловала еврейскихъ ребятишекъ. Но не только евреи, а и наши ямбургскіе уланы бывало не отваживаются переходить черезъ площадь прямо ей на встрѣчу, а всегда стараются какъ-нибудь незамѣтно обойти стороною, около домовъ и заборовъ. Людей иногда Марьянка сшибала съ ногъ, иногда мяла и наносила имъ чувствительные удары; но свиньямъ и въ особенности собакамъ не разъ приходилось отъ нея очень и очень плохо. Впрочемъ, судя по опытамъ Валицаго и нѣкоторыхъ другихъ помѣщиковъ, можно думать, что во второмъ поколѣніи отъ зуборкрововъ должна произойти улучшенная порода скота, рослаго и сильнаго, и нельзя не пожелать, чтобы опыты въ этомъ направленіи продолжались.

Штральборнъ, одинъ изъ бывшихъ лѣсничихъ Бѣловѣжской Пуши, отличаетъ въ своей ученой запискѣ два вида зубровъ: 1) большіе ростомъ и дородствомъ, чернобурые, а лѣтомъ почти черные, съ шерстью болѣе длинною, причѣмъ борода и кисть хвоста покрыты длинными, пушистыми и вьющимися волосами, и 2) желтобурые, не столь красивые, не столь сильнаго тѣлосложенія, со скудною шерстью на бородѣ и хвостѣ, съ рогами меньшей величины и притомъ болѣе тонкими и болѣе нечистыми. Штральборнъ въ 1858 году устроилъ въ Пушѣ особый звѣринецъ, гдѣ у него въ числѣ одиннадцати зубровъ находилось семь экземпляровъ перваго вида и четыре желтобурыхъ. Къ сообщенію Штральборна, основываясь на разсказахъ позднѣйшихъ наблюдателей, мы можемъ прибавить, что звѣри перваго вида не совсѣмъ-то долюбиваютъ вторыхъ, какъ будто презираютъ ихъ отчасти и никогда не прочь задѣть ихъ ни съ того ни съ сего, и вообще стараются взять надъ ними первенство, словно они сознаютъ превосходство своей благородной и болѣе красивой, болѣе сильной породы.

Безопасное существованіе зубра въ Бѣловѣжской Пушѣ съ давнихъ временъ уже заботливо охраняется положительными и очень суровыми законами. Еще по Литовскому статуту убійца зубра считался уголовнымъ преступникомъ, а польскіе паны, при своемъ классическомъ самоуправствѣ, такъ просто-напросто вѣшали виновныхъ безъ дальнихъ судейскихъ разговоровъ. Въ изданіи Статута 1588 года, X, § 2, за самовольное убіеніе звѣрей въ чу-

жихъ лѣсахъ опредѣлена денежная пеня, а за зубра наложенъ еще особый штрафъ въ 12 рублевыхъ грошей, что соответствовало 64 серебрянымъ рублямъ,—деньги въ тѣ времена весьма и весьма-таки не малыя. Но еще болѣе строгія мѣры въ этомъ отношеніи приняты русскими законами. Нынѣ охота на зубровъ можетъ быть произведена не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія, по особому указу, который объявляется черезъ министра государственныхъ имуществъ. Въ Пушу воспрещается водить собакъ, пастьба скота дозволается въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, а въ тѣхъ участкахъ, гдѣ держится зубръ она и вовсе воспрещается. За самовольное убіеніе этого звѣря виновный подвергается карѣ, равносильной наказанію за воровство-кражу и, кромѣ того, денежной пенѣ въ 150 рублей серебромъ за cadaго убитаго зубра. Въ случаѣ нечаяннаго убійства, виновный все-таки предается суду, которому предоставляется изслѣдовать и разобрать степень его нечаянности. Равносильное наказаніе полагается и за убійство зубравнѣ казенныхъ лѣсовъ. Вообще во всѣхъ лѣсахъ: владѣльческихъ, спорныхъ, частныхъ и вѣзскихъ, законъ признаетъ зубра *неприкосновеннымъ*, и звѣрь этотъ, въ силу же закона, никогда, нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не составляетъ собственности частнаго владѣльца, который, при появленіи въ своемъ лѣсу зубра, хотя бы и мертваго, обязанъ тотчасъ же довести о семъ ближайшему лѣсному начальству.

Мы говорили уже, что кучки и стада зубровъ если и переходятъ порой въ сосѣдніе лѣса, то вскорѣ опять возвращаются въ Пушу сами собою, отъ недостатка надлежащаго подножнаго корма и спокойствія. Что же касается одинокимъ, то эти, напротивъ, перекочевываютъ въ смежныя лѣса довольно часто, и оттуда уже въ рѣдкихъ только случаяхъ возвращаются добровольно. Ихъ всегда приходится прогонять обратно насильственнымъ образомъ, при помощи крестьянскихъ облавъ и лѣсной стражи. Для предотвращения случаевъ подобныхъ перекочевовъ постановлено, между прочимъ, сохранять, по возможности, кругомъ всей Пуши усадьбы лѣсничихъ, бывшихъ стражниковъ, стрѣлковъ, постоянной лѣсной стражи (нынѣ вольнонаемныхъ) и поселки бывшихъ крестьянъ-осочниковъ, которымъ всѣмъ вмѣнено въ прямую обязанность, въ случаѣ перехода зубровъ изъ Пуши, тотчасъ же принимать мѣры для загона ихъ обратно. Все это, какъ видятъ читатели, мѣры вполне цѣлесообразныя, но все-таки для дальнѣйшаго поддержанія и размноженія рѣдкостной породы необходимо надолго отказаться отъ зубровыхъ охотъ и разъ навсегда отъ зубровыхъ перегоновъ.